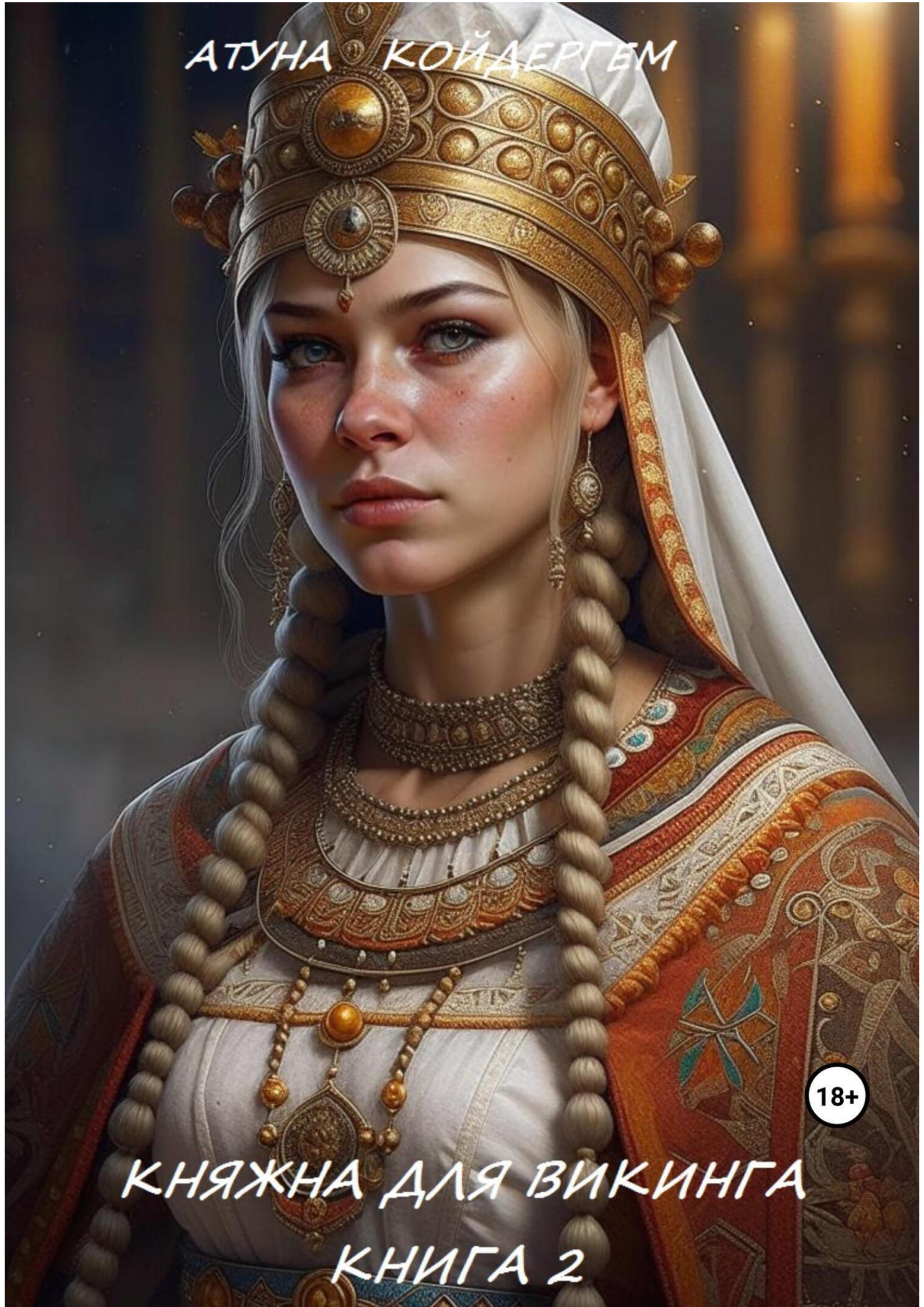

АТУНА КОЙДЕРГЕМ

18+

КНЯЖНА ДЛЯ ВИКИНГА

КНИГА 2

Княжна для викинга

Атуна Койдергем

Княжна для викинга. Книга 2

«Автор»

2017

Койдергем А.

Княжна для викинга. Книга 2 / А. Койдергем — «Автор»,
2017 — (Княжна для викинга)

IX век нашей эры. Русь раздроблена на множество княжеств, в каждом из которых свой собственный правитель. Несмотря на кажущуюся обособленность, уделы связаны между собой. Внезапная смена княжеской династии в Новгороде несет перемены и для его соседей. Непросто ужиться коренным жителям славянских земель с пришедшими варягами. Пуще других гнет пришлых ощущает княгиня Дива, дочь прежнего князя и жена нынешнего. Не находя себе места при новом укладе, она все сильнее запутывается в коварных сетях, расставленных искусными врагами. Все надежды на ее нового защитника и благодетеля. Но будет ли он помогать ей после всех приключившихся бед... Древнерусская сага не оставит равнодушным читателя, привыкшего к эпическим жанрам литературы. Множество героев, городов и событий захватывает внимание и держит в напряжении на протяжении всего прочтения.

© Койдергем А., 2017

© Автор, 2017

Атуна Койдергем

Княжна для викинга. Книга 2

Вдохновлено реальными событиями...

ТОМ 2

Глава 1. Нарушенные запреты

Солнце упало на лес. Косые лучи ласково гладили высокие стены Изборска. К воротам города приближалось несколько резвых всадников. Следом за ними, в отдалении, следовал обоз с множеством повозок, накрытых холстиной.

– Наместник! – в покои Годфреда влетел запыхавшийся слуга. Он так спешил, что даже споткнулся о порог. Упал и тут же вскочил на ноги. – Караульные из сторожевой башни заметили... На город наступает уйма конников... А с ними вместе телеги, груженные, возможно, оружием... Бить тревогу?!

– О, боги... – усмехнулся Годфред, потянувшись и задев кистью руки слугу, который заплетал ему одну из косичек. Прическа Годфреда отличалась сложностью. Шея и затылок были выбриты. Оставшиеся волосы разделялись пробором и убирались в множественные косички, которые время от времени необходимо было переплетать.

В тот момент, когда в двери внесся перепуганный слуга, Годфред собирался в город, готовясь к празднику. Вообще, вся неделя выдалась торжественной. Вначале отмечаеие Начала Жатвы, затем прославление покровителя всех воинов и властителя грома и молний. Сегодня вечером как раз должна состояться ритуальная служба в честь Перуна. Не сказать, что Годфреду хотелось туда идти. Он все еще чтит своих богов и верил в их силу даже на чужой земле. Посетить торжество он собирался только из приличия. Все-таки в дружине присутствовали теперь и изборчане.

Варди прервал свивание кос и оглядел своего господина вопросительно. Слуга, принесший скорые новости, также не сводил взволнованных глаз с наместника.

– Сначала надо выяснить наверняка, кто это... – рассудил Годфред здраво. – А уж после бить тревогу...

– А вдруг это ворог, и дорог каждый миг?! – устранился слуга, топчущийся на пороге.

– Варди, вплети и челку, чтобы не лезла в глаза... – зевнул Годфред. Он не казался напуганным или обескураженным. – Итак... Сколько же телег в «наступающем» на нас обозе? – уточнил Годфред у посланца, трепещущего на пороге.

– Очень много... – слуга сделал жест руками, обозначающий несметное количество.

– Есть ли среди этой вереницы осадные орудия?

– Кажется, нет, – нахмурился слуга, не понимая, куда клонит наместник.

– Ну тогда это, скорее всего, не ворог... А скажем, караван из Хольмгарда... – улыбнулся Годфред, бросив взгляд на ларец, где уже много дней без движения лежало письмо от новгородского тиуна. Арви сообщал, что князь Новгорода направляет своему племяннику всяческую подмогу.

Одетый и причесанный Годфред вышел на крыльцо. Следом за ним поспешал верный Варди. А на улице наместника уже ожидали вооруженные гриди, готовые сопроводить его в город. Среди них было также несколько бояр, в том числе, разумеется, и глава вече.

– Барма, – Годфред жестом подозвал к себе будущего тестя.

– Князь, – поклонился глава вече, взойдя по лестнице к Годфреду и установившись на одну ступень ниже того. – Приветствую... Мы можем отправляться, если будет угодно... – Барма не был в услужении у Годфреда. Но при этом он охотно выполнял обязанности его

помощника, ведал его расписанием и всеми важными делами. Хитрый Барма понимал, что лучший способ управлять событиями – это принимать в них участие.

– Сперваждемся Трувора, – Годфред решил поприветствовать гостей. Первоначальный план на сегодня – посетить капище Перуна – претерпел изменения.

– Как князь пожелает, – поклонился Барма, польстив Годфреду лестным титулом. В последнее время глава вече пребывал в приподнятом состоянии духа. Все складывалось крайне удачно в его судьбине. Торговые дела шли как нельзя лучше. По осени он ждет возвращения груженного товарами корабля из Византии, что сулит немалые прибыли. Его дочь в обозримом будущем выйдет замуж за Годфреда. Ну и, наконец, уже сегодня многие бояре выказывают ему, всеми ненавидимому Барме, уважение, которого прежде не было. Вот и сейчас он стоит почти на крыльце, пока остальные теснятся на тропинке, разбитой ночным дождем.

– И потом, Барма, надеюсь, ты не забыл? – обратился Годфред к главе вече, вырвав того из задумчивости. – Я никуда не поеду без моей невесты. Где Ясыня?

– Я чаю, она скоро будет, – поклонился Барма. На самом деле он не очень-то желал, чтоб Ясыня слишком сближалась со своим женихом прежде замужества. Зная нравы варягов и особенно самого Годфреда, Барма полагал, что будущим супругам лучше видеться реже. Тем более до предполагаемой свадьбы осталось не так долго. Ясыня, надо думать, скоро будет готова к рождению наследников. По крайней мере, так утверждает ее мать, взрастившая старших дочерей Бармы.

– Сколько можно ждать? – недоумевал Годфред, не догадывающийся о том, что опоздание невесты запланировано заранее.

– Князь мог бы пока отправиться в город... – предположил Барма. Когда он отсылал в свой дом записку жене, то ясно указал, что дочь может не слишком торопиться. Потому сейчас он не удивлялся, что она задерживается. – Гулянья продлятся до утра. Ясыня всяко появится в скором времени... И тогда...

– Исключено, – помотал головой Годфред. – Я желаю дожидаться мою невесту.

– В таком случае,ждемся, – сдался Барма. В конце концов чему быть – того не миновать. Если Годфред вбил себе в голову, что сегодня должен выйти в город вместе с невестой, пусть так и будет. В этом даже есть свои положительные стороны. Увидев его, Бармы, дочку вместе с наместником, остальные бояре наконец уразумеют, что он не самый последний человек в Изборске. И выкажут, наконец, ему свою признательность!

Тяжелые ворота города затрещали. В город неспешно въехала колонна всадников. Следом за ними струилась цепь телег да кое-какого рогатого скота. И вскоре на княжеских дворах не было места и пчелке пролететь свободно.

– Приветствую тебя! – Трувор спешил с коня и подошел к Годфреду, который шагнул ему навстречу.

– А я тебя, брат, – Годфред похлопал Трувора по плечу. Они не были братьями по крови, но по душевному складу уж точно таковыми являлись. Оба неунывающие и озорные. – Как дорога? Долго вы шли...И выглядите измученными...

– С нами все ладно, – кивнул Трувор, который не хотел жаловаться, но в действительности крайне устал от этого бесконечного путешествия. Отягощенный повозками, коровами с козами и княжной Велемирой, он чувствовал себя не главой похода, а их слугой и охранником. – Это ты к моему приезду так разоделся?!

– Ахаха, – рассмеялся шутке нарядный Годфред. – Боюсь, что нет...Но вам я рад безмерно, – Годфред поднял вверх ладони, приветствуя таким образом всех гостей, которые могли его видеть. – Признаться, я жду вас уже дюжину дней...Впрочем, пожалуй, вы прибыли вовремя...Как раз в праздничную седмицу...

– Так ты торопишься на праздник? То-то я гляжу, такой нарядный!

– Я уже устал от праздников, – признался Годфред. – Сначала, Фрейфакси. То есть Начало Жатвы. Ты же сам понимаешь, как значим для нас урожай. И как важно умили-вить богов в эти дни. А сегодня и день Перуна к тому же. Вот я и иду в город... О боги, как я рад видеть тебя... – улыбнулся Годфред. – Честно говоря, я думал, что из Новгорода ты ни на ногой... Но раз дядя отправил сюда тебя, значит... – Годфред перестал горланить на весь двор и заговорил тише, – значит, в одной из повозок хоронится нечто ценное, я полагаю...

Разумеется, о золоте Арви не стал упоминать в своем послании. Но Годфред и сам был не дурак. И догадался, о чем свидетельствует большое количество повозок.

– А ты смышлен, – кивнул Трувор шутливо. За все время пути он был мрачен и уже даже перестал походить на самого себя, обычно веселого и беззаботного. Но сейчас ему отчего-то полегчало. То ли беспечная улыбка Годфреда так действовала, то ли лица друзей, которых он давно не видел. То ли еще что-то. – Там золото, – негромко сообщил Трувор.

– Это одна из самых распрекрасных новостей, что я слышал за последние три дня... И надеюсь, больше в повозках ничего лишнего, – пошутил Годфред, который, разумеется, понял, что большое количество телег обязано отвлечь внимание от одной единственной повозки с ценным грузом.

В этот момент к беседующим мужчинам примкнула девица. Это была Велемира. Несмотря на летнюю пору, ее украшали теплые одежды: песцовая телогрея. Видно, княжна замерзла в дороге. А может, хотела подчеркнуть свое благородное происхождение при помощи ценных мехов. Вид у нее был величавый и довольный. Она установилась возле Трувора и в знак приветствия поклонилась Годфреду, догадавшись, что он и есть племянник Рюрика.

– Это сестра жены Рёрика... – пояснил Трувор Годфреду положение Велемиры.

– Еще одна дочь Гостомысла? – одной из любимых тем Годфреда были девицы. И он оглядел Велемиру с некоторым любопытством. – Зачем дядя прислал ее?

– Он ее не прислал, – вздохнул Трувор утомленно. – Она со мной...

– А, ясно, – кивнул Годфред, перестав разглядывать Велемиру.

Кто-то кашлянул в паре шагов. Это был Барма. Ясыня наконец прибыла и стояла теперь возле него вместе со своей старшей сестрой. Тут же был и слуга – для сопровождения обеих дочерей главы вече.

– Ясыня... – Годфред даже не сразу узнал свою невесту, так она изменилась с их последней встречи. В прошлый раз она была одета кое-как, в простое льняное платье, с заплаткой на подоле и подпоясанное тонюсеньким пояском, похожим на шнурок. Ее рыжие волосы тогда постоянно разлетались в стороны, отчего она казалась небрежной и ветреной. Сегодня же она выглядела совсем иначе: торжественно, как и полагается дочери главы вече. Аккуратная коса спускалась по ее спине блестящей змеей. Тонкий узорчатый венчик украшал чело. Помимо рубахи и платья, на ее плечах имелась вышитая золотой нитью легкая накидка. Ее запястья были охвачены браслетами, а стан – жемчужным поясом. На такую красавицу было бы невозможно не обратить внимания. Годфред сразу же подошел к своей красавице и взял ее за руку. – Трувор... Это моя возлюбленная невеста... – представил Годфред юную дочь Бармы, усыпанную летними веснушками.

– Госпожа, – поприветствовал Трувор будущую жену Годфреда.

– Госпожа... – следом пропищала Велемира подхалимски, чтобы теперь уже ни у кого не осталось сомнений в том, что она здесь вместе с Трувором.

Ясыня не знала, что полагается отвечать и потому лишь молча улыбнулась гостям. Несмотря на то, что ее вырядили в лучшие одежды, она чувствовала себя неловко. Гораздо удобнее ей было бы в ее привычном одеянии, которое нестрашно испачкать или порвать.

– Что ж, вы устали с дороги... – продолжал Годфред, удерживая Ясыню за руку. – Вам надо расположиться... Горазд! – подозвал Годфред приказчика, болтающегося по двору. – Раз-

мести наших дорогих друзей по избам... И позаботься о том, чтобы все были сыты... Барма... – на сей раз Годфред обращался к будущему тестю. – Приблизься...

– Я слушаю, князь, – Барма уже был готов ехать в город на праздник и удивился, что Годфред зовет его. Ему даже пришлось сойти с запряженной тройки, где он полагал ехать вместе с дочками.

– Я очень доверяю тебе... Позаботься о прибывших. И особенно об их поклаже... Позже, когда я вернусь, мы разберемся с ней основательней. Пересчитаем и расположим в надежном месте. А пока надобно снести все в гридницу и выставить охрану... – распорядился Годфред. – Горазд поможет тебе... Впрочем, ты и сам тут человек не чужой и знаешь все вполне...

– Да, но... Я полагал, что мне надлежит ехать в город... – растерялся Барма.

– Ну какой город? – Годфред подался к Барме и заговорил серьезно и тихо. – Тут повозка с золотом. Какие могут быть гулянья? Я сам ехать должен, чтобы явить единство с Изборском. Но оставляю тебя здесь за старшего... Мое доверие есмь честь.

– Слушаюсь, князь... – озабоченно наморщив лоб, Барма тем не менее не осмелился перечить вслух. Ему не желалось отпускать куда-то своих дочерей с Годфредом и его головорезами. Наверное, это лишь предрассудки: ведь наместник и его люди – это власть, закон и порядок в городе. Все должно пройти ровно.

Капище разместилось на поляне, опоясанной со всех сторон темным лесом. В середине лужайки стоял деревянный истукан, изображающий Перуна. Идол этот когда-то был высоким дубом, корни которого и по сей день прятались в земле. Он был так высок, что суровые очи божества виделись даже на далекой опушке. У его могучих стоп раскинулся жертвенник, выложенный в виде кольца из тяжелых валунов. Внутри жертвенника покоилась глубокая ладья, в которую собирались подношения. Вокруг идола были выкопаны шесть огромных ям. Внутри них полыхали костры, кажущиеся особенно яркими в заходящем солнце. Искры от огня с треском взвивались высоко в воздух.

– Сегодня мы славим Перуна, защитника нашего города и покровителя нашего воинства... – голос волхва звучал громко и зычно, словно эхо в скалах. Никто не осмеливался в этот момент прошептать и слова, дабы не нарушишь обрядовой речи. – Но не только бессчетными победами обязан Изборск Перуну. Небесный огонь, нисходящий на землю и дающий жизнь... Громы и молнии, проливающиеся на наши пашни весенними дождями, зарождающими урожай...

В толпе никто не разговаривал, не смеялся. Все внимали жрецу, пытаясь запомнить каждое его слово.

Прикрыв рот ладонью, сжатой в кулак, Годфред зевнул. Торжественный обряд и молитвы утомили его. Вокруг него были в основном изборчане. И всего несколько гридей из его собственной дружины кучковались вокруг него для охраны. Этот вечер был бы почти непереносим, если б не присутствие Ясыни, пока еще малознакомой и оттого только более привлекательной.

Годфред перевел взгляд на стоящую рядом с ним дочь главы вече. Она и ее сестра слушали речь волхва также внимательно, как и остальные их земляки.

– Дорогая... – Годфред уложил ладонь на талию Ясыни. – Ты не устала стоять на одном месте? Может быть, нам прогуляться?

Ясыня выглядела спокойной, доброжелательной и интересующейся ритуалом. Что до ее старшей сестры, Люборы, то та была более всего внимательна по отношению к самому Годфреду. Завидев, как он обхватил Ясыню за стан, Любора сдвинула брови почти совсем также озабоченно, как и ее отец.

– Я хочу пить, – призналась Ясыня шепотом. Годфред хотел что-то сказать, но она приложила палец к губам, выражая тем самым необходимость сохранения тишины. Затем убрала

со своего пояса руку Годфреда и жестом указала ему вперед. Туда, где возле алтаря суетились помощники волхва. – Сейчас будет жертвоприношение...

– Чью душу отдадут Перуну? – тихо уточнил Годфред у Ясыни.

– Красных петухов, – прошептала Ясыня, указав в сторону, где в большой корзине вроде клетки сидели жертвенные животные.

– Я думал, какого-то раба, – удивился Годфред. – Ну или по меньшей мере быка...

– Бык – священное животное, – сообщила Любора, как показалось Годфреду, чуть надменно.

Жертвоприношению предшествовали песни и молитвы в честь божества. Волхв много рассказывал и объяснял. Годфред особенно не вслушивался в его слова и даже не следил за разворачивающимися действиями. Гораздо более его интересовала Ясыня. И ему хотелось поговорить с ней. А лучше всего погулять где-нибудь. Подальше отсюда. Он для того-то и велел Барме прислать дочь на праздник, чтобы не скучать и вместе с тем под благовидным предлогом провести время с будущей женой, узнав ее получше.

Годфред отвлекся на разговор с Ясыней и пропустил речь волхва. А тем временем жертвенник заложили щитами: среди мужчин Изборска некоторые были опытными воинами, имеющими не только обычные ножи, но и дорогостоящее оружие.

– Возложите свое боевое снаряжение на щиты! – призвал волхв собравшихся. – Мы освятим его кровью жертвенного животного. Владелец заговоренного сегодня оружия делается неуязвим и удачлив в любой схватке!

Изборчане длинной цепью потянулись к высокому жертвеннику, чтобы сложить на щиты свое оружие. В основном это были ножи и копья, но присутствовали также мечи и топоры. И вскоре возле идола выросла гора из железа и дерева.

– Варди... Тебя не дозовешься... – Годфред подошел к своим гридям и установился возле Торольва. Тут же был и его слуга – молодой Варди. – Дай воды... Ясыня хочет пить...

– Господин... – Варди порылся в корзинке, которая стояла у него под ногами, извлек оттуда корчагу и протянул ее Годфреду.

– Ты пойдешь возложить свой меч на щиты, дабы получить защиту Перуна? – любопытствовал Торольв, пережевывающий пирожок. – На этих землях нам может понадобится его покровительство...

– Здравая мысль, – одобрил Годфред. – Варди... Возьми наши с Торольвом мечи и отнеси на жертвенник.

– Только смотри за ними, не отвлекаясь, – предупредил Торольв, доставая свой дорогой меч из ножен. – Если кто-нибудь стянет мой клинок, я оторву твою пустую голову.

Варди забрал оружие и пошел в очередь, которая двигалась мимо алтаря, выросшего в величественную гору. Гриды Годфреда также насовали в руки слуги кто кинжал, кто топорик, желая на всякий случай принять милость Перуна.

– У меня есть для тебя поручение, – обратился Годфред к Торольву, который даже без меча выглядел как самый отъявленный головорез. Не бояться его могли лишь те, кто уже был с ним знаком прежде. С первого взгляда он пугал своим жутким обликом и такими же повадками. Мало того, что он был значительно выше любого обычного мужчины, так к тому же его одежда из шкур, зубов и костей животных, а также косматая борода – прибавляли ему внешней свирепости, делающей его похожим на дикаря. – Я хочу, чтобы сестра Ясыни убралась с моих глаз. Позови ее куда-нибудь...

– Боюсь, со мной она никуда не пойдет, – хмыкнул Торольв шутливо. – Чем она тебе помешала только? По большей части времени стоит молча, никого не донимает...

– Ты не понимаешь. Я хочу остаться с Ясыней наедине, – пояснил Годфред.

– О, льды Нифльхейма... – усмехнулся Торольв. – Распутник... Даже мне ясно, что с женщиной из благородной семьи так нельзя! Нельзя сразу тащить ее на сеновал!

– Взял и все опошлил... – вздохнул Годфред. – Я и не собирался тащить Ясыню на сеновал! Ты просто болван! Она же моя будущая супруга, в конце концов! А для меня честь любимой превыше всего!

– Зачем тогда тебе оставаться с ней без ее сестрицы, блюститель девичьей чести? – подколол Торольв.

– Затем, что... – Годфред фыркнул, словно лошадка. – Затем, что я хочу получше узнать свою невесту. Но мне не нравится, что ее сестрица постоянно точит нас взглядом. Меня это отвлекает... Я даже не могу обнять Ясыню!

– Ну и ну. Сначала женись, потом уж обнимай, – хихикнул Торольв. – Кстати, по моим наблюдениям, объятия порядочных женщин часто уступают ласкам продажных девиц...

– Ты просто дурак, – заметил Годфред. – Нет ничего радостней, чем впервые заключить в своих объятиях любимую. Даже если она не такая уж мастерица в любви!

– Ну хорошо, дело твое... Что я могу здесь предложить... – задумался Торольв, заглатывающий пирожок с яйцом и какой-то зеленью. – Могу прихлопнуть невзначай слугу Бармы, что охраняет дочерей своего хозяина и выступает извозчиком... А вместе с ним можно даже и эту сестрицу шлепнуть купно... – пошутил берсерк.

– Ну почему я должен все продумывать сам?.. – пощипывая подбородок, Годфред издали окинул взором старшую дочь Бармы, неприглядную Любору, которая стояла возле Ясыни и вместе с той наблюдала за обрядом. – Я знаю... Подойди к ней, скажи, что время уже позднее, и ей нужно ехать домой.

– А если она не согласится? Наверняка эта злыдня тут для того, чтоб присматривать за Ясыней, – предположил Торольв. – Мне что, тогда насильно заталкивать ее в повозку вместе со слугой?! Я, конечно, могу это сделать без проблем... Но не уверен, что это правильно. Все-таки она твоя будущая родственница... – несмотря на то, что Торольв слыл отмороженным на всю голову и в жестоких боях ему не отыскивалось равных – в действительности он был неглуп и определенные вещи понимал вполне.

Годфред задумался. Его глаза бессознательно следили за происходящим на поляне возле жертвенника. Ум его был занят вовсе не молитвами и не мыслями о богах.

– Смотри туда... – Торольв кивнул в сторону алтаря.

Волхв совершал жертвоприношение, шепча обережные заговоры. Три огненно-красных петуха один за другим лишились своих голов во славу Перуна. Их кровь окропила сложенное на алтаре снаряжение защитников Изборска. После заклинания мужчины один за другим двинулись к жертвеннику, дабы забрать каждый свое оружие, заговоренное жрецом.

– Да хранит тебя Перун! – наказывал волхв каждому приспевшему к нему мужчине, смазывая лоб верующего жертвенной кровью.

– Ладно, пойдем... – Годфред махнул Торольву рукой следовать за ним.

– За мечами? – уточнил Торольв, сплюнув через плечо.

– К Ясыне! – гавкнул Годфред. – Кстати... Как зовут ее сестрицу? Я что-то запамятовал...

– Кажется, Любора, – припомнил Торольв.

Ясыня и Любора наблюдали за «боем Перуна и Велеса», стоя под руку. Сражающимися божествами были в действительности причты культа, одетые соответственно. В одной руке громовержца мелькала палица, а в другой – каменный топорик. Из-за его спины выглядывал колчан со стрелами, имеющими каменные наконечники. «Велеса» же покрывала медвежья шкура с разинутой пастью, из которой торчали острые клыки зверя. За поясом Велеса был прицеплен кнут, скрученный кольцами. В ладонях он сжимал длинное копьё, оканчивающееся наверху змеей.

Затаив дыхание, зрители ожидали исхода битвы, которая определила бы дальнейшую участь всех людей в мире. «Перун» неминуемо побеждал своего соперника. Его тяжелый

каменный топор упал на копьё «Велеса», и оно треснуло. Следующим ударом разгневанный громовержец поразил противника, обрушив на него тяжелую палицу. Раздались одобрительные возгласы. Изборчане радовались победе Перуна. Волхв взял в руку факел и поджег заготовленную заранее краду. Пламя тут же охватило ладью с дарами для божества, дым взвился над лесом.

Ясыня и Любора были так поглощены захватывающим зрелищем, что даже не заметили, как к ним подошли Годфред и Торольв.

– Дорогая, – Годфред взял Ясыню за руку, отцепив ее таким образом от сестры. – Тебя мучила жажда... – Годфред снял пробку и протянул Ясыне корчагу.

– Это вода? – уточнила Ясыня, покосившись на подозрительную флягу.

– Вода, – усмехнулся Годфред, которого забавляла осторожность Ясыни. С виду дочь главы вече бойкая и смелая. Но, кажется, в ее груди все же бьется пугливое девичье сердце. Хотя, может, оно не такое уж пугливое. – Кстати, Любора... – Годфред обратился к будущей свояченице. Та подняла на него строгий взгляд, какой встречается у старших сестер и наставников. – Время уже позднее. Я полагаю, тебе лучше отправиться домой, – заявил Годфред.

И правда, яркий диск луны был на юге. А это свидетельствовало о том, что время ушло за полночь.

– Пойдем, Ясыня... – позвала Любора сестру. – Нам, и правда, нужно уже быть дома.

– Ага, – Ясыня вернула Годфреду флягу и уже была готова отправиться следом за сестрой, двинувшейся к повозке, где их ждал слуга отца.

– Ты останешься, дорогая, – Годфред положил ладони на плечи Ясыни, таким образом удерживая ее. – Я хотел тебе еще кое-что рассказать.

– Но нам надо возвращаться, – возразила Любора, и ее взыскательный взор впился в молодого наместника, словно жало осы.

– Возвращайся, – кивнул Годфред Люборе. – Ясыня прибудет позже. Я сам позабочусь о ней.

– Но батюшка велел, чтобы мы с Ясыней... – принялась спорить ответственная Любора.

– Ясыня останется со мной. Не беспокойся за нее. И не прекословь мне больше, – Годфред умел быть жестким, когда это требовалось. – И передай отцу, что все будет хорошо...

– Я лучше пойду с Люборой, – заколебалась Ясыня. – Родители будут волноваться.

– Они не будут волноваться, – не согласился Годфред. – Ты ведь со мной, а не абы с кем. Тем более я хочу, чтобы ты досмотрела зрелище до конца... – увлекая за собой следом Ясыню, оглядывающуюся на сестру, Годфред двинулся ближе к месту, где шли обрядовые бои. На сей раз сражались воины, а не переодетые причты. Битвы уславливались до первой крови, и было строго запрещено наносить тяжелые раны противнику.

– Победой непревзойденного Громобоя восславим Перуна! – провозгласил волхв, указывая на победителя очередного поединка. Им был высокий русоволосый детина с венчиком, сдерживающим непослушную челку. – Но не только бранными подвигами должен быть славен витязь Перуна... – продолжал волхв. – Плох тот воин, что одерживает победы лишь на поле боя. Искусный ратоборец обязан уметь проявлять себя и на ином поприще, достойном похвалы. Этой ночью пусть каждый, кто называет себя воителем, приласкает любимую женщину.

– Ты слышал?! Сам Перун настаивает! – хихикнул Торольв на ухо Годфреду. – Хорошо, что ты не отпустил Ясыню домой.

– Замолкни, – цыкнул Годфред на своего друга. Ясыня стояла рядом и могла услышать разговор, который, разумеется, оскорбил бы ее. – Дорогая, ты не устала? – обратился Годфред к своей невесте. На самом деле он уже сам утомился от этого нескончаемого праздника. Он вообще пришел сюда не по собственному желанию, а лишь из-за необходимости. И вот теперь

он ощущал, что не хочет больше тут находиться. Пусть Перуна славят те, кому это нравится. А ему нравится вернуться домой. Вместе с Ясыней. Как велел волхв!

– А мой вызов примешь, непревзойденный Громобой? – прогремел Торольв, обращаясь к русоволосому парню с венчиком на лбу. – Или перетрусил?

– Приму, – храбрый детина шагнул вперед.

– Узрим бой Громобоя и... – волхв оглядел Торольва вопросительно.

– Торольв...

– Узрим бой непревзойденного Громобоя и отважного Торольва. Сразитесь во имя Перуна. Но помните, вы не должны ранить друг друга сильно. Вы прольете свою кровь в тот день, когда вас призовет Перун и на благо своего города, – напомнил жрец.

Зрители расступились, освободив на поляне место для очередного сражения. Торольв скинул тяжелую накидку и двинулся к противнику, уже ожидающему его.

– Мне пора домой, – напомнила Ясыня.

– Мне кажется, ты замерзла, – Годфред обнял дочь Бармы за пояс, притянув к себе. Ему было интересно посмотреть на бой Торольва и незнакомого изборчанина, славного своими боевыми навыками.

– Я не замерзла, – солгала Ясыня, которая на самом деле уже давно озябла. Летние дни были теплы, но ночи прохладны. И тем не менее она помнила правила. Она из знатной семьи. И ей не полагается ни с кем обниматься. Посему она полагала отстраниться от своего жениха, но не знала, как это сделать, чтоб не обидеть его.

– Я тебе не верю, – улыбнулся Годфред Ясыне, прижав ее к себе покрепче. Она была худенькой и маленькой. Ее сердце билось быстро, как у дикого зверька. То ли ее взволновали жаркие схватки ее соотечественников, то ли настойчивые объятия ее жениха.

– Я хочу домой, – еще раз напомнила Ясыня, на сей раз серьезнее прежнего. Она не выглядела напуганной или рассерженной. Скорее, целеустремленной и убежденной в своих действиях.

– Ладно, – согласился Годфред, который и сам уже давно желал покинуть праздник, посвященный чужому богу.

Черное небо посветлело, луна сделалась блеклой, что говорило о приближении утра. На горизонте виднелись зарницы далеких гроз. Но над Изборском было ясно и тихо. Ни молний, ни грома.

Княжеский детинец спал крепко, словно сытый младенец. Никто не ходил по дворам, не слышалось голосов. До восхода солнца еще оставалось немало времени. Предрассветные часы особенно сладки. Лишь стража не смыкает бдительных очей.

– Это не мой дом... – оглядевшись, нахмурилась Ясыня после того, как Годфред помог ей сойти на землю.

– Нет, но он скоро станет твоим, – объяснил Годфред, кивнув своим гридям, чтоб увели лошадей и сами расходились по избам. Надобности в них больше не имелось.

– Если я не вернусь домой, отец разозлится. И побьет меня прутьями, – вздохнула Ясыня.

– Если он это сделает, то я отрублю ему руку, – пообещал Годфред.

– Он же мой отец, – напомнила Ясыня. – Не надо его рубить.

– Как скажешь... – сжав замерзшую ладошку Ясыни в своей горячей руке, Годфред повел невесту в гридницу, где находились его покои.

– Мне бы домой, – приостановилась Ясыня, которой на самом деле не хотелось возвращаться к суровым родителям. Ей было хорошо с Годфредом, поскольку в ее жизни прежде не наличествовало никаких мужчин. Несмотря на живой нрав, она не ходила гулять по ночам и не забавлялась с молодежью. Родители не одобряли подобного времяпрепровождения. Ясыня в основном сидела дома с матерью и сестрами, изредка развлекая себя занятиями вроде стрельбы

из лука и метания кинжала отца в дерево, растущее во дворе. – Если до утра я не вернусь, это будет плохо для моего доброго имени.

– Это не будет плохо для твоего имени, поскольку ты со мной, дорогая, – заверил Годфред.

В гриднице было теплее, чем на улице, хотя печка тут летом не топилась. Зато от сотни зажженных свечей исходил не только свет, но и тепло. Годфреду не пришлось по вкусу княжеские терема Изяслава. И потому он велел разместить все свои вещи в гриднице, хотя она не была предназначена для жития правителя. С виду гридница была скромна: не имела широких гульбищ и высоких башен. Но Годфреду здесь нравилось больше, чем в избах покойного князя и его также преждевременно почившего сына.

Ясыня зашла вслед за Годфредом в гридницу и огляделась. Здесь не было ни ваз, ни кувшинов, ни даже ковров. Стены украшали мрачные и прекрасные клинки разных размеров и форм.

– Какой большой нож... – Ясыня не отрывала взора от короткого меча всего в локоть длиной. Его лезвие было массивным, почти в фалангу толщиной и шириной в три пальца.

– Это скрамасакс, – пояснил Годфред, наблюдая за Ясыней, восторгающейся его собранием оружия.

– Он украшен? Как красиво... – Ясыня умела ценить красоту, даже если ею не являлись вышивки и ткани с узорами. Орнамент на мече был выгравирован поистине искусной рукой. – Можно посмотреть?

Годфред снял со стены меховые ножны, извлек из них величественный скрамасакс и протянул его своей гостье. Этот клинок был меньше привычного меча и смотрелся в руках Ясыни уместно.

– Какой тяжелый, – заметила Ясыня, попутно разглядывая рукоять меча, выделанную в виде головы ворона.

– И очень удобный, – подчеркнул Годфред. – Его используют в паре с обычным мечом. Он может проткнуть любую кольчугу и кожаный доспех.

– Я не рассматриваю оружие с этой стороны, – призналась Ясыня, не отличающаяся кровожадностью. – Мне нравится, как оно выглядит и все.

– Ну а когда стреляешь из лука, кого же ты представляешь? – поинтересовался Годфред.

– Никого. Просто стреляю в цель, – ответила Ясыня, вернув Годфреду его оружие. – Я раньше не видела такие ножны... – кивнула Ясыня на ножны, в которых был скрамасакс. Они имели бронзовые накладки с причудливым орнаментом и три кольца, через которые был продет ремень. – Почему узор только с одной стороны? У мастера не хватило времени доделать работу до конца?

– Узор лишь с одной стороны, поскольку скрамасакс носится на левом боку. Вот здесь, – Годфред не упустил момента приобнять Ясыню, приложив к ее бедру необычный коротенький меч.

– Понятно, понятно... – Ясыня поторопилась вернуть хозяину его ценности, даже не рассмотрев до конца узоры. С виду все было пристойно, жених не позволял себе распускать руки. Но осторожная Ясыня все-таки раскусила замыслы Годфреда, который весь вечер норовил прижаться к ней под тем или иным предлогом. – Все ясно, можешь повесить обратно на стенку...

– Можно тебя поцеловать? – неожиданно спросил Годфред у Ясыни.

– Ам... Нет, – колебания Ясыни опытный глаз заметил бы сразу. А у Годфреда глаз был наметан.

– Почему? – улыбнулся Годфред Ясыне, застав ее врасплох последующим вопросом, – что в этом дурного?

– Ну... – Ясыня задумалась. Действительно, что дурного в поцелуе? Когда в народе отмечают масленицу или какие-нибудь шумные праздники, полгорода лобзается между собой. Она сама, конечно, не простолюдинка и не участвует в подобных забавах наравне с остальным. Но тем не менее...

Видя, что Ясыня увязла в размышлениях, Годфред не стал терять времени. Одной рукой он обнял свою гостью, другой – дотронулся до ее подбородка, приподнял ее головку к себе и поцеловал ее губы. Очень нежно и бережно.

Но ответного поцелуя Годфред не получил. Ясыня растерянно отвернулась. А потом и вовсе отошла в сторону, присела на лавочку возле окошка, за которым слышалось стрекотание сверчка.

– Что такое? – удивился Годфред, который был внимателен и терпелив.

– Я не уверена, что целовать кого-то в моем случае правильно, – поделилась своими сомнениями Ясыня.

– О боги, разумеется, неправильно целоваться с кем попало! – подтвердил Годфред. – Можно только с женихом! В этом ничего предосудительного. Ты ведь все равно станешь однажды моей, так ведь?

– Да... Но сейчас я устала и хочу спать, – вздохнула Ясыня, которая не могла признаться в истинных причинах своей нерасторопности. Она с детства пыталась казаться смелее и уверенней, чем являлась на самом деле. Впрочем, по сравнению с большинством дев, она, и правда, была отважной. По крайней мере, за словом в карман она не лезла. И не стеснялась ни своих суждений, ни своих нарядов, ни своих привычек.

– Как скажешь. Если ты хочешь спать, я уложу тебя, – Годфред присел на лавку возле Ясыни и оглядел ее шаловливо вздернутый нос, усыпанный веснушками. – Ты желаешь чего-нибудь? Поесть или умыться?

– А я, что... Разве я тут?.. Нет, я, пожалуй, не хочу спать, – запуталась Ясыня.

Годфред рассмеялся. Тогда, при первой их встрече, она была гораздо решительней, то и дело вклинивалась в общий разговор. Но сейчас, будучи тут без семьи, она виделась милой и застенчивой.

– Знаешь, чего бы я никогда не хотел? – Годфред мечтательно оглядел Ясыню. Он больше не позволял себе хватать ее, хотя она сидела возле него, а ее лицо было совсем близко. – Я бы не хотел, чтобы моя жена испытывала ко мне отвращение. Многих вынуждают жениться против воли. И это очень плохо! – Годфреду сразу вспомнилась его первая невеста, которая скончалась от болезни в тот момент, когда он сам уже был готов наложить на себя руки от одной мысли о брачной ночи с ней. – И я бы хотел, чтобы моя жена любила меня искренне. А не потому, что так нужно. Если ты совсем не любишь меня, то лучше скажи сейчас. Да, сейчас.

– Нет, но... – Ясыня старалась не показать вида, но явственно растерялась. Разумеется, Годфред сразу пришелся ей по сердцу. Он молод и хорош собой. С ним нескучно, и он не грубиян. На его месте мог бы оказаться влиятельный ворчливый старикашка, пожелавший в жены юную деву. Да, Годфред, определенно, лучше всех женихов на свете. И к тому же он не какой-то обычный человек. А наместник княжеский, племянник Рюрика Новгородского. Какого еще мужа можно желать? – Я люблю... Да.

– Правда? – по-мальчишески радостно улыбнулся Годфред, притянув Ясыню и усадив ее себе на колени. – Если это так, то ты должна все-таки поцеловать меня. В доказательство твоих слов.

Ясыня внимательно рассматривала лицо Годфреда. Было очевидно, что она опять о чем-то задумалась.

– Я не знаю, что нужно делать, – наконец призналась Ясыня.

– О... Вот как... Ну ладно... Я научу, – Годфреду все больше нравилась его невеста, хотя он и сам не понимал почему. Наверное, потому, что несмотря на ее робость и подчеркнутую

тую вежливость, в ней чувствуется духовная сила. И особое упрямство, которое привлекает. И самое главное – в Ясыне нет притворной скромности. Она не жеманится. – Обними меня вот так, – Годфред уложил руки Ясыни себе на плечи. – Поверни голову чуть сюда. Закрой глаза... Нет, сначала посмотри на меня. А теперь закрой глаза, – Годфред снова поцеловал Ясыню в губы. На сей раз она не отворачивалась, что радовало его бесконечно. После кучи развратных девах, коим уже не хватало места в его памяти, ему нравилась непорочная Ясыня, которая вместе с тем была неглупа. Да, пожалуй, именно такая жена и должна у него быть.

Годфред подхватил Ясыню на руки и пошел в дальнюю горенку, служащую ему опочивальной. На лавках было неудобно даже сидеть, не то что милиться с любимой.

Опустив Ясыню на застеленное мехами ложе, Годфред прилег возле нее. Обнял ее за коленки, которые уже сходу нравились ему, хотя их скрывало платье, оставлявшее простор лишь для воображения.

– Я лучше пойду, – опомнилась Ясыня, когда Годфред вознамерился отогнуть подол ее юбки.

– Ты же хотела спать, – недоумевал Годфред.

– Я же не могу спать тут! – возмутилась Ясыня, которая теперь не выглядела покорной и стесненной.

– А где же еще как не здесь? – удивился Годфред. – Ты сама сказала, что опасешься за свое доброе имя. Куда бы ты сейчас ни отправилась, все отразится на нем отрицательно. Есть лишь одно безопасное место для тебя и твоего имени, – Годфред довольно оскалился, – эти покои! Покои твоего будущего мужа!

– Похоже, не так безопасны эти покои, – проворчала Ясыня, поднимаясь. – Я уйду.

– Нет, подожди, – Годфред оценил стойкость Ясыни. – Прости, я не хотел тебя обидеть.

– Да уж...Лучше не обижай меня...Я ведь теперь знаю, где взять скрамасак в случае чего...– злобно пошутила Ясыня, вызвав на устах Годфреда улыбку.

– Я больше не буду, – до очарования просто пообещал Годфред, ухватив Ясыню за запястье и вернув ее на место рядом с собой. В знак того, что никаких посягательств отныне не будет, он даже поправил ей подол, чуть одернув последний.

Послышался звук дождя за окном. В растворенные ставни стал заливать дождь. В горнице сделалось знобко от сырого воздуха, повеявшего с улицы. Годфред поднялся, чтобы прикрыть ставни. Настроение у него улучшилось. Эта непогода даже кстати. Ясыня то и дело порывается от него уйти. Но в дождь она точно никуда не денется отсюда.

– Тебе холодно? – вернувшись к невесте, Годфред приблизился к ней и дотронулся своим носом до ее маленького носика, такого холодного, будто она только с мороза. – О, ледяные великаны, ты же совсем замерзла! Почему ты мне не сказала? Я не хочу, чтобы ты простудилась, – Годфред укутал Ясыню покрывалом, обнял и, уже не спрашивая разрешения, снова поцеловал.

– Осторожней, ты сейчас изомнешь мое платье, – предупредила Ясыня. – Тогда отец, истолковав сие по своему усмотрению, точно убьет меня...– недовольно заключила Ясыня, вспомнив образ сурового родителя.

– Ну так сними его, и оно не помнется! – на сей раз Годфред предложил без задней мысли. Просто он ощущал так, что Ясыня ему родная и близкая, и с ней можно говорить напрямую. – У тебя же там еще рубаха...

– Ну уж нет, еще чего...– Ясыня не позволяла себе терять бдительности. – Вообще-то, скоро утро. Мне необязательно ложиться спать, – решила Ясыня наконец. – А там дальше ты проводишь меня домой...

– Боюсь, утро на самом деле нескоро, – уверил Годфред, играя с поясом Ясыни, который в следствие того оказался развязанным. – Небо в тучах. Дождь задумал надолго. Рассвет запоздает. Кстати, я не понял, ты что, хочешь уйти от меня? Я что, такой уж гадкий?!

– Нет, совсем не гадкий, – вздохнула Ясыня, которая чувствовала, что неминуемо влюбляется в своего жениха, как ни старается сдержать своих чувств. – Я лишь не хочу тебя раздражать. Мало ли как там дальше повернется твой задор...

– Не тревожься, дорогая, я не раздражусь. Я же тебе пообещал, – напомнил Годфред, уже стягивая с Ясыни платье.

– Я сейчас уйду, – погрозила Ясыня строго.

– Все-все, больше не буду, – пообещал Годфред, все-таки стащив с Ясыни платье и отбросив последнее на край постели. – Теперь оно не помнется. Все, забудь о нем. Поцелуй меня сейчас.

– Нет. Это может совсем уж паршиво для меня окончиться, – озвучила вслух свои опасения Ясыня, посильнее натянув на себя покрывало.

– Ха-ха, – Годфред принял услышанное откровение за шутку. – Нет-нет, даже не думай так. Мы же условились. Я буду почтителен, как твой брат, – заверил Годфред, прильнув к шее Ясыни.

Годфред был человеком настроения. Иногда ему хотелось страстных ласк, горячих, грубых, без предисловий и далеко идущих планов. Для подобного могла сгодиться даже незнакомка. Но иногда его сердце желало неги ласковых прикосновений и приглушенных бесед. Чувство влюбленности посещало его, как вдохновение странствующего певца, и он покорялся этому чувству, не стыдясь и не считая это слабостью.

– Что-то мне не по себе, – доверчиво призналась Ясыня. Ворот ее сорочки теперь уже был отвернут, а губы Годфреда целовали ее упругую грудь, взволнованно вздымающуюся.

– Я же ничего худого не делаю, – успокоил Годфред. – Это всего лишь поцелуй. Жениху такое позволительно.

Ясыня вконец заблудилась в лабиринте правил и предписаний. Вроде он все верно говорит. И ничего опасного не происходит. Или происходит? Как бы там ни было на самом деле, чувство у нее такое, что она поступает опрометчиво.

– Я уже еле удерживаюсь, – признался Годфред, ладонь которого скользнула по бедру Ясыни.

– Ну начинается, – недовольно пробурчала Ясыня, потянув за плечико сорочки и вернув одеяние на должное место. – Все, оставь меня.

– Ты можешь перестать думать о плохом? – Годфред оглядел напряженную Ясыню. – Я же все понимаю. Ты хранишь себя. Это правильно. Ты не представляешь себе, каким терпеливым я могу быть, – заверил Годфред, бережно укрыв свою гостью. – Я просто хочу приласкать тебя. Но я тебя не трону. Не бойся. В основном мы подождем, сколько нужно. Тем более твой батюшка сказал, что скоро ты будешь готова к женитьбе.

– Он-то почему знает? – усмехнулась Ясыня.

– Ну да, он не знает, – согласился Годфред. – Но мне нравится думать, что на сей раз он прав.

Ближе к полудню в двери гридницы раздался стук. Это был слуга. Годфред приподнял голову, сонно нахмурившись. Со сна он подумал, что стук ему почудился, так сильно он хотел спать. Он совсем не отдохнул. Вчера был день, полный хлопот. Потом праздник, длившийся весь вечер. Затем Ясыня. Они с ней проболтали остаток ночи, попутно постигая тонкости поцелуя любви. И теперь Годфреду очень хотелось спать. Его глаза буквально закрывались сами собой. И потому он не стал отвечать слуге.

– Пришел Барма, – прошептал Варди под дверь. – Глава вече пришел. Сюда пришел!

Годфред нахмурился, потирая свободной рукой заспанный глаз. На другой его руке дремала Ясыня. Ее губы были ярко алыми от поцелуев, будто обветренными. Мда, ночь не совсем уж напрасно прошла.

На улице все еще шел дождь. Потолка в гриднице не было, так что Годфред слышал убаюкивающий стук капель, падающих на покатую крышу.

Осторожно переложив Ясыню со своей руки на подушку, Годфред поднялся с постели. Ему не нужно было тратить времени на обряды, поскольку он и так был одет и не раздевался со вчерашнего дня, как и обещал Ясыне. Он пошел к двери, спросонья пару раз запнувшись по пути.

– Чего нужно Барме? – приоткрыв дверь, негромко обратился Годфред к слуге.

– Принес какие-то новости, – пожал плечами Варди.

– Вранье. За Ясыней пришел. Как он достал... – Годфред полночи слушал рассказы Ясыни об отце. Оказалось, что, вопреки своему мирному образу, глава вече в действительности выскателный муж и требовательный родитель. Некоторые истории Ясыни и вовсе не понравились Годфреду. Оказывается, Барма сотню раз наказывал Ясыню. И почти всегда незаслуженно! – Скажи, чтоб ждал...

Годфред вернулся в опочивальню, где все еще крепко спала Ясыня. Ее коса была расплетена, рыжие волосы рассыпаны по подушке. Присев возле своей невесты, Годфред разбудил ее, нежно поцеловав за ушком.

Ясыня приоткрыла глаза и оглядела своего жениха нежно. Она всем была довольна, поскольку ее честь не пострадала, а время с Годфредом прошло приятно, несмотря на первоначальные опасения. Воображения ее жениха хватило на то, чтоб ночью влюбленным было чем занять себя, избегая действий, которые ее пугали.

– Твой отец пришел, – скрепя сердце сообщил Годфред, полагая, что эта новость сейчас омрачит все очарование этого целомудренного утра.

– О, нет, – Ясыня сразу проснулась, хотя еще мгновение назад казалась сонной. – Я думала, я успею вернуться домой, – Ясыня уже забыла, каков был первоначальный план ее действий. Приложив ладонь ко лбу, она расстроенная огляделась по сторонам. – Он меня убьет. Ну или накажет очень сильно.

– Ничего он тебе не сделает, – Годфреду крайне не нравилось то, что его невесте грозит беда, исходящая от его же собственного подданного. – Я прикажу, чтобы он и пальцем тебя не тронул, не то что теми мокрыми хворостинами, – Годфред запомнил рассказ Ясыни о том, как однажды Барма ввалил ей розг.

– Ты скажешь ему так? – Ясыня с надеждой оглядела Годфреда.

– Конечно. Тем более это же я тебя сюда привел, – Годфред ни на миг не сомневался в том, что Барма не посмеет его послушаться. – Сейчас мы заплетем тебе новую косичку. Ты наденешь платье и будешь выглядеть так, словно всю ночь слушала речь волхва на капище Перуна...

– Ладно, – согласилась Ясыня, поднимаясь. – О, берегини, что это?! – Ясыня заметила пятно крови на полотне своей белоснежной рубахи.

– Не знаю. Я тебя не трогал, – Годфред и сам удивился. Ведь он, и правда, сдержал свои обещания и не посягал на честь Ясыни.

– Странно... – недоверчиво изрекла Ясыня.

– А может, это как раз твои... – Годфред не успел договорить.

– О, нет, только не сегодня, – Ясыня плюхнулась на подушку, закрыв лицо ладошками. – Это все из-за тебя. И твоих поцелуев! – предположила Ясыня сердито.

– Не, это не из-за поцелуев! – уверенно возразил Годфред, хотя сам не был убежден в своем высказывании. Он не полагал себя лекарем и теперь уже тоже сомневался. Может, и правда, поцелуи виноваты! Ясыня разволновалась, и вот! Или нет?! – Ну так чего ты огорчаешься? Все мы только и ждем, когда уже ты будешь готова к замужеству, – напомнил Годфред. – Даже очень хорошо, что сейчас. А не через год!

– Ничего хорошего, – покачала головой Ясыня. – О, Макошь, а это еще что... – Ясыня провела перстом по своим полыхающим губам, которые выдавали пуще всего остального образ ее действий накануне.

– Ничего страшного, я имею право поцеловать мою невесту, – заверил Годфред, потеряв свой небритый подбородок, которым исцарапал Ясыню.

– Ты что, правда, не понимаешь?! – вздохнула расстроенная Ясыня. – Ты-то, может, и имеешь права. Но дело в другом. Меня не было всю ночь. А под утро я оказываюсь в таком виде! Да отец придушит меня прежде, чем я успею что-то объяснить... – Ясыня отвернулась, уткнувшись носом в подушку. Она не плакала, но была огорчена. – Проклятье... – выругалась Ясыня.

– Что такое? – забеспокоился Годфред, глядя на Ясыню, которая вдруг болезненно поморщилась.

– Больно, – Ясыня уложила ладонь на живот. – Так должно быть?

– Я точно не знаю... – растерялся Годфред. Сегодня Ясыня казалась ему еще прекраснее, чем накануне. И для него она уже не была чужой. С ней так легко, как может быть только со старым другом. И вот теперь этот друг уже даже не в одной беде, а сразу в нескольких!

Годфред не был любителем всяких женских тем и никогда ни с кем ничего подобного не обсуждал. Но сегодня ему виделось правильным, что Ясыня советуется с ним. Жаль только, что он ничего не может ей ответить. Он не знал, должно ли что-то болеть у нее или наоборот не должно, и вообще что ей нужно делать сейчас.

– Тебе лучше? – беспокоился Годфред. Поверх ее ладошки он уложил свою руку на животик Ясыни, будто пытаясь этим действием исцелить ее.

– Кажется, да, – Ясыне, и правда, сделалось чуть легче, когда любимый приник к ней, стараясь забрать часть ее боли.

– Помоги мне облачиться, – попросила Ясыня, приподымаясь на локте.

– Нет. Не вставай. Тебе лучше отдохнуть, – рассудил Годфред. – Я сам поговорю с твоим отцом.

– Ой, нет, – на лице Ясыни впервые за все время их знакомства изобразился испуг. – Если он меня сейчас не увидит своими глазами, то, точно, истолкует все превратно. Я потом уж никогда не смогу оправдаться!

– Пусть истолковывает, как хочет, – Годфред заглянул под лавку, ища свой сапог. – Но ты не пойдешь домой...

– Как это? Так нельзя, – Ясыня колебалась. Она на самом деле не особо жаждала вернуться в отчий дом. Но вместе с тем чувствовала только одно – все идет неправильно. А как правильно – теперь уже неясно!

– Можно. Можно все, дорогая, – Годфред надел ремень с прикрепленным на нем кинжалом, поцеловал Ясыню и пошел к двери. Обычно он принимал Барму именно здесь, в гриднице. Но сегодня, конечно, такого не будет.

На просторном крыльце толпилась стража, а также стоял Варди и, собственно, сам глава вече. Последний выглядел угрюмым и взглянул на Годфреда недобро.

– Привет тебе, Барма... – кивнул Годфред главе вече, поправляя на ходу рубаху. – Надеюсь, ты разбудил меня в такую рань не просто так...

– Уже полдень, – заметил Барма, с недоверием оглядев помятого со сна Годфреда. – Из-за дождя не видно солнца. Вероятно, князь слишком мало спал этой ночью. Вот ему и кажется, что теперь рано.

– Ну разумеется, мало. Я же славил Перуна вместе со всеми, – напомнил Годфред. Своей бессовестностью он явно уродился в старших родственников.

– Об этом я и пришел говорить, – Барма бросил взгляд на двери гридницы, которые на сей раз перед ним не открылись.

– Ну так пойдем и поговорим, – Годфред сошел с крыльца на землю. Он не стал дожидаться укрытия, поскольку дождь был не столько сильным, сколько мелким и непрерывным. – Никого не впускать туда, – напоследок распорядился Годфред, развернувшись к страже. – Иначе разозлюсь.

Барма оглядел Годфреда колючим взглядом. Но не произнес ни слова. Лишь двинулся следом за наместником в один из теремов, который прежде принадлежал Изяславу.

В старом тереме было пустынно и мрачно. Тяжелые пыльные ковры покрывали полы. Глиняные кувшины и резная посуда украшали полки. Годфред сел на лавку и, широко зевнув, облокотился на стол.

– Что ты хотел мне поведать? – спросил Годфред, обозревая Барму вопросительно.

– Князь вчера изволил посетить капище Перуна... Однако ушел прежде окончания молитв и обрядов... – начал Барма, пытающийся сосредоточиться. Но его мысли то и дело возвращались к дочери и ее возмутительному поступку.

– Ты пришел меня отчитывать? – Годфреду уже надоело беседовать с Бармой, хотя они только начали. Сегодня он не был расположен к разговорам и хотел спать. Вернее, хотел вернуться к своей любимой, обнять ее и так вдвоем и уснуть, в объятиях друг друга.

– Разумеется, нет, – была б его, Бармы, воля, он бы не отчитывал наместника, а сразу отлупил бы розгами этого избалованного мальчишку. – Я лишь хотел сказать, что, как выяснилось, многим присутствующим преждевременный уход князя бросился в глаза.

– А разве я обязан там торчать до самого конца? – Годфред полагал, что и так совершил значительный подвиг, потратив целый вечер на богов, к которым не имеет отношения. А задержаться на более длительное время он вчера не желал даже для того, чтобы явить единство с Изборском. Ему было не до Перуна и не до Изборска. – Это все? Или еще что-то?

– К сожалению, еще что-то... – Барма хрустнул костяшками пальцев. – Берсерк... Торольв. Вчера во время показательного боя во славу богов он убил некоего Громобоя. Хотя наперед был предупрежден не проливать крови.

– Убил?! – удивился Годфред. Он только сейчас вспомнил, что не досмотрел боя своего друга, а ушел с Ясыней. – Он, безусловно, поступил нехорошо, – согласился Годфред. – Я накажу его очень сурово. Даю слово.

– Этого не потребуется. Громобой уже отомщен.

– Как это? – нахмурился Годфред. – Я что-то не понимаю тебя...

– После того, как Торольв убил Громобоя, последовала бойня. Погибли еще несколько сынов Изборска, в том числе Белой, сын Белогора, а также сам зачинщик свадьбы... Очевидно, все эти несчастья произошли как раз после того, как молодой князь покинул капище...

– Торольв мертв? – огорченно переспросил Годфред.

– Он мертв, – подтвердил Барма, который вместо соболезнований хотел выдать наместнику тумачков.

– Не могу поверить... – Годфред действительно не желал принять того, что его друг, с которым он еще прошлым вечером весело шутил, теперь покинул его навеки. – Почему волхв не остановил это?! Ведь к нему прислушиваются!

– Волхв не только не остановил, но и напротив поддержал изборчан. Ибо убийство Громобоя в праздник показалось ему вопиющим по своей сути. Вероятно, сечи удалось бы избежать, если б с самого начала берсерк был бы остановлен строгим приказом... – Барма удивлялся тому, как наглы эти чужеземцы. Вместо того, чтобы винить себя самого, Годфред накатывает на жреца. – Берсерк нарушил все запреты. Подобное всегда оканчивается печально для дерзнувшего преступить черту.

– Изловить волхва и привести ко мне! – рассердился обычно добрый Годфред.

– Боюсь, это будет трудно сделать. Волхв – не обычный человек. Его охраняет множество людей, а также божественная рука Перуна. Попыткой пленить служителя богов молодой князь навлечет на себя лишь новые неприятности... – вынужден был предупредить Барма. Ведь несмотря на то, что в это утро он желал съездить «молодому князю» по его наглой роже, он был обязан также и ограждать того от опрометчивых шагов. Особенно теперь, когда его дочь, Ясыня, оказалась в-gridнице в весьма сомнительном качестве.

– Если это все, то можешь идти, – недовольно изрек Годфред. Новость о потере еще одного друга сильно расстроила его. Он заметил, что с ним такое не впервые: когда он счастлив, судьба отбирает у него что-то, словно желая восстановить равновесие. Всего несколько мгновений назад он был счастлив, держа в сердце образ Ясыни, и вот теперь он глубоко опечален горькой потерей человека, которого выделял среди других.

– Это не все... – больше всего на свете Барма сейчас хотел подойти к Годфреду, схватить того за шиворот и провезти носом по лавке. Но вместо этого он хрустнул костяшками пальцев. – Я не могу найти Ясыню...

– С ней все ладно. Она у меня, – Годфред оглядел Барму взглядом, в котором не было привычного дружеского расположения.

– Я бы хотел забрать ее домой, – изъявил свою волю отец.

– Она останется здесь, – Годфред только сейчас принял это решение. И оно показалось ему верным.

– Я не совсем понимаю, – Барма все отлично понимал. Он помнил подробности вчерашнего вечера вполне. Все началось с того, что его самого, главу вече, сей наглый мальчишка спровадил пересчитывать золото, словно он, Барма, счетовод или слуга. Затем тот отослал его старшую дочь Любору домой, будто он вправе распоряжаться ею. А потом привез сюда Ясыню. Которая пробыла с ним всю ночь. Ему, Барме, было бы приемлемо такое, если бы сперва наместник женился на его дочери. А в нынешних обстоятельствах все представляется иначе. И как выглядит сам Барма в глазах изборских бояр! Как может выглядеть отец легкомысленной и распущенной дщери! – Все же я желал бы забрать ее домой, пока не поздно...

– Уже поздно, – покачал головой Годфред.

Барма еле сдержался, чтобы не броситься на Годфреда с кулаками. Нет, не из-за Ясыни. А из-за себя самого. Ведь теперь он опозорен на весь Изборск!

– Молодой князь желает оставить Ясыню здесь до самой свадьбы? – осторожно уточнил Барма, пытаясь выяснить дальнейшие замыслы Годфреда, который, может, уже передумал жениться!

– Да, до свадьбы... – рассеянно кивнул Годфред. – Она не вернется в твой дом никогда... – Годфред дал слово Ясыне не обсуждать с ее отцом тех обид, что строгий родитель нанес дочери.

Барма хотел уточнить, когда же он мог бы заняться подготовками к женитьбе наместника. Но потом передумал. Сегодня этот негодяй не в состоянии умственно трудиться, ибо расстроен потерей своего друга и такого же мерзавца!

Глава 2. Доносчик

Было раннее утро. Медленно поднимаясь над лесом, солнце начинало свой неизменный путь. Мирава возвращалась с реки, куда ходила по утрам, пока княжеские хоромы еще спали. Подвернув рубахи, она неспешно ступала босыми ногами по сырой траве, покрытой росой и еще по-ночному холодной. Целый день занятая в тереме княгини, Мирава находила время для самой себя лишь на рассвете.

Погруженная в размышления помощница Дивы не сразу увидела двоих незнакомцев, появившихся на тропе. В их облике было что-то угрожающее. Вероятно, то, что их лица оказались сокрыты платками, закрывавшими рты, носы и щеки.

Мирава была девушкой толковой. Она отличалась от хихикающих глупышек способностью выбрать нужного собеседника и умением выслушать его. Оттого, наверное, она была в курсе всех значимых государственных событий и тем более житейских историй. Особенно тех, что могут приключиться с девушками, шатающимися в одиночестве на отшибе. И вот теперь, завидев подозрительных людей, Мирава насторожилась.

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив в поле никого, кроме этих двоих незнакомцев, Мирава решила, что будет лучше ускорить шаг и поскорее миновать сомнительных мужей. А последние тем часом уже преградили ей дорогу, отрезав от спящих вдалеке изб, укутанных утренней дымкой.

Принужденно смотря только вперед, Мирава поравнялась с неизвестными. Она понимала, что в случае наличия у этих людей дурного умысла от ее поведения будет зависеть уже немного. И все же, как порой она отворачивалась от злых собак, так теперь она отвела взор от этих двух мужчин, подсознательно надеясь на то, что они ее не заметят. Но тут же чья-то рука резко остановила ее, ухватив у локтя, словно в железные тиски.

– Задержись, – произнес сиплый голос.

– Я тороплюсь. Меня ждут там, за поляной, – Мираву вмиг обуяли опасения, которые она уже еле скрывала. Теперь она совершенно уверилась в том, что не встречала этих людей раньше. К тому же у одного из них она разглядела за поясом нож. Единственное, что пришло ей на ум – это намекнуть на то, что она тут не одна.

– Никто тебя не ждет, – зловеще констатировал второй, стоящий поодаль от девушки.

– Ну-ка отпусти! – Мирава попыталась отдернуть свой локоть, лихорадочно соображая, что такого судьбоносного ей можно изречь, чтобы поскорее завершить встречу.

– Ну-ка утихни, – процедил тот незнакомец, который удерживал ее за руку. И голос его прозвучал столь недобро, что Мирава уже не знала, что и лучше: сражаться или следовать требованиям агрессора. – Ты – Мирава. Помощница в тереме княгини Дивы...

– Зависит от того, что вам нужно от меня, – несмотря на трепет в душе, внешне Мирава оставалась хладнокровной и даже дерзала выставлять условия навевающим ужас незнакомцам.

– Нужно, чтобы ты передала кое-что своей княгине, – на этих словах человек, который стоял к Мираве ближе, убрал с лица повязку. Оказалось, что это Зорко. Тот самый разбойник, ранее приходивший к Диве по делам Есения.

Мирава незаметно выдохнула, почувствовав некоторое облегчение. И как же это она не признала его сразу? Не она им нужна. И слава Макоши!

– Так и быть... Передам... – нарочито невозмутимо ответила Мирава.

– Скажи своей княгине, чтоб золото, о котором мы уговорились с ней, было готово через три дня. Поняла?

– Вы хотите получить его через три дня? – уточнила Мирава, сосредоточенно сдвинув брови.

– Я сказал, что хочу, чтобы оно было «готово» через три дня. То есть к пятнице.

– И что это значит? – не поняла Мирава.

– Не твоего ума дело, – Зорко не удостоил служанку ответом на ее вопрос. – И напомни своей княгине, что если о нашем уговоре кто-нибудь узнает, то ее братца мы живьем закопаем в лесной берлоге.

– Напомню, не беспокойся, – с готовностью кивнула Мирава, желая поскорее удалиться прочь.

– Я и не беспокоюсь. Беспокоиться надо твоей княгине, – разбойник говорил нагло и самоуверенно. Что и понятно, ведь дать отпор ему тут было некому.

– Мне пора, искать меня сейчас станут... – напомнила помощница Дивы.

– Ну ступай, – Зорко, наконец, отпустил локоть Миравы.

– Они что-нибудь еще сказали? – осведомилась Дива деловито. Княгине всегда надлежит знать, как поступать. И, разумеется, ей не к лицу сомнения и страхи. Хотя на самом деле сердце ее скачет, словно у зайчонка, убегающего от волка. Но она не должна показывать виду, что растерянна или напугана.

– Только то, что золото должно быть готово к пятому дню... – повторилась Мирава.

– Тот кто в пятницу дело начинает, у того оно пятится... – упомянула Дива старую поговорку, с подчеркнутой непринужденностью поправляя прядь волос, выбившуюся из пышного русого пучка. – Ты это знала, Мирава?

– Нет... – служанка чуть улыбнулась. Она восторгалась силой духа своей молодой хозяйки. Даже теперь та находила в себе силы гордиться всю эту околесицу. Большинство людей видели в том лишь легкомыслие и болтливость, Мирава же была убеждена, что таким образом княгиня скрывает свои истинные мысли. Ведь, конечно же, она крепко напугана. И почему это женщинам всегда приходится чего-то опасаться? – И еще они сказали, что если мы проболтаемся кому-то, то они убьют княжича...

– Мирава, мы же уговорились... – Дива строго оглядела помощницу. – Не называй его так. Говори проще... Брат Есеней...

– Прошу меня простить, – Мирава виновато опустила очи. Да, конечно, недопустимо называть Есения княжеским титулом, ведь тогда он становится претендентом на престол, который теперь принадлежит Рёрику. А последнему такое не понравится. И от юного сына Гостомысла не останется ни костей, ни шкуры, надо думать.

– В таком случае... Приготовь мой салоп... И мою кичу... Ту, что с бисером... У Бойко, кажется, сегодня праздник рождения...

Рассказ Миравы не только впечатлил Диву, но и озадачил. Вестей от Аскриния и Бойко пока не было, хотя дело вроде как давно считалось начатым. Впрочем, деньги, кажется, собраны. По крайней мере, у нее есть такие сведения. Может, эти два плута решили прикарманить выручку еще до начала строительства, решив, что она позабыла о великом сооружении? А что, это вполне в их духе. Но нет, не выйдет; она нагрянет к ним внезапно, словно первый снег. Сегодня же. Сейчас же! И заберет все суммы себе! Под каким-либо предлогом. Допустим, в ее тереме сии сборы окажутся в большей безопасности, ведь ее дом охраняется почти целой армией. О, боги, ей, правнучке Великого Скифа, еще нужно измышлять какие-то предлоги! Пусть деды только попробуют вякнуть слово против ее решения и тогда они пожалеют, что дожили до своих седин! – Ему восьмой десяток? Или я путаю... – продолжала Дива, нанизывая кольца на похолодевшие пальцы.

– Я не знаю, – растерялась Мирава, в обязанности которой не входило знать о том, кто когда родился.

– В любом случае я желаю навестить его и... И преподнести... – Дива не закончила речь, так как ее захватили более серьезные мысли. Ей вдруг привиделся истерзанный разбойниками Есеней, а следом взбешенный князь, узнавший обо всем произошедшем. А потом ухмыляющийся Арви. И ликующая Вольна. Неужели в этом городе у нее нет ни одного друга?! Ужели у нее только враги и нет защитника?

– Преподнести?... – напомнила Мирава.

– Это стило... – Дива бросила взгляд на костяную палочку, воткнутую в клубочек красных ниток. Этот предмет был в числе подарков, привезенных весной послами от дяди. Помнится, в те дни она и сама оказалась заложницей обстоятельств, как теперь Есеней.

– Буквицы царапать? – буркнула Мирава удивленно.

– Из моих рук всякий дар есть благо... – утвердила Дива, задумчиво подняв указательный перст вверх.

– Несомненно, – кивнула Мирава. Было не сложно догадаться, что и на сей раз княгиня думает не о том, о чем говорит.

Шел дождь. Арви допоздна задержался в гриднице. Он хотел завершить некоторые важные дела, касающиеся Дорестада, у которого каждый новый день оказывался хуже предыдущего. Уже ночью усталый тиун оказался, наконец, дома.

– И что же дальше? Еще про несравненный Киев расскажи... – просила Роса, причесывая гребнем волосы. Она обычно не ложилась спать до тех пор, пока Арви не оказывался на пороге дома. И сегодня она тоже дожидалась его, не засыпая. И теперь они вместе готовились ко сну. Если бы еще несколько недель назад ей сказали, что она будет столь сильно тяготеть к своему супругу, она бы не поверила. Иногда привязанность к мужчине обусловлена стремлением души женщины, а не выдающимися качествами самого этого мужчины.

– Я уже весь вечер повествую тебе о славянских городах. Хотя именно ты должна знать историю своего рода и ведать ее мне, – улыбнулся Арви, которому на самом деле нравилось выступать перед супругой с речью: их совместная жизнь наладилась, и Роса с интересом слушала его.

– Рассказывай, – закончив расчесывания, Роса принялась заплетать косы. Она не любила спать растрепанной, потому что длинные волосы постоянно лезли в глаза, щекотали лицо и шею.

– Ну что ж... Киеву не менее четырех веков, это старый город, – потянулся Арви утомленно. – Когда-то давно славяне перешли на правый берег Славутича, расположившись по среднему его течению. И из малого селения со временем вырос град, – Арви мечтательно зевнул, ему захотелось спать. А тут Роса жаждет бесед. И еще письмо Умиле ждет его внимания. Он начал царапать ответ княгине-матери еще в обед, но так и не доделал. – Кажется, первым князем был Кий. Он правил купно со своими братьями и сестрой – Щеком, Хоривом и Лыбедью... – не успел Арви досказать мысли, как в дверь вдруг постучали.

Тиун оставил свою повесть и принялся за письмо в Дорестада. Он посчитал, что это кто-то из соседок пожаловал к Росе по каким-то хозяйственным делам. Хотя уже поздно для визитов. Но в этом княжестве нет совести!

Роса набросила платок поверх сорочки и поспешила в сени. С грохотом отворив засов, княжна выглянула на улицу. Но, к ее удивлению, за дверью никого не оказалось. Роса растерянно осмотрелась.

– Кто там? – спросил Арви, оторвав взгляд от строк послания Умиле.

– Никого. Видно, показалось из-за дождя... – не успела Роса договорить, как стук повторился снова. И на этот раз он был более настойчив, чем в прошлый раз. Княжна уже хотела опять двинуться на выход, но Арви остановил ее.

– Моя елень, останься. Я сам, – тиун вновь отложил многострадальное письмо и отправился в сени.

Роса слышала, как скрипнула дверь, а потом Арви вышел на улицу. Не было его продолжительное время, и она забеспокоилась. Растворила ставни и выглянула в окно, выходящее во двор. На улице она увидела мужа. Рядом с ним болталась какая-то неясная фигура, закутанная в плащ и расплывающаяся из-за дождя. Росе показалось, что эта мутная тень – женщина. Ведь та была невысока ростом, движения ее были плавны, что могло свидетельствовать в пользу такого подозрения. Роса не была уверена в том, что видит, ведь сейчас во влажном воздухе все казалось плавным и кривым.

Княжне на нос вдруг полился дождевой ручеек с крыши, и ставни пришлось затворить. И в этот же момент вернулся Арви. Промокший, но довольный. Его губы тянулись в стороны. Роса нетерпеливо проследовала в горницу за мужем, где он переодевался, сменяя сырую рубаху на сухую.

– Кто это был? – спросила Роса, недоверчиво приглядываясь к Арви.

– Неважно, моя луна. Пусть это тебя не беспокоит, – отмахнулся тиун.

– Как это может меня не беспокоить? Кто-то тайком приходит к нашей избе. Вызывает моего мужа. Да к тому же еще и в столь поздний час! – Роса сомкнула губы, уложив их в обиженную фигуру.

– Ввиду той должности, что я занимаю при князе, не будет ничего диковинного, даже если мне прибудет срочное донесение хоть в середине ночи, – напомнил Арви невозмутимо.

– И что же это за «срочное» донесение? – не унималась Роса. Ей не понравилось то, что она увидела.

– Связно с княжеством, – отделался Арви.

– Здесь все связано с княжеством. И кто же все-таки это был? – Росе все больше казалось странным, что ее муж темнит. Таким образом из-за излишней скрытности одного, другой становится подозрительным.

– Оставь это, мне не нравится сей допрос, – Арви строго кивнул в знак того, что беседа на эту тему окончена.

– Ах так! – вспыхнула всегда спокойная Роса и, с грохотом хлопнув дверкой, умчалась в соседнюю горенку, где располагались печка, обеденный стол и лавки.

Арви уже давно лег в постель и был готов отправиться в царство сна, но Роса все не шла. Она упрямо не ложилась, гремя горшками да кувшинами. Что и понятно. Когда она видела ту неясную «тень» в окно, то не была уверена до конца, что перед ней женщина. Это мог быть и какой-нибудь юноша. Но теперь, после скупых ответов Арви, которые обходили стороной весь этот загадочный визит, Роса уже была полностью убеждена в правоте своей догадки. Не сказать, чтоб княжна влюбилась в своего мужа без памяти, но и не совсем уж безразличен он был ей теперь. В душе ее разыграло доселе невиданное чувство. Чувство злости за то, что кто-то покушается на ее собственность, к которой она относилась теперь и Арви.

– Моя елень, отчего ты никак не ляжешь? – Арви неожиданно появился на кухне возле Росы и обнял ее.

Княжна молча высвободилась из объятий супруга и отошла к печке поправить котел. Тиун удивился такому необычному положению вещей. Роса всегда была почтительна и послушна, никогда не смела отвергать его ласк, а сейчас сама на себя непохожа. Да к тому же и не отвечает на вопрос, который ей задал супруг!

– Ты что же это молчишь, а? – Арви обошел Росу с другой стороны, но она снова ускользнула в противоположном направлении и принялась укладывать на полку миски, надув губы. Арви уже стала надоедать эта беготня в безмолвии. Он не видел никакой причины, способствующей такому странному поведению его жены. – В чем дело? – спросил тиун на сей раз строго.

– Ни в чем, – Роса приготовилась снова тянуться к ковшам, но Арви задержал ее, взяв за руку.

– Что такого особенного случилось, что ты вдруг переменялась? – повторил тиун свой вопрос. Ему крайне не нравилась эта особая манера Росы отмалчиваться. Было бы понятнее, если б она кричала и топала ножками. Тогда он хотя бы не чувствовал себя виноватым практически на пустом месте.

– Пусть мудрейший тиун додумается сам, – Роса все-таки отвернулась от Арви, недовольно высвободив руку.

– Это из-за вечернего гостя? – тиун неуверенно сдвинул брови, выдвинув единственное предположение.

– Или гости, – фыркнула Роса, после чего раздался грохот какой-то плоскости, полетевшей на пол.

– Гости? Как это забавно... Ты решила, что я... Ха-ха, – Арви рассмеялся и обнял Росу.

– Может быть, мой муж больше не любит меня, если... – вспыхнула ревнивая Роса.

– Мой желанный цветок, в моем сердце есть только ты, – Арви поднес указательный палец к губам Росы, которая уже раскрыла рот для дальнейших прекословий. – В заботах о судьбе

княжества присутствует много такого, о чем не всегда можно и следует говорить вслух. Если я чего-то и не раскрываю тебе – то это лишь для твоего же блага...

– Я что, недостойна доверия? – оскорбилась княжна еще пуще, обиженно заложив руку за руку.

– Я только тебе и доверяю, – Арви ласково поправил Росе челку. – Ты должна знать... Порой мне приходится принимать решения, которые печалят мое сердце. Ведь не всегда они оказываются безобидны... И я не хочу, чтобы на твои плечи ложилось то же самое бремя, что несу я. Потому тебе лучше не знать о моих сечах с нашими врагами и оставаться безмятежной, пока я забочусь о нас...

– Значит, это связано с княжеством? – уточнила княжна уже примирительней. Как и всякая женщина, она была полна подозрений, но при этом легко верила в самое радужное объяснение неугодных событий.

– Даже не сомневайся, – Арви поцеловал Росу, которая начала успокаиваться после его заверений в любви.

И все же тиун сказал не всю правду. Вечернее посещение было связано не столько с делами княжества, сколько с его княгиней...

За окном россыпью звезд расплескалась ночь. Дива уже несколько часов к ряду пыталась уснуть. Но она не могла даже улечься так, чтобы не думать о самом страшном – *она отдала ларец с золотом, но Есения взамен не получила!* Да-да, она сумела устроить сборы золота на эту затею. Сумела отобрать сундук у Бойко и Аскриния. Сумела найти способ передать выкуп разбойникам. И вот теперь она в ужасе и не может поверить в то, что происходит. Ее обманули. Нагло и цинично.

Ворочаясь на подушке, она пыталась вновь и вновь осмыслить свой провал. В последние разы Зорко лично не приходил к ней, а передавал все послания через Мираву, которую где-то постоянно подлавливал. Кажется, эти разбойники не так уж глупы. Вначале они не побоялись отправить гонца в самое сердце княжества, то есть в терем княгини. Может, следовало ей тогда позвать стражу? В любом случае шанс упущен. Зато Мираву наемники снова поймали, выдвинув заявление, что ларец ушел в уплату лишь долга Есения. Разбойники просили также передать, что если княгиня рассчитывает получить брата обратно живым, ей следует подготовить еще один сундук, причитающейся на сей раз в качестве выкупа. С суммой не меньшей, а даже большей, чем в первый раз. Должище, что печище: сколько ни брось, дров все мало. Но тем не менее уже не жаль никаких средств, лишь бы только Есения отпустили целым и невредимым. А вдруг его уже убили?! Нет. Есений жив. Ведь она согласилась на все условия разбойников! Но есть и другие сложности, помимо общих опасений. И самая главная из них – где взять новые средства?! Но если она и добудет новую дачу золота – как в следующий раз устроить обмен, чтобы вновь не было обмана? Не получится ли опять так, что она заплатит выкуп, а Есения не отпустят? Кажется, такое возможно. Она об этом раньше не подумала...

Вдруг на улице послышались голоса. Дива встрепенулась и подошла к окну. Растворив ставни, выглянула во двор. Она удивилась, когда увидела Рёрика, разговаривающего, кажется, с Ньером и еще каким-то человеком. Мда, и чего это князю не спится?.. Он вообще когда-нибудь отдыхает?!

Дива сама не поняла, зачем вышла на крыльцо. Кутаясь в платок, она всматривалась в темноту, откуда звучала речь.

– Белой, сын Белогора... – послышались приближающиеся голоса.

– Белогор не только самый богатый человек в Изборском княжестве... У него своя дружина. Это не считая простых ополченцев...

Из обрывков разговора Дива поняла, что третий собеседник, видимо, гонец, недавно прибывший из Изборска.

– Пожар следует тушить до того, как лес сгорит...

– А пламя уже занялось...

Мужчины поравнялись с крыльцом, где стояла Дива. Рёрик обернулся. Ему показалось, будто кто-то зовет его. Хотя его никто не звал на самом деле. Но Дива, действительно, смотрела на него. Это была какая-то зрительная связь, которую он всегда чувствовал.

– Дива... – Рёрик издали оглядел свою княгиню, кутающуюся в тонкий платок на холодном ветру. А потом двинулся к ней, покинув на время своих собеседников. – Почему не спишь?

– Мой князь, я... – Дива подняла на него измученный взгляд, и ее вдруг нестерпимо потянуло к нему. Он сильный, разумный и всегда знает, как поступить. Ей захотелось довериться ему. Прижаться к нему крепко. И все ему рассказать. Иногда у нее случались подобные порывы. Обычно это происходило в тех случаях, когда она нуждалась в помощи. А помогать ей теперь было некому. Кроме него. Зато он один мог заменить всех остальных, вместе взятых. Но вот будет ли он спешить ей на помощь? Будет ли он спасти наследника Гостомысла и нелюбимую жену? А она сама разве не сошла с ума? Уповать на того, кто оставил ее сиротой, кто разрушил всю ее жизнь! Это все равно что деревцу просить помощи у топора. Что бы ни происходило, она всегда будет жертвой при нем.

– Что с тобой? – Рёрик присмотрелся к задумчивой Диве. Он был несколько озадачен новостями из Изборска. Но отвлекся на жену, которая показалась ему таинственной. А ему сейчас не нужны хлопоты еще и в собственном доме.

Дива колебалась. Рёрик стоял совсем рядом, был готов выслушать ее, хотя обычно даже не разговаривал с ней. В ее груди защемило. Это прилило молоко. А может, так кричало желание во всем признаться. И только голос трезвого разума твердил ей, что нельзя поддаваться порыву слабости. Рёрик никогда не должен узнать об этом позоре с Есением! Все бы ничего: она сама – послушная жена и добрая княгиня; Есений – незлобен и не жаден, а старый Гостомысл слыл даже мудрым... Но всех их объединяет одно – семейные недостатки. В народе верят, что все черты, в том числе и дурные, передаются по наследству. Оттого вместе с преступником нередко казнят и всю его семью. Вот и здесь также... Гостомысл... Благодаря его тратам княжество не успевало рассчитываться с долгами. Есений... Влип в мутную историю снова из-за монет. А она сама, Дива... Уже несколько раз проявила себя расточительной до нелепости. И безумно глупой! Как она могла отдать золото разбойникам, не имея никаких оснований полагать, что они отпустят ее брата! Хотя был ли у нее выбор?! Ведь они ясно дали ей понять, что если она привлечет к этой проблеме кого-нибудь, то пленника тут же удавят. Для них безопаснее остаться без еще одного ларца, чем крутиться на колу.

– Ну же? – поторопил ее Рёрик.

– Ничего... – после паузы удрученно ответила Дива. Почему она вообще решила, что Рёрик станет помогать ее Есению. Последнему за его мотовство и связи с разбойниками следует снести голову с плеч. Ведь он не просто пленник. Он сообщник их деяний и заслуживает такого же наказания, что и его подельники. Ведь что-то они там вместе затевали, как он рассказывал... Но, пожалуй, самый весомый довод против – это опять золото. Ведь Рёрик еще не знает, что она уже собрала целый сундук сокровищ, действуя от его имени и якобы по его желанию, и уже успела от него избавиться, сбавив похитителям, которым он сам – Рюрик из Новгорода – приходится князем! Все подданные должны трепетать пред своим правителем. А вместо этого, выходит, что он платит им златом. А у них хватает наглости требовать еще добавки! Если бы он только узнал об этой оскорбительной переделке... То даже невозможно было бы предсказать, в какой разрушающей форме проявился бы его гнев на ту, что вновь выставила его дураком. – Ничего... Я лишь хотела пожелать моему князю доброй ночи и сказать, что я молюсь за него...

– Благодарю за молитвы. Иди спать, не стой здесь... – Рёрик развернулся и пошел в сторону своих спутников, которые дожидались его на дорожке.

Глава 3. Ночью

Солнце закатилось за лес. Воздух сделался прохладнее. Дива сидела на лавочке возле окна. Возле нее стоял ларчик с камешками разных размеров и цветов. Она уже полдня собирала из бусин ожерелья. Приближался вечер, и ей хотелось закончить работу засветло. Трудиться при свечах она не любила, предпочитая, как и большинство ее земляков, ложиться спать с приходом темноты.

Послышались шаги. Дверь чуть приотворилась. Показался нос Миравы.

– Княгиня... – начала служанка, обращаясь к Диве.

– А, это ты Мирося... – вздохнула Дива. – Я как раз думала звать тебя... – Дива растянула в руках нитку бус. Среди камешков были вставлены стеклянные глазки, а также жемчужины. – Что скажешь?

– Как красиво... – удивилась Мирава непривычному сочетанию.

– Ты находишь? – воодушевилась Дива. Она все думала, где бы снова раздобыть средств. На сей раз для выкупа Есения. Но пока ничего лучше ей не пришло на ум, как распродать свои украшения. Она рассчитывала увеличить стоимость всего своего собрания ожерелий за счет вкрапления редких бусин в нити самоцветов. Жемчуг и стекло ценились намного выше всего остального. Но у нее их было не так много: лишь пара жемчужных нитей да одни стеклянные бусы, присланные ей давным-давно из Ладоги тогда еще предполагаемым женихом – князем Миронегом. Затем было решено, что она выйдет за Изборского Радимира, а за Миронегу пойдет Роса. А потом все вообще поехало не по плану. Хорошо, хоть бусы остались на месте: в ларце, подаренном Миронегом.

– О да, очень необычно и красиво, – подтвердила Мирава. – И не жаль княгине прощаться со своими драгоценностями?

– Жаль, конечно, – вздохнула Дива. – Но я должна спасти Есения...

– Княгиня моя... Да как же так... А если снова разбойники обманут нас? – заныла Мирава. – Выплатим мы им выкуп, а они опять не отдадут Есения...

– Мирава, а что нам делать остается? – Дива и сама понимала, как велик риск повторной сделки с непорядочными людьми. – Я только надеюсь, что они отпустят его. Ведь должны понимать, что и мой карман не бездонный.

– Княгиня... Не хочу пугать, но... – запнулась Мирава. – А если они убьют его? Или уже убили?

– О, Сварог, что ты такое говоришь?! – Дива вскочила с лавки, как ужаленная. Она была молода и слишком мало знала жизнь. Потому обычно не рассматривала самые плохие варианты, а порой и не подозревала о них. – Не смей даже так говорить! Твое дело – завтра доставить ларец с моими бусами купцу. Он выдаст тебе монеты... А потом совершим обмен! Эти разбойники вернут мне брата! Ясно?

– Ясно... – не стала спорить Мирава. – Я что пришла-то... Дело тут такое... Князь желает видеть княгиню в своей гриднице. Сей же час!

– Что это ему вдруг от меня понадобилось... – удивилась Дива. Рёрик обычно не призывал ее к себе и сам приходил нечасто. Совсем даже редко. – Может, по поводу свода?

– Не ведаю. Но нужно идти... Я тут пригляжу за Ендвиндой, – предложила Мирава.

Дива уложила очередную нить с бусинами в ларец и принялась снаряжаться. Поверх сорочек надела свое самое нарядное платье. На плечи накинула яркую шаль. Не забыла она и об украшениях: браслеты и серьги дополняли образ. Как и скрепляющая пучок волос изящная серебряная заколка. Которую тоже придется вскоре продать... Но, по крайней мере, сегодня пусть Рёрик встречает свою княгиню красивой. Тем более не так уж они часто видятся!

Дива приближалась к княжеским избам. Буквально возле крыльца она чуть не наступила на кошку, запнувшись о черный мохнатый комок и насилу удержав равновесие.

А в гриднице уже целая компания поджидала княгиню: собственно, сам князь, а также его помощники – Прохор и Надежа, бояре Бойко и Аскриний и, конечно, тиун.

– Мне передали, князь желает меня видеть, – начала Дива после того, как поприветствовала Рёрика и всех присутствующих. От нее не укрылось некое незримое напряжение, царящее в гриднице.

– О, да, – кивнул Рёрик, окутав Диву внимательным взором. Он сидел в кресле, подперев подбородок рукой, покоящейся на подлокотнике.

Дива заметила, что сегодня князь выглядит как-то по-особенному, хотя и не понятно, в чем это толком выражено. С виду вроде бы ничего необычного – он спокоен и нетороплив. Возможно, дело во взгляде. Он как-то странно смотрит на нее. Но явно одно – этот взгляд никак не связан с ее нарядной одежей, к сожалению...

– Что ж, вот и я, – Дива улыбнулась, все-таки чуя неладное. Здесь, посреди горницы, на виду у всех этих людей, ей было несколько неуютно. Благословение богов, она хоть выглядит достойно!

– Раз уж все в сборе, то начнем, – утвердил Рёрик, заложив руку за руку. От этого сообщения Диве стало не по себе. Она не любила официальных церемоний, а тут все признаки подобного на лицо: столько уважаемых участников, ожидающих конкретно ее... – Преданные Бойко и Аскриний любезно поведали нам о твоей благородной задумке... Хоф... – Рёрик устремил вопросительный взгляд на жену. Но в ответ она лишь недоуменно улыбнулась. Иногда она понимала не все его слова просто потому, что они не принадлежали к языку ее города. – То есть храм... – пояснил князь. – Что скажешь на это?

– Эм... – Дива вздохнула. Узнал, значит. А это его «нам» что еще значит? Остальные тоже, что ли, собрались распекать ее тут? Но, как бы там ни было, хвала богам, князь вроде бы не особенно зол. Что является очень хорошим признаком. Значит, слишком большой опасности нет. Конечно, он, должно быть, раздосадован ее выходкой, но не столь сильно, как можно было бы ожидать. Возможно, еще удастся все ему представить в нужном свете. Главное, чтобы он не потребовал отчет за потраченные средства, а уж в остальном она справится. Ведь тут все не так плохо. Раз в деле замешаны Бойко с Аскринием, то Рёрик решит, что виноваты они. Старые лисы опутали хитрыми уловками наивную княгиню! Она ведь так юна и доверчива! – Если это то, о чем я думаю, то они расстроили мой подарок для князя, – улыбнулась Дива таинственно, добавив, – дар сей должен был быть неожиданным... – этим замечанием она попыталась наперед объяснить, почему все скрыла от Рёрика.

– Не будем переживать. Ты вся для меня полна неожиданностей и подарков, – Рёрик склонил голову набок, испытующе глядя на Диву. Повисло некое молчание, которое никто не решался прервать. Но наконец князь вышел из дум и продолжил. – Ну что ж, раз все открылось, то теперь расскажи нам обо всем с самого начала... Без утайки. Я рассчитываю на твою искренность.

– Тут нечего рассказывать... – Дива призадумалась: как-то зловеще прозвучало из его уст это предложение. Может, открылась правда про Есения и золото?! Нет, это невозможно: об этом знали только она да Мирава. Но та предана ей, как пес, и рта не раскрыла бы под пыткой. А самое главное, если бы князь все-таки узнал об этой сомнительной проделке, то точно пришел бы в неуправляемую ярость. Ворвался бы в ее горницу с секирой, а не пригласил бы сюда для беседы. Тогда что? Вероятно, он узнал о том, что она поручилась его именем перед боярами в вопросе возвращения займа. Это, разумеется, не могло оставить его равнодушным. Но нужно выставить все так, как будто сие наоборот полезно для его княжеского образа. – Я взяла на себя смелость осуществить создание храма в честь могучего Перуна. Это сооружение должно восславить великие победы моего прославленного супруга, что будут помниться в веках. И я не пожалею сил, дабы все было устроено достойно князя Новгорода... – Дива намекала на то,

что без значительных вложений в таком важном деле никак не обойтись. – Работы уже ведутся, мой князь... – поспешно добавила она.

– Да, я уже видел эту значительную яму и гору валунов под ряж... – сообщил Рёрик, покачав головой.

– Это только начало, – подсуетился Бойко несколько взволнованно. Аскриний в свою очередь стоял понурый, не проронив ни слова за все время.

– Внушающие надежды... – кивнул Рёрик, видимо, вспоминая о яме. – И чтобы они поскорее оправдали себя – возвращайтесь обратно к строительству, – князь указал Аскринию и Бойко на дверь, однозначно прощаясь с ними на сегодня.

Когда двое старцев удалились, Диве стало не по себе окончательно. Куда ушли ее помощники? Все-таки они вместе должны отвечать перед князем! Это было их общее дело, а осталась в итоге одна она! Хотя есть здесь и положительная сторона – эти старики не ляпнут лишнего, если, конечно, они уже не разлялякали ему всего!

– Есть какие-то затруднения, мой князь? – набравшись смелости, спросила Дива как ни в чем не бывало. Сейчас необходимо проявить себя с лучшей стороны, прикрывшись тревогами о Перуне и самом князе.

– А почему, собственно, Перуну? – несколько равнодушно справился Рёрик. – В моей дружине множество разных бойцов. Почти у каждого свои боги... – имелось в виду, что кто-то почитал Одина, кто-то Перуна, а кто-то даже ухитрился восславлять до сих пор Марса и прочих божественных воителей.

– Князь, как всегда, прав. У нас много покровителей. Но я подумала, что Перун будет уместнее всего. Ибо мы все-таки в Новгороде, где более других почитаем именно он, – поспешила объяснить Дива. Теперь уже Рёрик обеспокоил ее не на шутку: загадочен он сегодня. Совершенно не ясно, что у него на уме. Может быть, он устал от долгого дня? Уже вечер, а он все еще в гриднице. Хорошо одно – он спокоен. Его, кажется, даже не столь возмутил ее произвол. Видно, князь уже привык к ней и ее сезонным затеям. – Сие сооружение мы могли бы назвать Перынь, если князю будет угодно, конечно... – продолжила размышления Дива. – Я посоветовалась со жрецами, они одобрили...

– А, – кивнул Рёрик в знак понимания, по-прежнему не сводя с нее пристальных глаз.

– Если князя это огорчает, то со временем мы могли бы возвести святилища для наиболее почитаемых дружиной богов, – поспешно предложила Дива, истолковав его настроение тем, что, возможно, он сам хотел бы выстроить храм кому-то иному, нежели славянскому Перуну. Хотя, как говорят, его батюшка почитал Перуна, несмотря на то, что дружина Годслава была полна норманнов. Во что верит сам Рёрик, пока неизвестно.

– Стало быть, ты и об этом уже подумываешь? – уточнил князь.

После этого его вопроса, Диве показалось, что она услышала сдавленный смешок в углу горницы, где расположились его помощники.

– Я не знаю... Не то что... В будущем, возможно, – замялась Дива. Вдруг ему все-таки не по душе, вообще, все это ее самовольное начинательство? Нужно отвечать на вопросы крайне аккуратно, дабы не испортить его настроения и не вызвать гнев. – Это всего лишь первый шаг... Но если у князя родится желание...

– Твои друзья, Бойко и Аскриний, сообщили, что для этой затеи понадобилась значительная сумма...

– Сумма понадобилась... – Дива призадумалась. Значит, дело все-таки в средствах: князь огорчился из-за них. Вероятно, величина суммы ему уже также известна. Но раз он не в ярости, то, возможно, все не так уж плохо: кто знает, сколько золота у него самого в запасе! Все это лишь разговоры, что казна пуста. А вдруг он чтит богов так высоко, что ему не жаль средств на них? Это вполне реально: отец рассказывал об одном таком князе, потратившем полказны на угодные богам дела. – Вестимо, сумма понадобилась... Но она не так значительна, как кажется

на первый взгляд. Кроме того, надо думать, Бойко и Аскриний слишком преувеличили размах моих намерений...

– Да, это очень возможно, – как-то непонятно и расплывчато прозвучали слова Рёрика на фоне столь конкретной беседы. – И что же, как все движется? Все ли у тебя ладно? – заботливо спросил князь, покачивая головой.

– О да, все идет согласно замыслу, разработанному мной и Аскринием... – Дива уже не знала, куда себя деть. Несмотря на то, что князь беседовал с ней мирно и вежливо, она теперь явственно ощущала, что все не так. Она чувствовала, но не могла этого объяснить. – Я лично присматриваю за всем...

– Твоя предприимчивость меня восхищает, – Рёрик пытливо смотрел на Диву, которая опустила глаза в пол, не решив для себя, похвала это или упрек. Установилась пауза. – А что же средства? Их у тебя достаточно?

– Пока да, – ответила Дива и сама испугалась своему нахальству. «Пока», – это же надругательство над разумом! На эти средства можно отстроить десяток святилищ! С другой стороны, хоть кое-как, но храм придется завершить, и тогда понадобится еще золото. Поэтому нельзя сейчас отказываться, говоря, что денег хватает. – В таком деле сложно наперед рассчитать, сколько потребуется...

– В любом случае это не проблема. Если тебе понадобится еще, то ты только скажи, – на губах Рёрика мелькнула усмешка. Окружающим передалось настроение князя. И теперь глаза всех присутствующих наблюдали за Дивой с некоторым озорством.

– Благодарю... – Дива была в замешательстве. Похоже, с самого начала она не ошиблась. Это не простой разговор о строительстве. Князь что-то задумал. В данный момент он открыто над ней куражится, сейчас уже понятно. А вот что дальше – вопрос. – Мой князь столь щедр. Крайне признательна. Учту... – Дива поклонилась.

– Учти... – Рёрик смотрел испытующе и вместе с тем глумливо.

Снова повисла гнетущая тишина, которую Дива никак не могла постичь. Почему в этой горнице сегодня нет никаких обсуждений! Неужели присутствующие ничего не желают сказать? Даже Арви заткнулся!

– Не знаю, что именно моему князю рассказали, но задумка у меня благая, – Дива уже не могла отмалчиваться. Ей хотелось, чтобы Рёрик побыстрее уже отругал ее за транжирство, пусть даже при посторонних, и отпустил бы обратно в терем. А не тянул, заставляя волноваться. – Мой замысел восславит имя моего великого супруга на всех землях и берегах... Мы возведем строение, доселе невиданное...

– Я в этом даже не сомневаюсь, ведь за дело взялся такой великий зодчий нашей современности, как ты...

– Уверяю, князь останется доволен итогом, – Дива закусил губу, судорожно раздумывая, какие бы еще доводы привести в пример. – Об этой грандиозной постройке узнают все княжества и королевства и воздадут хвалы князю Новгорода... Я выпишу мастеров из Царьграда... Европейские короли станут равняться на Рюрика с Волхова! Ибо я не пожалею усилий... Ведь все, что я делаю – я делаю из великой любви к моему мужу и на благо нашего города...

– А, ну это меняет дело. А то мы тут уже решили, что ты это делаешь из любви к Есению, – перебил Рёрик Диву, сверкнув ледяными очами.

При упоминании об Есении у Дивы чуть не случились судороги. По пути сюда она на всякий случай продумала оправдательную речь в отношении обвинений по поводу храма и займа под имя князя. Но истории с Есением в своих мыслях она даже не касалась. Поскольку Рёрик никак не мог узнать о ней! Переговоры и передача сундука с золотом велись в глубочайшей тайне. Разве что сами бандиты ему доложили!

– Мой князь... – Дива от растерянности приоткрыла рот, криво улыбнувшись.

– Ты думала, я не узнаю? – спокойно спросил Рёрик.

– Ну...Все не так...Эээ...Да и вообще...О чем именно идет речь? Я не понимаю...– по привычке начала отнекиваться оторопевшая Дива.

– Тем хуже для тебя же, – Рёрик вдруг встал со своего места и направился напрямик к Диве.

– Княгиня, – вмешался Арви, который до сих пор хранил молчание. – Отрицать бесполезно: князь Рюрик знает о том, куда в действительности пошли средства. И это никак не связано с капищем, о котором княгиня так красочно рассказывала нам и этим двум наивным старикам, что из благих побуждений взялись пособить ей.

– Да, но храм я тоже хотела все-таки отстроить...– даже уже не отпираясь, возразила Дива просто.

– Не переживай, твой храм будет обязательно достроен. Но только ты этого не увидишь, – Рёрик был уже рядом с Дивой. Лишь сейчас она разглядела в его глазах хищную решимость. От него недвусмысленно веяло бедой.

– Как это...– опешила Дива, сглотнув. – Мой князь, молю...Я всего лишь...

– Молчать! – перебил Рёрик, который уже не казался таким спокойным.

Дива теперь боялась даже пикнуть. С другой стороны, если немотствовать, как он хочет, и ничего не предпринимать, то он, и впрямь, еще ухлопает ее сгоряча. Кто знает, на что способен этот жестокий чужак!

– Мой князь, прошу выслушать, это очень важно! Есений...– Дива опять не успела договорить.

– Сейчас для тебя должно быть важно только одно – твоя участь. Мне следовало избавиться от тебя еще тогда! Вместе с твоим папашей! – рассвирепел Рёрик.

– Князь принял решение о дальнейшей судьбе княгини, – спокойно пояснил Арви, обращаясь к Диве.

– Что же...Что меня ждет?! – Дива смотрела на князя, постепенно пятясь к выходу. Она порядочно разволновалась, поскольку совсем не ожидала такого серьезного поворота событий.

– Прохор, – обратился вдруг Рёрик к своему помощнику, не обращая уже внимания на Диву, которая жадно ловила каждое его слово, поглядывая в сторону выхода. – Бросьте ее на съедение волкам!

– Нет, государь! Только не это! Прошу дать мне возможность все объяснить, загладить, искупить...– Дива была в ужасе. Что значит: «на съедение»? Теперь, по прошествии времени, она уже хорошо знала своего князя, скорого на расправу. И есть лишь единственная тактика, на которую более или менее можно опираться в подобных случаях – чистосердечное раскаяние. Если начать выступать и отстаивать свои права, то он моментально окончит ее земное поприще, как постоянно грозит. – Мой князь, я заслужила этот гнев, и он справедлив. Я не желала доставить огорчений...Умоляю простить меня, – голос Дивы дрожал, а на глазах блеснули слезы сожаления. – Но что мне оставалось делать? Ведь мой брат...

– Ты должна была сразу прийти ко мне, – отрезал Рёрик.

– Но князь же и сам знает, что никогда бы не согласился помочь...– заметила Дива.

– Нет, не согласился! – гаркнул Рёрик. – И тебе и ему следовало думать раньше!

– Мой князь, у меня не было злого умысла...Я только...– запищала Дива.

– Сколько еще ты будешь меня позорить?! Ты хоть понимаешь, что ты наделала? Кем ты выставила князя?! Я устал от тебя...– Рёрик сделал неопределенный жест рукой, возможно, повелевающий ей замолкнуть.

– Я виновата и все сделала неправильно...Я запуталась! Я боялась прийти к моему князю за помощью! Я не знала, как мне быть! У меня не оставалось выхода! – Дива придерживалась своей тактики, но уже сомневаясь в успехе.

– Запуталась настолько, что ловко обманула даже этих двух прохиндеев?! – уточнил Рёрик глумливо, подразумевая Бойко и Аскриния.

Тут Дива заметила, что в дверях показалась стража. В шаге от нее застыл строгий Прохор, очевидно, готовый выполнить полученный приказ и ждущий лишь отмашки.

– Я виновата и сожалею о том, что снова доставила огорчения моему супругу, – Дива плакала теперь уже по-настоящему, буквально вцепившись в руку Рёрика. – Мой князь, клянусь, я не этого хотела... – Дива наконец в полной мере осознала, что, и правда, поставила князя в опасное положение. Теперь все думают, будто он не знает, что творит его жена. Так вдобавок по ее милости он оказался ободран своими же собственными подданными! Все это может пошатнуть его власть и дать другим повод сомневаться в его силе. – Я не желала причинить неприятностей, я лишь старалась...

– Ты кому золото отдала?! – вдруг заорал князь. – Кто они вообще такие?! Откуда взялись?! Отвечай!

– Ну... Лиходеи... Разбойники... Я не знаю... – только сейчас Дива поняла всю тупость своих действий.

– Ах ты не знаешь, значит, – прорычал Рёрик. – Никчемная глупая баба! Где мне искать их теперь?! Где?!

Князь буйствовал. Гридница дрожала от его гнева. Казалось, он немедля и прямо при всех набросится на княгиню и растерзает ее. Она же в свою очередь была так напугана его воплями и грозным видом, что от ужаса даже не могла сосредоточиться.

– Пусть княгиня постарается вспомнить хоть что-то, – вмешался всегда спокойный Арви.

– Я не помню... Не знаю... – лепетала Дива, умоляюще смотря на всех присутствующих, как будто прося поддержки и понимания. Она уже с надеждой обращалась даже к Арви. – На переговоры приходил Зорко.

– Этого недостаточно. Кто главарь? – спокойно допрашивал тиун. – Это важно, княгиня должна вспомнить имя главаря.

– Нет. Не знаю... Хотя... Есений, кажется, говорил что-то про какого-то Емельяна. Его, мол, еще покойный Изборский Изяслав побаивался. Ой нет, не Емельян... Или Степан?! О, боги, я не помню, – Дива всхлипнула, закрыв ладошкой рот.

– Я сейчас убью ее, – пообещал Рёрик то ли самому себе, то ли окружающим. Глаза его святились свирепостью, сдерживаемой лишь усилиями воли.

– Государь, погоди, не гневайся, – прищурился Прохор. – Если она не путает, и разбойники действительно из Изборска, то там, точно, есть Емельян. Как раз такой, что и князя его не трогают...

Арви с удивлением и недовольством оглядел Прохора. И откуда сей выскочка всегда все прознает!

– Славно, – Рёрик покачал головой. – Еще что-то помнишь?!

– Нет, это, точно, все, – пропищала Дива, а потом, решив, что ее собственная участь все еще не решена, продолжила. – Мой князь прощает меня? Я не хотела доставить беспокойств... Не желала всех этих напастей! Я лишь надеялась спасти брата... Он многое значит для меня... Если бы я могла сразу обратиться к моему князю, я бы сделала это... Но я испугалась! И разбойники сказали мне не делать этого... Они пригрозили, что убьют Есения, если я кому-то расскажу или с кем-то посоветуюсь!

– Закрой свой рот, – Рёрик уже даже не смотрел на жену. – Стража! – вдруг неожиданно позвал Рёрик. – Уведите ее прочь с моих глаз. Я же сказал. К волкам! Прохор! Выполняй!

Тут же Диву подхватили под руки. Она пыталась сопротивляться, хваталась за рукав Рёрика, но все было тщетно. Ее буквально отодрали от невозмутимого князя и принудительно повели на улицу. Последние мольбы о пощаде потонули в ее рыданиях и крике.

Оказавшись на крыльце, зареванная Дива успела ухватиться за косяк двери. Но кто-то из стражей отцепил ее руку. После чего ее насильно повели по лестнице, не обращая внимания ни на ее приказы, ни на ее протесты, словно она не княгиня, а простая горничная. Но это все было ничто по сравнению с тем, что она увидела вдали. Из ее собственного терема вышла женщина с Ендвиндой на руках и отправилась куда-то вглубь княжеских хором. Если забрали дочь, то это уже не шутка! Он с самого начала знал, что все этим увенчается! Изверг!

Диву охватил ужас. Она совсем не ожидала, что эта дурацкая история с Есением закончится столь неожиданно и плачевно. А с другой стороны, на что она надеялась? Разве князь когда-либо заявлял, что любит ее или что она ему дорога? Почему она решила, что ей позволено безнаказанно вредить за его спиной? Не просил ли он ее быть осмотрительней после того случая, когда она растратила полказны на пир и народные гулянки в честь малыша, сорвав поход на Белое озеро? Да когда это было? И все же... Он был очень зол тогда. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы не ее новость про наследника. В тот раз он пощадил ее, на будущее предупредив о последствиях такого поведения. Но она не вняла предостережениям. Вот именно! Он уже тогда был готов избавиться от нее! Что и понятно. От нее ему один только вред! Она постоянно создает ему трудности и позорит его! Или вспомнить хотя бы, как она вызвала в Новгород Любаву, буквально вынудив его разрешить той остаться. Зачем она вообще ему нужна?! Пожалееет он ее, что ли? Она не Вольна, и дела ему нет до нее!

От страха Дива даже не понимала, что происходит, так быстро все вертелось в заплаканных глазах. Вот Прохор, вот Надежа, вот еще несколько преданных человек еще из старой дружины Рёрика, пришедшей вместе с ним год назад. Самые верные люди отобраны. Неболтливые... Никто из них не ляпнет лишнего! А назавтра, когда ее не обнаружат в тереме, в народе все решат, что она сбежала от страха перед расплатой за свои возмутительные проступки!

На улице совсем стемнело. Диву подвели к конюшням, где уже стояло несколько оседланных лошадей. Она неутомимо предпринимала попытки высвободиться из рук своих конвойных. Но тут к ней приблизился Прохор с какой-то тряпицей в руках.

– Я не пойду! – завопила Дива, беспомощно лягнув подошедшего к ней дружинника ногой.

– Тихо, княгиня, – Прохор поднес к лицу Дивы повязку.

– Обожди... – Дива попыталась взять себя в руки, но ее голос дрожал, выдавая истинные переживания. – Прохор, ты же добрый новгородец. Неужели ты поднимешь руку на свою княгиню?

– Я выполняю приказ князя, – хладнокровно ответил Прохор. А после завязал ей глаза.

Теперь уже Дива была в настоящем отчаянии. С самого дня свадьбы она не чувствовала себя такой незащищенной. И главное – ни один человек не вступился за нее! Здесь, на княжеских хорах, ведь множество слуг да и вообще прочих людей, но никому нет до нее дела! Может быть, кому-то и жаль ее. Но никто, вероятно, не желает идти против воли князя.

Ехали долго. Дива уже стала опасаться, что очнется вообще на краю земли. Она несколько раз просила развязать ей глаза, но с ней даже никто не разговаривал. В тот момент, когда она уже совсем пала духом, путешествию пришел неожиданный конец.

Кто-то помог Диве, спустив ее на землю. Ее лошадка фыркнула у нее под ухом и отошла в сторону. Послышался хруст веток.

Кажется, они в лесу. Здесь слышны голоса птиц и шелест листвы. Уж не тот ли это непроходимый глухой бор, что тянется на огромные расстояния и откуда еще никто не вышел живым? Не те ли это чащи, где пропадали без вести даже самые умелые новгородские охотники?!

Едва оказавшись на земле, Дива тут же бросилась бежать, рискуя вслепую врезаться в ближайшее дерево или куст. Это был настолько же глупый поступок, насколько и отчаянный.

Но, к сожалению, или, наоборот, к счастью, она тут же запнулась о какую-то корягу. Потеряв равновесие, она уже летела на землю носом вниз. Но кто-то успел поймать ее и вернуть в стоячее положение.

Отчаявшаяся Дива залилась слезами. Теперь уже она рыдала в голос. Такой безысходный плач мог только изуверов оставить равнодушными, но даже он не изменил ее участи.

Связанную Диву подвели к дереву. Спиной она почувствовала широкий ствол, к которому ее и привязали.

– Прохор, развяжи меня! – взмолилась Дива, предполагая, что рядом с ней именно он. Но кто бы это ни был, в ответ она получила только тишину. С ней не разговаривали. Лишь веревки проверили напоследок, чтобы были завязаны крепко.

Наконец Дива осталась в лесу одна. Дружинники скрылись, судя по затиханию лошадиного фыркания и голосов. На ее глазах все еще оставалась повязка, через которую она едва видела лишь маленький кусочек земли. Из-за мрака перед глазами она чувствовала себя очень слабой и уязвимой. В этих дебрях небезопасно даже днем, не то что ночью, когда просыпается все зверье – волки, кабаны, медведи, лисы... Неужели это ее последняя ночь? А вдруг не последняя? Вдруг ее никто не съест: может, звери не доберутся до нее? Тогда она умрет от голода и жажды, предварительно распухнув, как колода. Это если не брать в расчет лешего, который может запросто заморозить ее и украсть разум... Тогда, даже если она вернется в город, волосы ее будут включены, а сама она будет нести околесицу, никого не узнавая! Точно как дед Игнатий! Говорят, это он, лешего повстречав, вернулся из лесу помешанным. А уродливые лесные гномы, как о них она могла забыть! Маленькие, но очень сильные, они могут, как известно, зачекотать до смерти своими немытыми перстами... А когда найдут тело княгини – ее глаза окажутся раскрыты, а на губах навеки останется безумная улыбка... Такой она и спустится к батюшке. А лесные кикиморы! Эти только и ждут красавицу, чтоб сварить из ее волос и зубов зелье, а еще бьющееся сердце истолочь в ступе...

Ничего не видя, Дива боязливо прислушивалась к каждому шороху, пытаясь узнать об опасности загодя. Лес казался ей мрачной могилой. Вдруг здесь рядом с ней уже притаился лис с острыми, как иглы, клыками? Или крадется стая голодных волков? Может быть, уже несколько пар глаз смотрят на нее, щелкая зубами и облизываясь! А может, к ней подступает голодный медведь. А она связана по рукам и ногам и даже не в силах сопротивляться! Если б не эти веревки она могла бы, скажем, влезть на дерево. Хотя от медведя дерево, может, и не спасет. Но зато спасет от кабана... Что за мысли? Разве об этом следует думать?! Как же глупо все закончилось! А как же дочка теперь останется без нее?! Жестокий князь! Почему он не мог сразу отрубить ей голову без этих издевательств? Зачем обрекать ее на долгую и мучительную смерть!

Перепуганная Дива начала судорожно тереть затылок и щеку о кору ствола дерева, пытаясь ослабить узел и тем самым стащить с глаз повязку. Через какое-то время затея удалась, тряпица сползла с ее лица и оказалась у нее на шее.

Не успев даже обрадоваться, Дива сразу пожалела о своем успехе. На землю спустилась ночь. В лесу стало темно. Все вокруг имело пугающие очертания. Деревья и пни казались безобразными чудовищами, а ветки – их лапами и ужасающими мордами, приглядывающимися к ней.

Надрывно дыша, Дива лихорадочно оглядывалась по сторонам. Она уже слышала стук собственного сердца, отдающийся где-то в висках.

– О, Макошь... – взмолилась Дива доброй богине. Но тут же осеклась. Вдали несколько кустов будто двигаются! Глаз Мораны! Они приближаются! Приближаются к ней! Или нет, они застыли на месте? Они умышленно затаились! И все же там вдалеке, точно, что-то шевелится... Уж не вепрь ли это?! Или некто похуже животного? Само зло... – Я...я...я...я не

должна бояться... Главное – не бояться... – тряслась Дива, оглядываясь по сторонам и не видя просвета ни с одной стороны. Только темные страшные чащи, в которых кто-то таился. Лес не был тих и он не спал. Словно он сам живой, словно он сам и есть неприветливое чудовище. Трещали ветки, слышались шаги, крики ночных птиц и отдаленный неясный гул, похожий на тревожный вой.

Глаза непроизвольно рисовали во тьме жути, вылезшие из ночных кошмаров. Охваченная трепетом Дива зажмурилась, не желая больше видеть ничего вокруг себя. И тут среди сотни разных звуков она отчетливо различила шептание. Такое ясное и зловещее, что сомнений не осталось... Это лесная ведьма! Пришла за ней и в данный миг как раз бурчит свои заклинания, дабы обездвигнуть пленницу, а потом беспрепятственно вырвать ее сердце! Говорят, четыре года назад ведьмы наложили свои заклятья на весь урожай, отчего поля оказались выжжены солнцем и не принесли плодов... Злые ведьмы могут все. Но им и самим нужны силы. Им нужны жертвы, чтоб их мощь не увядала. Потому-то родители и не отпускают дочерей гулять по ночам, чтобы их не похитили кикиморы и колдуньи.

Словно чье-то зловещее дыхание, пахнул ветер, растрепав волосы Дивы, которые тут же полезли ей в лицо. Сейчас только вечер, а ей уже страшно. Что же будет в полночь, когда наружу повывезут все эти слуги Велесовы? Каждый знает, что вся нелюдь орудует по ночам. О боги, чем дожидаться прихода нечистой своры, лучше бы ее душа покинула тело прямо сейчас! Сам Гостомысл предупреждал, что смертному следует уважительно относиться к духам, не дразня их прогулками по ночным лесам, болотам и прочим местам, которые считаются их обителью.

«Батюшка, защити... Матушка, помоги!», – в ужасе молила Дива, скорее, про себя, чем вслух. Она раньше никогда не ночевала в лесу или, вообще, где-либо, кроме своей горницы. Бывало, по праздникам гуляли всей толпой вечерами, но тогда было не сильно страшно. Рядом были люди, охрана. А теперь она одна. И очень далеко от дома. Так что даже если б по случайной случайности ей удалось освободиться от пут, то она все равно не знала бы, куда ей бежать и в какой стороне город.

Заревел ветер, словно чей-то безумный вой. Из-за чернеющих туч показался недобрый лик луны с коварными глазами и кривым ртом. Дива вжалась в дерево. И как это она раньше не замечала, что луна зла?! А какова еще та может быть, когда именно под ее приглядом совершаются все самые тяжкие преступления и заговоры! Когда, как ни ночью, убивают и грабят?!

Вдруг где-то с другой стороны дерева раздался треск. Будто кто-то тяжелый наступил на ветку. О боги, неужели началось?! Кто там может быть?! Она совершенно четко слышит чье-то тяжелое дыхание! Что за зверь таится, выжидая удобного мгновения, чтобы вцепиться в нее из-за спины? В любой момент она может прочувствовать боль. Этот лесной зверь вопьется ей в шею и руки, отрывая куски плоти острыми зубами.

– Кто... Кто здесь? – прошептала Дива. Поначалу она думала разговаривать вслух, дабы взбодриться таким образом. Но потом вдруг вновь испугалась: может быть, этот кто-то неведомый еще не знает, что добыча рядом, а она сейчас выдаст себя голосом!

У Дивы поледенело под сердцем, когда краем глаза она вдруг различила справа от себя какое-то шевеление. Но обернувшись, она ничего не увидела. До рези в глазах всматриваясь в сторону, она пришла к выводу, что это все-таки шевелилась ветка на ветру. О, боги, как же дружина ночует в лесу, будучи, скажем, в походах?! Здесь можно с ума сойти! Впрочем, они все вместе. И при них князь и мечи! И они не скованы! И они все кровавые головорезы! Которых испугаются любые гномы и ведьмы, ибо если попадутся в руки этих злодеев, те искромсают их на части и пустят на мясной отвар! То же касается и зверей! А вот она – совсем другое дело: именно таких беспомощных жертв и любят лесные обитатели. Ведь она не только слабая женщина, но к тому же еще и связанная. С ней даже морочиться особенно не придется! В сдавленном горле уже совсем пересохло от жажды: хоть бы один глоток воды...

Дива облизнула иссохшие губы. И тут к своему неопишуемому ужасу она вдруг почувствовала, как что-то коснулось ее руки. Что-то сырое и холодное... Может быть, пришел леший, вылезший из болот... Точнее, болотник... Нет, скорее всего, какое-то животное. Может, змея?

Не сумев совладать с собой и вопреки намерению молчать и таиться, Дива закричала, одновременно пытаясь отдернуть в сторону руку, крепко привязанную к стволу веревкой. Раздался зловещий свист. Дива пыталась утешить себя, что, скорее всего, это ветер. Но звук был слишком высокий и четкий.

Послышался шелест листвы в кронах деревьев. Этот шум на время заглушил все прочие звуки. Дива закрыла глаза и попыталась успокоиться. Ей даже казалось, что она стала засыпать, хотя все еще была привязана к дереву. По крайней мере, к ней пришло некоторое забвение.

И в этот самый миг, когда она уже почти задремала, вдруг снова повторилось то ужасное ощущение. Кто-то сырой и холодный коснулся ее ладони.

От испуга Дива завизжала во весь окрест, на беду привлекая к себе всех животных, что если еще не учуяли ее по запаху человеческому, то распознали по крику. Она сразу пожалела о своих воплях: теперь, уж точно, припрутся и звери, и духи! И охотники к тому же!

Глаза Дивы были широко распахнуты. Она повернула голову направо, откуда еще миг назад исходило странное ощущение, но там никого не было. Тогда она поспешно повернула голову налево, испугавшись, что этот злодей крайне хитер и может подкрасться к ней с противоположной стороны, откуда его не ждешь. Но слева тоже никого не оказалось. Зато опять раздался отчетливый хруст прямо рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки. Ветки хрустели, словно кто-то ходил позади дерева.

Дива дрожала от страха, слыша стук собственных зубов. Раньше она полагала, что это лишь фигура речи и дрожать можно только от холода. А хруст тем временем продолжался, становясь более отчетливым. Что ему нужно там, за деревом?! А что если это слепой Вий, про которого сказывали волхвы?! Он не видит ее, но чувствует, что она где-то рядом! Сейчас он обойдет дерево и...

Насколько это было возможно, Дива вывернула голову и заглянула за дерево. От удивленного восторга в ее жилах будто застыла. Она дернулась, но крепкие веревки удерживали ее. О боги, мохнатый и с хвостом, голодный волк пришел к ней! Как и желал князь! Вот волк посмотрел на нее. Вот обошел дерево и лег под куст, зловеще положив морду на лапы и коварно вздохнув! Чего он ждет?! Ах да, он ждет своих сородичей! Как-то отец рассказывал ей про повадки волков. Правда, тогда он больше говорил о соседях, чем о животных, что, мол, они поодиночке никогда не нападают на жертву, а только все вместе, целой стаей! Вот и этот устроился в ожидании, когда прибегут остальные!

А что если это не волк, а оборотень... Волкодлак... Сколько было таких случаев в деревнях, что на человека набрасывалось животное – обычно волк – которое, к примеру, удавалось ранить в лапу. А потом какого-нибудь сельчанина видели с перевязанной рукой! Впрочем, это все редкие случаи. Хотя...

Вдруг зверь вскочил и неожиданно умчался прочь, что напугало Диву еще больше, чем его появление в начале. Ведь это означает, что его хозяин уже близко, и он радостно побежал встречать того, желая указать кратчайший путь до пленницы. Вот обрадуется сейчас тот злодей! А вообще, интересно, у волкодлака есть хозяин?! Или все наоборот? Он сам себе хозяин, потому что он колдун, умеющий обращаться волком?!

Дива промучилась до самого рассвета. Ей удалось немного ослабить веревки и присесть на землю, у корней дерева. Но не получилось развязаться вовсе. Она была прикована к этому мучающему ее дереву словно цепью, а не пенькой. Воспаленные глаза горели огнем ужаса. В голове свистела пустота, в которой носились бессвязные мысли. Но утро никак не шло, словно место здесь было зачарованное. По времени солнце уже должно было подняться, однако все еще стояли мрачные сумерки. И все вокруг окутывал густой туман, недобрый и пугающий. Его

молочная пелена поглотила деревья и кусты. Казалось, сквозь марево кто-то снова подбирается к ней... Будучи не в силах больше бороться, Дива лишилась чувств.

Глава 4. Учитель, спаситель, злодей

Первые солнечные лучики петляли по лицу Дивы. Она постепенно приходила в себя. Сквозь обморок она ощутила, что веревки больше не сдавливают ее запястий. Поблизости слышались голоса.

Дива с трудом приподняла тяжелые веки, почти не соображая, даже где находится. Перед собой она неожиданно увидела Рёрика. За его спиной топтались Надежа, Прохор и еще несколько гридей, отвозивших ее сюда накануне. Она хотела что-то сказать, но у нее не было сил даже открыть рот. Она не верила, что возможно так обессилить всего за одну ночь. И кажется, прежде она всегда храбрилась, крича во все горло, что, мол, данный лес – пугало для доверчивых слабаков. А сегодня трепетала, как последнее трухало! «Трусливому зайке и пенек – волк», – любил повторять батюшка.

Дива молчала. Говорить по-прежнему не было сил. Тем более неясно, что все это значит и что тут можно говорить!

– Дай воды, – обратился Рёрик к Прохору, который тут же протянул ему корчагу.

Князь напоил Диву, которая оживала с каждым глотком. Впрочем, ей еще много времени понадобится, чтобы оклематься после этого истязания! Ведь несмотря на то, что она уже не связана, в ее голове по-прежнему отсутствуют разумные мысли. Лишь обрывки дум, рожденных этой ночью. Как хорошо быть свободной от пут, стесняющих тело. И как спокойно, когда рядом люди, особенно вооруженные! Диких зверей можно, точно, не бояться, как и волкодлаков с колдунами, впрочем.

– Ты меня поняла? – обратился Рёрик к Диве строго, но уже не зло.

– Угу, – кивнула Дива обессиленно.

– Долго еще будешь пакостить?

– Нет-нет, все, – Дива согласилась бы с чем угодно, лишь бы ее забрали отсюда обратно в терем. А вообще, возмутительно! Он наказал ее словно непослушного ребенка. Да она чуть от страха не умерла сей ночью! И все из-за этого нелепца Есения! Боги, и как это она позабыла о том, что с князем шутить не следует, и это может быть действительно опасно. Он все же не простой какой-то мирный боярин, а кровожадный северный воин, такой же лютый и суровый, как ветра на его родине.

– Что-то я не верю тебе... – князь недоверчиво оглядел Диву.

– Я буду послушной. Только не оставляй меня здесь, – вцепившись в Рёрика, Дива была готова расплакаться. Вдруг он не поверит ей и бросит ее тут навсегда!

Рёрик подал ей руку, помогая подняться. Его ладонь была горячей и крепкой. Дива даже успокоилась, когда он сжал ее ладошку в своей руке. Хотя он больше не разговаривал с ней, не обещал помочь Есению или простить ее саму. Наверное, это какой-то древний инстинкт – тяготеть к силе, которая может дать поддержку. А Рёрик не просто человек. Его возможности намного шире, чем у обычного мужчины.

Дива медленно поплелась за ним, то и дело спотыкалась. Хватаясь за ветки кустов, опираясь о стволы деревьев, она еле держалась на ногах после этой ужасной ночи. Ей казалось, что она даже еще не проснулась до конца. Ее мучил голод и у нее все болело. И каждый ее шаг грозил окончиться падением в лесной овраг. Предвидев новое недоразумение, князь подхватил ее на руки. А когда они обошли кругом то ужасное дерево, что мучило ее и где, как она думала, таится чудовищный Вий, то оказалось, что там никого нет. Зато неподалеку, в нескольких десятках шагов, она заметила следы ночной стоянки дружины – затушенные костры и даже какие-то наспех сооруженные шалаши из веток под поваленными деревьями. Взгляд Дивы натолкнулся на фигуру полнотелого пса, который, стоя на задних лапах, добродушно вилял хвостом, выпрашивая остатки ужина. Как этот пес похож на того волка, скалившегося

ей в ночи... О боги, это он и есть! Как глупо получилось! А все из-за того, что она раньше никогда не видела настоящего волка. И в темноте ей показалось, что этот пес и есть опасный серый зверь. Ох, как стыдно. Она княгиня, а не пугливый заяц! Батюшка бы не одобрил ее поведения, отнюдь не княжеского! Ее ничто не должно страшить на этом свете. А она тряслась от всяких небылиц про ведьм да гномов, точно неразумная челядинка! Теперь объясняется и гнетущее «шептание заклинаний» и тот зловещий свист – наверное, кто-то звал пса, чтобы он лишний раз не пугал ее. То есть что получается... Дружина все это время была здесь и слышала ее трусливые вопли?! И все вместе они во главе с этим извергом еще и посмеивались над ней!

Неминуемо погружаясь в нездоровую дрему, Дива прижалась к плечу Рёрика. Как ни странно, но она даже не была в обиде на него за эту шутку с ночным лесом. Ведь, оказывается, он все-таки не собирался скормить ее волкам. А это был бы для него удобный выход! Выносить ее проказы было под силу лишь батюшке Гостомыслу!

Вольна сидела в своей избе и смотрела на улицу через приоткрытые ставни. Стояло лишь раннее утро, но сна в этой горнице не было.

На столе в большом горшке позировала крошка, приготовленная Радой по излюбленным рецептами новгородским. Помимо овощей, в блюдо были покрошены свинины, курятина и тетерева. Но Вольну не занимало изысканное кушанье. На ее прекрасном лице, словно вспышки молний, застыли недовольство и безнадега. Нечесанные волосы красавицы были собраны в грубый хвост, небрежно стянутый тесьмой. Такой неопрятной Вольну видели немногие. Кажется, подобное она позволила себе всего несколько раз в жизни.

– Пасмурно сегодня. Как-то темно и тоскливо... Осень совсем близко... – заговорила Вольна с Радой, протирающей закопченную сажей печь. Отношения между ними с каждым днем становились все более доверительными. – Нега всю ночь не было... Представляешь?

– Да поняла уже, – отозвалась Рада, полоща тряпку в деревянном ушате.

– Я думала, эту вертлячку бросят в лесу и забудут о ней, как о дурном сне. А вместо этого ничего непонятно: Нега нет, Прохора нет, никого нет, я не знаю, что и думать... Знаешь, я сначала обрадовалась, егда вчера завидела, как ее в лес увозят... Но теперь уже не знаю, так уж ли то хорошо... – Вольна казалась огорченной. На ее лице разлилась бледность, которая образуется лишь от бессонной ночи, проведенной в тревогах.

– Ну так, может, князь отправился возвращать золото? – предположила Рада.

– Бросили ее в лесу и уехали за золотом? Хм, хорошо бы, – вздохнула расстроенная Вольна. – Но нет, не думаю. Я так поняла, что разбойники ждут выкуп за этого Есения не сегодня, а через несколько дней... Могу ошибаться, но... – Вольна не успела договорить, как вдруг запнулась и устала в окно.

Рада даже обернулась, дабы выяснить, что заставило красавицу замолчать на полуслове. А Вольна тем временем привстала со скамьи и подалась вперед, опершись на подоконник. Удивленно распахнув синие очи, Вольна нахмурила лоб. Ее лицо исказили складки изумления. Рада тоже перевела взгляд на улицу. Открывшаяся картина была, и правда, необычна. Вдалеке шел князь. Он нес на руках Диву. Она обнимала его за шею, уложив голову ему на плечо. Казалось, она дремлет, а может, просто отдыхает.

– Ты видела?! – в гневе заорала Вольна, когда княжеская чета скрылась из виду.

Рада видела, но не была удивлена. Она с самого начала не поверила, что Диву бросят на растерзание волкам. За что можно карать безобидную княгиню? Никаких сплетен о том, что князь недоволен супругой, не блуждало, лишь только то, что выведала Вольна у Арви про какое-то святилище, средства на которое княгиня вроде потратила. Заумь несусветная! Коли б так, все давно бы знали об том! Про храм, положим, она, Рада, слышала. Но ведь та же самая Вольна утверждала, что почтенные Аскриний и Бойко помогали княгине в этом начинании. А с этими двумя стариками все ладно, головы им не срубили и на кол не насадили. Так за

что тогда наказывать Диву? Да и внешне все как обычно. Вечер Ендвину из терема княгини унесла кормилица, сие правда. Но в этом ничего особенного нет. Мать отсутствует. Что же малышке одной всю ночь голодной быть? А когда накануне Рада украдкой спросила у Миравы, где княгиня, та ответила, что Дива уехала с князем. Может, на прогулку, может, еще куда; разберешь их разве, князей-то...

– Что же это?! – взвилась Вольна в гневе. – Сей подонок Арви заверил меня, что с этой шукой покончено! Он сказал, что ее бросят в лесу на съедение диким зверям! Что ее кабаны раздерут! А тут... На руках... Да как он может! – Вольна задрожала от ревности, на сей раз подразумеваемая Рёрика.

– Надо было сразу у князя справиться, а не у Арви, – отозвалась Рада, улыбающаяся украдкой.

– Я спрашивала, а он только ослабил в ответ, – Вольна была уже очень зла. – Я и решила, что это значит: «Да!».

– А вон и сам тиун, – Рада указала в окно. Вдалеке, и правда, в направлении княжеских гридниц шел Арви. – Надо поговорить с ним, пусть объяснится.

– Сейчас он мне все растолкует! – Вольна вскочила с лавки, наспех укуталась в платок и прыгнула в лапти, поскольку обуваться в кожаные черевички у нее времени не было.

Ветер хлестал кожу, заставляя глаза слезиться. Вольна быстро нагнала сонного тиуна. Он обернулся на ее окрики и остановился, дожидаясь, пока она добежит до него.

– Что все это значит?! – зашипела Вольна, указывая на терем Дивы.

– А что такое? – нарочито удивился Арви. На самом деле он отлично понимал, что она имеет в виду. Вчера он забавлялся, обнадеживая ее пустыми надеждами, что, мол, Диве последний день остался среди живых. А сегодня, напротив, он вознамерился напугать ее тем, что Рёрик с Дивой – пара хоть куда. И князь очарован женой! Надо подвигнуть Вольну на грубый ревнивый выпад или и того хуже... Нет, Арви не на стороне Дивы. Его задача – выждать удобного часа, чтобы избавиться от них обеих. А пока пусть грызутся. Умиле это нравится.

– Она жива! Они вернулись вдвоем! Ты сказал, что он бросит ее в лесу! – Вольна чуть подтолкнула Арви в плечо своей изящной ручкой в знак наглядности своих переживаний. Было видно, что ей плохо от неопределенности и бессонной ночи. – Ты сказал, ее сожрут волки!

– Да как можно поверить в подобное? – деланно удивился тиун.

– Ты что же, обманул меня?! – выпучила глаза Вольна. Он что, издевается над ней?!

– Я не обманул. Я лишь думал, что в своей проницательности любимая женщина князя сумеет отличить невинную шутку от истины... Как можно уверовать в то, что правитель расстанется со своей супругой... – загадочно бросил Арви, пожав плечами.

– Чего это значит?! – Вольне показалось, что у нее испортился слух. Совсем недавно этот же Арви утверждал, что Дива пустое место. Для князя, мол, главное, чтобы она хлопот не доставляла и улыбалась, когда они совместно появляются на людях.

– Я говорю, что правитель с самого начала не собирался оставлять ее в лесу ни в коем разе, – тиун ощерился плутоватой улыбкой.

– Тогда зачем ее туда потащили?! – лицо Вольны выражало растерянность.

– Вероятно, наш князь хотел проучить ее. Ибо это уже не первая ее выходка. И с каждым разом княгиня превосходит саму себя, чем, кстати, невзирая на побочные трудности, дивит правителя, – подчеркнул Арви с восторженной улыбкой, будто он сам является первым почитателем Дивы.

– «Проучить»?! – Вольна начала понимать, что, действительно, это был лишь урок.

– Ну да, ясное дело, что никаким волкам он не бросил бы ее на съедение. В это могли поверить только два человека... – Арви усмехнулся, намекая на саму Вольну и, естественно, Диву.

– Да что же тут такого удивительного! Нег не святой, а душегуб и деспот! Так что следовало ожидать от него именно этого! Сколько еще и, главное, зачем терпеть ему эту девку?! – Вольна была на грани срыва.

– Ответ на этот вопрос, боюсь, уже нам очевиден... Новые обстоятельства... – загадочно констатировал Арви.

– Что еще за обстоятельства?! – Вольна даже напугалась. Ее точеные плечи опустились.

– Ну, во-первых, она мать его возлюбленного дитя, – загнул Арви утонченный мизинец, перечисляя обстоятельства.

– Дитя-девчонки никчемной! – подчеркнула Вольна.

– Любовь родителей нередко бывает безусловна. Тем более у нашего почитаемого князя уже имеются наследники мужского пола, – выронил тиун. – Обеспечив преемственность, правитель может любить всех своих детей без всяких причин.

– Что значит «наследники»? – не поняла Вольна. – Ты имел в виду моего сына?

– Именно так, – Арви утвердительно прикрыл глаза. – Возвращаясь к разговору о Диве... И да, она есмь мать его возлюбленного дитя, пусть не являющегося крошечным княжичем, но маленькой княжной...

– И что с того?! Теперь из-за этого ей нужно все прощать?!

– А во-вторых, – загибая безымянный палец, продолжил Арви, не обращая внимания на возмущенные вставки собеседницы. – Видимо, наличествует нечто незримое, что удерживает князя от того, чтоб отправить ее к Велесу. Есть, значит, еще что-то...

– И что же это? – Вольна вновь нахмурилась, и ее прелестное лицо стало походить на сушеную сливу. Так и происходит старение. Вольна знала это и никогда не позволяла себе морщиться. Но сейчас она уже не владела собой. Ее кожа собиралась в напряженные складки, мышцы под которыми стягивались, словно струны.

– Порассуждаем. Князь бросает все дела. Берет с собой лучшую часть дружины, самых надежных людей, и отправляется с ней в лес... Что ж, у владыки забот других нет? – Арви умолчал о том, что наряду с тем, чтоб сторожить Диву, дружина разведывала окрестности, осматривая, нет ли где следов тех Изборских разбойников. – Если б так она была ему безразлична, как предполагаемо, ну отправил бы Прохора да Надежу. Пусть бы присмотрели за своей княгиней-землячкой от его лица... А он – ан нет! Сам пошел! Дабы в случае чего лично ее защитить и, вообще, рядом быть! Не доверил ее никому! Даже верному Прохору, который ему, почитай, сейчас заместо Трувора... Ни малейшему риску не хотел ее подвергнуть! Ночь не спал, глаз не смыкал... – сгущал Арви. – Да и вот еще обстоятельство: он не придал это ее плутовство с храмом огласке. Молодцев взял неговорливых. Так что они лишь помогли своему князю разобраться в его затруднении, молча и без вопросов. А сегодня уже забудут об этом навсегда и словом нигде не обмолвятся. Ее честь не пострадает. А если б он прям так равнодушен к ней был, то на что ему прикрывать все ее гадкие увертки? Пушай бы все знали, какая она скверная! Никто бы не пожалел ее, даже если б он решил ей шею собственной секирой перерубить. Ведь женщине предписано быть смиренной! Так что никто бы его не осудил, если б он наказал непокорную жену, чинящую своему супругу одни неприятности...

– Башмак Локи! Ты прав! – за то время, что Арви размышлял, Вольна серела, глаза ее затухали. – Но ты же говорил, что она ничего для него не значит!

– Не значила тогда. Я «тогда» это и говорил. А нонеча, похоже, все изменилось, – Арви пожал плечами. – За такой наглый гнусный вероломный ход даже я оставил бы в лесу свою Росу, – пошутил тиун. Разумеется, он не бросил бы Росу никогда и нигде. – Дива – это неуправляемое пламя. Ее деяние не имеет названия. А он что? Ну поучил, ну напугал. Но в итоге простил же. Не бросил с волками! Да еще и на руках в терем отнес, аки хрупкую снежинку. Вот оставил бы Прохору заботы о ней, чтоб тот помог княгине добраться до покоев! А сам бы сюда, к самой красивой из женщин, сил набираться, – Арви оставил Вольне хвалебный

отзыв только с тем, чтобы потом расстроить ее еще сильнее. – Но он – нет, жена как-никак. Да, именно жена. Не дело, чтоб какой-то Прохор ей помощь оказывал! – Арви нагнетал так, что даже если бы Вольна знала истинные обстоятельства, то все равно бы ему поверила. Поскольку было невозможно его не послушать, так он все убедительно обосновывал. – А сейчас еще и расхлебывать за ней будет эту кашницу, что она замешала. Вот тот же храм, к примеру... «Несравненная Перынь», как князь сам выразиться изволил на вече боярском. Он ведь распорядился все достроить. Да еще и при всех боярах расхвалил княгиню, что, мол, какая умница-разумница его супруга, всем на благо старается, не щадя себя, – тут Арви сказал правду. Собрание действительно было. И Рёрик заочно похвалил Диву. Но не потому, что был доволен ее самостоятельностью, а для того, чтоб не выглядеть вконец полнейшим растяпой, за спиной которого баба провернула столь ловкий трюк. Это все могло пошатнуть его власть и силу, дав почву для чего-то более серьезного. Потому он и признал, что идея хороша, и он сам якобы ее заранее одобрил. А что до средств – пусть, мол, все они не беспокоятся. Он, истинно, обещал все расходы княгини взять на себя. Но Вольна обо всем этом знать не могла, поэтому в ужасе слушала рассуждения Арви. – И я уверен, что братца ее в итоге отобьет, – продолжал тиун, который, разумеется, думал чуть иначе. Он был уверен, что Рёрик постарается вернуть то золото, которое Дива уже передала разбойникам. По возможности князь и Есения вернет. Чтобы наконец прибить того, кто является истинным наследником Гостомысла и может претендовать на престол Новгорода. – Что никчемный Есений? Его надо на кол посадить за сношения с этими разбойниками! А вот увидим же – простит бездельника и живым приведет ей, если только, конечно, окаянники того вперед не порешат. А как же иначе? Не пожелает супругу огорчить... Брат все-таки... Она за него заступилась, как могла. А князь ейный защитник! И ведь будет защищать! Никому не позволит обидеть свою избранницу! Вот как!

– О, боги, – Вольна схватилась за живот, внутри которого будто затянулся тугой узел. – Ты прав, Велес тебя укради! Но как такое возможно? Неужели он ее простил? Или это все для вида только? А на самом деле зол на нее? А может, и вовсе пришибет, если золото не вернет свое...

– Я бы на то не рассчитывал, – Арви кивнул с сочувствием. – Как говорится, баба слезами беде помогает. Ничего он ей не сделает. И никогда не делал. А если даже после такого он простил ее, то тогда уже не знаю... Что еще она должна натворить, чтоб разозлить его до той крайности, чтоб он укокошил ее в итоге... Он ее-то и в лесу всего лишь на ночьку не бросил, хотя там ничего опасного то и не было. Все звери разбежались в ужасе, завидев дым костра. Куда уж, казнить! Ишь ты! – усмехнулся Арви.

– «В лесу всего лишь на ночьку не бросил»? Он бросил ее! Давным-давно! Как только я вернулась! – завопила Вольна.

– Ну, это не совсем так. Они вообще на тот момент малознакомые люди были, по сути... – объяснил Арви. – Порассуждаем... Ну какое может быть любие после того, как княгиня оказалась сиротой с появлением нашего князя в ее жизни? Оно уже позже проявилось, когда он сделался подлинно новым защитником ее и благодетелем... До последней поры меж ними дружбы никакой-такой особенной не было, все это нарисовалось после...

– Это что же, при мне и из-за меня, по-твоему?! – Вольна приложила ладонь ко лбу, на котором выступила испарина, хотя день был пасмурным, а не знойным.

– Я не говорил такого... Рассказываю по существу. Да и потом, знамо ведь, как случается: сначала что-то раздражает. А потом заставляет восторгаться! Князь ведь наш поистине восхитился ее непоколебимой решительностью, беспредельной смелостью и необыкновенной самоотверженностью! Далекое не каждая баба пошла бы на такое, лишь бы спасти неразумного брата. Верно?

– Верно! О чем она только думала?! – удивлялась Вольна.

– О брате, конечно. И князя это поразило, что не отмахнулась она от непутового глупца Есения. А сама все устроила. Пусть по-бабски нелепо и непродуманно. Но у нее и возможности ограничены, она все-таки не князь... Так вот ведь самое главное – не оставила она в беде братца своего! Это благородно, это смело! Наш князь любит безрассудную отвагу и знает ей цену... Так что вроде бы из-за этого ее проступка весь гнев его на нее и пал, и наказать ее решил он за эти мутные делишки. А тем временем и это на пользу обернулось ей, – на ходу придумывал Арви, который на самом деле уже не знал, чем еще напугать Вольну. И потому плел про то, что якобы ценил князь, будто он сам, Арви, имеет об этом представление. – Теперь правитель восхищен...

– Хельмова яма! Ты дело говоришь! – расстроилась Вольна в конец. – Правда ведь, погляди-ка, она теперича уже и мне кажется героем, а ему-то и подавно. Вот вертлячка поганая... Сам Велес ее хранит!

– Князь вот еще, что сказал: «Искреннее раскаяние – половина исправления». Ведь понятно, что это значит? Оправдывает ее! Если так и дальше будет продолжаться, то... – Арви безнадежно махнул рукой. – Ну ладно, мне пора. Меня уже ждут писари да гонцы. Прошу заходить в гридницу по-приятельски, если что потребуется... – ободренный Арви потопал в сторону изб, оставив Вольну посреди двора, промокшей от моросящего дождя. На душе ей было тяжело. И больно от того, что время идет, а Рёрик все еще в тереме Дивы.

Дива лежала в своей опочивальне и, кажется, спала. Она так намучилась и устала, что ей даже не хотелось смотреть на мир вокруг себя. Да и сил на это не было.

– Укрой ее и оставь воды, – приказал Рёрик Мираве, после того, как уложил погруженную в полузабытье Диву в постель. Служанка тут же поспешила расправить покрывала да подушки, попутно поглядывая на Диву с беспокойством.

– Князь, что же это такое с нашей княгиней? Может, лекаря надобно призвать? – тревожилась Мирава.

– Само пройдет, – усмехнулся Рёрик.

– Я воды принесу, – Мирава поторопилась из горницы.

Рёрик еще раз оглядел спящую Диву и хотел двинуться к выходу.

– Нег, ты здесь? – прошептала Дива сквозь сон.

– Да... – Рёрик окинул взглядом Диву, которая все еще не открывала глаз.

– А если бы меня укусила та змея? Что бы ты делал? – неожиданно спросила Дива. Сейчас ей почему-то стало казаться, что она ему небезразлична и он ей друг. Да, именно так. Он не враг ей. Но и не заботливый батюшка, не нежный супруг, а именно надежный друг.

– Какая змея? – Рёрик не понял, о чем она спрашивает. В той своей части лес сох, трава почти не росла, и змей можно было не опасаться.

– Та. Холодная. И склизкая, – сквозь дрему Дива вспомнила, как кто-то скользкий уткнулся ей в руку.

– А змеи разве холодные и склизкие? – улыбнулся Рёрик.

– Но кто же тогда это был?... – Дива никогда не держала в руках змей, поэтому не могла знать, что они не холодны и не мокры, а сухи, теплы и любят греться на солнышке.

– Наверное, пес, – предположил Рёрик.

Дива вспомнила еще раз эпизод. Ну да, теперь уже понятно, что и это был пес. Уткнувшись мокрым носом ей в ладонь, он после ее визгов лег под куст.

Получив ответы на мучавшие ее вопросы, Дива повернула голову в сторону стены и заснула.

Дива проспала весь день. До самого вечера ей виделись лесные кошмары. А когда она проснулась, то на дворе было уже снова темно: вечер и ненастье окутали землю. Она еле под-

нялась. Перед глазами было мутно. Веки отяжелели. Обуревало какое-то отупение со сна, хотя и стало уже намного легче, чем накануне.

Послышались шаги. В горницу вошла Мирава. Она пела тихую песенку, укачивая на руках Эндвинду. Увидев ребенка, Дива вмиг вспомнила все.

– Дочка моя, – Дива протянула руки к Мираве. – Дай ее мне скорей. Она здесь. Она со мной!

– Княгиня очнулась...– улыбнувшись, обернулась Мирава. – Я места себе не нашла...Вопрошала у каждого. Никто ничего не ведал...Где княгиня была? Куда ее увез князь?

– Потом, потом, – Дива отрицательно замотала головой. Сейчас ей не хотелось ничего обсуждать, а только прижать малышку к своему сердцу. Душу ее переполняли чувства: там, в лесу, она уж думала, что больше не увидит этих маленьких ясных глазок, этого пухленького ротика и крохотного носика.

Ночь спустилась на землю под руку с холодным дождем. Несмотря на непогоду и поздний час, в гриднице полыхали жаркие споры. Сегодня здесь были только самые близкие князю люди. Дело серьезное, и, невзирая на то, что придется вовлечь изрядное количество человек, до поры до времени ему должно оставаться в тайне.

– Князь, хвала богам, что мы узнали обо всем именно сейчас, когда еще можно что-то предпринять, – подчеркнул Арви, похвалив таким образом самого себя. Ведь это именно он раскрыл все Рёрику. Арви помнил лицо князя, когда тот выслушал его донесение. Да что лицо князя! У Арви и самого отвисла челюсть и чуть удара не сделалось, когда «ночная гостья» поведала ему тайные подробности из жизни Дивы. – Ведь если бы княгиня успела отправить разбойникам и вторую часть злата, о которой они уговорились, нынче у нас бы не было никакой возможности их изловить.

– У нее нет второй части золота, которую она бы могла отправить, – констатировал Рёрик.

– В прошлый раз у нее тоже ничего не было, но потом откуда-то взялось, – Арви очень хотел найти способ опять как-нибудь натравить Рёрика на Диву. То, что ей вновь все сошло с рук, крайне удручило тиуна. – Думаю, княгиня бы вновь измыслила что-нибудь эдакое...

– Честно говоря, мне даже уже немного жаль, что мы раскрыли мою затейницу...Ведь теперь я не узнаю, что именно она придумала бы на этот раз, – усмехнулся Рёрик, гнев которого на дочь Гостомысла прошел. И кто бы что ни говорил, ее безумная задумка с храмом оказалась не такой уж бестолковой. Деньги она все-таки добыла.

– Государственной мощной должна заведовать наша княгиня, а не тиун, – пошутил Ньер. – Она бы скорее нашла способ наполнить казну, чем Арви...

– Ахаха, действительно, – рассмеялся Рёрик, которому Арви в последнее время много жаловался на то, что средств в казне не хватает и повсюду одни лишь расходы.

Не всем шутка огнищанина пришлась по вкусу. Тиун недовольно поджал губы, подняв вверх левую бровь. Этот наглый Ньер совсем уж лишнего хватил. Проезжаться по имени тиуна Новгорода!

– Арви, что ты там насупился? – Рёрик выдернул тиуна из дум. – Изложи уже наконец наш замысел...А вы послушайте, други...

– Прошу внимания...– начал Арви, разворачивая тряпичную карту местности на столе. Они с Рёриком полдня продумывали план действий, и теперь требовалось лишь обсудить его с остальными.

Во время рассказа Арви все слушали внимательно. Перебивал лишь беспардонный Надежа, который никак не мог совладать с собой и дослушать до конца каждое отдельное предложение, забегая вперед.

– Ага, поддерживаю, – отозвался Прохор, когда увлекательный сказ тиуна был наконец закончен.

Этот человек являлся воином из той части дружины, которая образовалась из новгородских храбрецов. Молодцем он был заметным и за сравнительно короткий срок успел заслужить доверие князя. Арви весь вечер косился на этого гридя с неприязнью: сей удалец тиуну не нравился – уж больно смышлен. Да и вообще, сам весь хоть куда: умеет к месту пошутить, разве-селить князя, когда это требуется; достать свой меч из ножен, когда других вариантов не остается. Но главное достоинство Прохора заключается в том, что он крайне беспринципный тип. Выполнит любой, даже самый зверский, приказ. Без лишних слов и неуместных колебаний. При Рёрике он заменил Трувора, и князь поручал ему многие личные дела. В то время когда ему самому, верному Арви, понадобилось столько ждать, чтобы заслужить доверие князя!

– Зачем все эти сложности? – опять заголосил нетерпеливый Надежда, которому мудреный план не понравился. Или он не понял его до конца.

Арви перевел недовольный взгляд своих прозрачных зеленых очей теперь на этого молодца. Еще один новый гридь. Тоже славянин. Но от Прохора заметно отличается болтливостью и сердечностью. Несмотря на то, что эти двое принадлежат одному народу, дружбы между ними, по всей видимости, не имеется. Можно сказать, даже наоборот: они вечно ссорятся, как бабки на рынке из-за последнего мотка шерсти. – Почему нельзя попросту отправить разбойникам золото и проследить за повозкой с сундуком? А потом наброситься на тех, кто придет за нашим ларцом?!

– Емельян может выставить дозорных... И если эти дозорные заметят погоню, то разбойники инда не приблизятся к ларцу, – неохотно пояснил Прохор. – У них уже и так достаточно добра на всю жизнь вперед. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

– Шапка Ярилы, о дозорных я не подумал! – выругался Надежа.

– Для тех, кто еще не понял – весь замысел основан на том, что Емельян считает, будто мы не знаем, кто он такой! Ведь он полагает, будто княжеский шурин и под пыткой не сознается в своих связях с разбойниками, – подчеркнул Арви, про себя мечтая о том, как хорошо было бы сначала Есения спасти, а потом казнить. – Ведь после подобных сношений сыну Гостомысла и самому грозит суровое наказание... Иметь дело с лихими людьми – порядочному человеку не пристало...

– Ха-ха, ну ты, как всегда, загнул Арви, – ухмыльнулся Ньер, в судьбе которого были мгновения, когда приходилось добывать на пропитание не трудом в полях.

Негодующий Арви вновь стиснул зубы. Грубые шутки Ньера начинали его нервировать. Особенно раздражало то, что все они направлены именно против него, княжеского тиуна. Почему-то над другими участниками встречи Ньер не трунит. Хотя на самом деле он, ученый Арви, много умнее всех них, этих безмозглых головорезов!

– В любом случае накрыть их у самой повозки – это сомнительно, – еще раз подчеркнул Прохор, словно попрекнув этим замечанием Надежу. – Они либо заранее нас заметят, либо потом разбегутся в разные стороны. Так что мы за ними и не поспеем...

– А если кого-то и поймает, то не сможем доказать, что это человек Емельяна, – обозначил Арви.

– Зачем доказывать кому-то что-то?! – не понял Надежа.

– Я, вероятно, неверно выразился, – поправился тиун. – Правильнее сказать, мы не сможем наверняка признать в пойманном – человека Емельяна. Доказательства нужны не кому-то, а нам самим.

– Ах ты! Точно... – постиг Надежа наконец.

– Поэтому в ларце и должно быть настоящее золото! – перебил Прохор Арви, который уже снова собирался вещать.

– Но я все равно не пойму! Зачем так рисковать и закладывать в сундук настоящее золото? – возразил Надежа, редко разделяющий точку зрения своего единоверца. – Давайте

навалим туда булыжников! По весу будет то же самое! И замок привесим, чтоб не сразу до них дошло, что там не золото...

– При чем здесь вес, остолбень ты королюбая?! – уже начал горячиться Прохор. – Когда они разбегутся, мы не сможем опознать их, если при них не будет золота! А если мы не заполучим хотя бы одного разбойника, то потеряем всякую возможность узнать об их расположении. И в итоге утратим первый сундук, который составляет большую часть того, что можно потерять! Поймаем мы одного злодея, а он, без опознавательных монет, скажется простым сельчанином, собирающим грибы!

– Сам ты бревно неразумное! – Надежа тоже уже вышел из себя. – Хуже будет, если они сомотаются и с этой долей наших сокровищ!

– Все одинаково скверно, – зевнул Арви, наслаждаясь спором между молодцами. Он не понимал, отчего они оба ему так неприятны. Возможно, он мог бы отнестись к ним по-отечески. Или не мог бы? С какой стати? У него у самого жена, которая намного младшего его. И, наверное, потому ему не нравятся те, кто могут на нее заглядываться. Или те, на кого могла бы заглядеться молодая женщина. Благо, его Роса не такая.

– Нет, не одинаково! На кону наша честь, а не просто монеты! – гаркнул Прохор на Арви.

– А кто даст заруки, что они не удерут вместе со вторым сундуком?! Ты хоть думай чего городишь, пустомеля! – разорался Надежа. – Наша честь, уж точно, окажется в сидалище, если мы, как слабоумные, лишимся обоих ларцов вместо одного!

– Расшумелись-то, – посмеивался Хельми. – Давно б уже подрались да помирились.

– Действительно. Если пасть не закроешь, то вломлю, некумека, – погрозил Прохор Надеже. Последний возмутился такому заявлению и уже сам собирался первым вмазать обидчику, не откладывая в долгий ящик.

До глубокой ночи в гриднице горели свечи и шли споры. Лишь когда луна потускнела в рассветных лучах проснувшегося солнца, участники схода стали разбредаться. Прохор, который немало умаялся за последние два дня, задержался по настоянию князя в дверях.

– Завтра ответственный день. Тебе предстоит действовать вместо меня, – Рёрик похлопал гридя по плечу. Дело вроде пустяк. Да беда в том, что ему самому никак нельзя ввязываться в столь сомнительную историю, лично пускаясь в преследование этих бродяг. Это может пошатнуть его могущество в глазах простого люда и правителей соседних княжеств. Потеха – князя обчистили собственные подданные, а он еще и погнался за ними из-за горсти монет! По большому счету, эти ничтожные разбойники должны быть недостойны его внимания. И, уж точно, не ему за ними мчаться по лесам да долам. Поэтому с ними и должна разобраться верная дружина. Хотя, как известно, если хочешь, дабы что-то было сделано на совесть, сделай сам! С другой стороны, отпустить бандитов с золотом на все четыре стороны было бы еще хуже, чем погнаться следом, поскольку тогда любой возомнит, что может подниматься на владыку. – Смотри не зевай мне там.

– Не тревожься, княже. Мы обойдем их, даже если придется заставить самого Перуна помогать нам... – заверил Прохор.

– Пушай помогает. Святилище-то я ему строю, – пошутил Рёрик. А потом строго добавил, – я на тебя рассчитываю...

– Для меня честь быть достойным твоего доверия, княже... Я все сделаю.

На этом они и расстались уже в глубокой ночи. Рёрик валился от усталости, так как не спал очень долго. Однако тут же к нему подступил Арви, терпеливо дожидавшийся ухода Прохора.

– Князь просил меня задержаться... – напомнил тиун, сдерживая зевоту. Арви не предполагал, что заседание затянется до рассвета и теперь уже очень хотел спать.

– Вот что Арви... Раз уж у нас произошла такая история, то на будущее мы должны обезопаситься. Созови вече. Вы должны придумать и утвердить следующее. Если люди станут

укрывать тех, кто мне нужен, то будут считаться соучастниками и понесут наказание купно с преступниками. Первый раз об этом следует объявить при казни Емельяна. Если мы, конечно, его поймаем...

– Может быть, следует предупредить людей немедленно? Дабы сие способствовало поимке дерзновенного Емельяна... – предложил Арви.

– Я не хочу спугнуть этих проходимцев. Они не должны догадаться, что мы знаем о них...
Делай все в том порядке, в котором я обозначил.

– Я все устрою, князь, – Арви поклонился, попятившись к выходу.

– Постой-ка... Это не все... – остановил Рёрик тиуна. – Я хочу, чтобы ты написал и отправил Годфреду письмо.

– Я к услугам князя, – Арви поклонился. Кто бы и что ни говорил, он, тиун, важнее всех этих душегубов, которые только и могут, что махать своими железяками. Вон их сколько, этих разносил, сегодня в гриднице толклось! А столь важные деяния, как государственные законы и переписка, князь может доверить лишь одному человеку, своему тиуну! – Приступим немедленно али дождемся грядущего дня?...

– Немедленно, Арви... Не ждет.

Дива постепенно возвращалась в свое обычное состояние духа. Лишь только день с ночью перепутался у нее. И вот теперь занялся рассвет, а она даже не была в постели, а вышагивала по горнице. И одна мысль не давала ей покоя: как Рёрик обо всем узнал?! Кто тот неведомый злодей, который чуть было не стал ее палачом?

– Мирава, сколько раз тебе говорила: не вешай ничего на очеп! Примета дурная – ребенок спать не будет... – Дива убрала с шеста, на котором под потолком крепилась колыбель, веники калины, привешенные трудолюбивой рукой помощницы.

– Так княгиня же сама велела... Калину возле люльки примостить... – прошептала Мирава, зевая. Она не могла позволить себе отправиться спать, когда ее хозяйка полуночищает.

– Мирося... Это ты ему все рассказала? – вдруг спросила Дива без предисловий, буквально огорошив своим неожиданным вопросом помощницу.

– Что именно? – недоумевала Мирава. – Я сейчас заварю княгине огненной травы... Мигом все тревоги пройдут... И сон придет...

– О золоте, разбойниках, Есении! Ты рассказала Негу? – Дива внимательно оглядела помощницу, надеясь заметить ответ в ее глазах.

– Да как бы я посмела! – от удивления Мирава широко раскрыла искренние вежды. – Я бы, скорее, утопилась в трясине, чем предала б мою княгиню! Умоляю верить мне! Я ничего никому не говорила, – на щеках верной Миравы заблестели слезы. – Пусть княгиня прогонит меня, если больше доверия мне нет! Что ж я? Не понимаю что ли, чем правда сия грозит моей княгине?... – девушка уже была готова разрыдаться.

– Я верю тебе, – вздохнула Дива. – Я спросила, понеже не знаю, на кого мне думать. Кто-то же заложил меня... Кто это мог быть, а? Как думаешь? Откель он узнал?

– Не ведаю. Да ведь знали только мы. Да те разбойники, что удерживают Есения... Да тот возница, что сундук отвозил в тот раз... Да тот мальчишка, что послание передавал... Да тот старик, что...

– Получается, много людей... – нахмурилась Дива. – Теперь я уже и не выясню, кто меня сдал...

– Я спросить хотела... – любопытная Мирава лукаво понизила голос, потерев сонный глаз. – Что же было той ночью темной? Куда княгиню отводили? Обижал князь?

– Не знаю, что ответить... Нет, не обижал он меня. Но та ночь была ужасна, – Дива с безразличием смотрела в окно, за которым гудел дождик. – Он сказал: «Знай край да не падай».

– Что это означает? – недоуменно захлопала ресницами Мирава.

– Я думаю, это предупреждение. Последнее самое. И если я еще раз ошибусь... Он не пожалеет меня. Да я теперь всего бояться буду! – огорченно выдохнула Дива. – А у меня столько врагов... Меня любой может с легкостью оклеветать... Мне даже из терема выходить отныне страшно! А, кстати, где Любава? – вдруг вспомнила Дива.

– Она захворала. И днем не приходила... Я одна тут попевала за всем...

– Может быть, это она слила все ему, а? Что скажешь, Мирося? – нахмурилась Дива, вспомнив, что у Любавы когда-то были виды на Рёрика, по слухам.

– Она ни о чем не могла знать, как мне кажется, – пожала плечами Мирава.

– Не могла. Но вдруг... Вдруг украдкой слышала, как мы с тобой переговариваемся?

– Это мог быть кто угодно. Она или не она. Правды мы теперь не узнаем.

– Не узнаем. Но если это был какой-то празднословный балбес – то сие не столь страшно, как если предатель в этих стенах. И если этот предатель Любава... Коли так, то я собственными руками привела в свой дом зло...

– Не собственными руками. Млава так велела, а она наперед видит судьбу, – Мирава поправила съехавший с плеча Дивы платок. – Я думаю, что в итоге все на пользу княгине обернется.

Глава 5. Последняя жатва

Изборск гудел, как комариный рой. Сегодня люди готовились допоздна работать – дожинать толокой поля. Все жители от мала до велика, землеробы и дружинники, высыпали на широкое раздолье. День обещает быть жарким. К вечеру, когда уборка урожая окончится, можно будет отпраздновать долгожданные дожинки – возблагодарить богов за их дары и поклониться земле. Праздник Жатвы самый радостный, долгожданный и любимый. Ведь близится завершение страды. И люди, наконец, смогут отдохнуть после тяжелого лета, полного полевых работ.

Уже на рассвете к еще влажным от росы нивам потянулись вереницы дожинальщиков. Мужчины несли на плечах горбатые острые косы, а женщины – серпы. И вскоре поля наводнились смехом и голосами.

– Хороший хлеб, – Трувор отправил на зуб зернышко, предварительно вышелушив его из колоска.

– Как ты догадался? – усмехнулся Годфред, который пришел на жатву уж точно не для того, чтоб к вечеру свалиться изнеможенным от усталости.

– Хрустит... – раскрыл Трувор секрет спелого хлеба. Расставив широко стопы, он склонился к земле и сделал влево несколько замахов изогнутой горбушей. Его левая рука была на косовище спереди, а правая – за ней сзади. Разогнувшись, Трувор на лету повернул косу, поменяв местами положение ладоней, и теперь уже замахнулся вправо. Некогда любимый гридь Рёрика явил необыкновенную сноровку в косье. При каждом его взмахе срезанные злаки падали на землю равномерным ковром. И вскоре по обе стороны от него стелились две желтеющие полосы. И все-таки, несмотря на очевидный опыт в деле собирания хлеба, было видно, что парень утомляется быстро. Виной сему, очевидно, явилось наклонное положение, из которого производилась работа косой-горбушей. Трувор то и дело хватался за спину, которая начинала ныть. И все-таки это не повод останавливаться так скоро.

Вскоре примеру Трувора последовали и другие дружинники Годфреда. Кто-то с охотой, как Альв, а кто-то нехотя, как Смеян. Последний стоял, опираясь на древко косы, и зевал. Полевые работы никогда особенно не увлекали его. Собственно, потому-то он и избрал себе иные занятия, нежели усердие на пашнях.

– Чего не косишь? – спросил Альв у Смеяна, отирая мокрый лоб.

– Запоминаю, как надо, – Смеян поймал раскрытым ртом воздух и нехотя потянулся к косе.

– А ты чего встал?! Лентяй! Давай, снимай хлеб, коли пришел... – выпрямившийся передохнуть Альв посмеивался над Годфредом, потягивающимся на солнышке.

– Признаться, я не очень хороший жнец, – улыбнулся Годфред, сладко потягиваясь. – Пойду лучше Ясыне помогу...

Барма сидел за столом и завтракал. Перед ним была бадья оладий из репы и плошка со сметаной. Такой же кислой, как вся его семейная жизнь. Вместе с главой вече трапезничали и его дочери – Любора и Путимира. В люльке, привешенной на очепе, спала малютка Звенимира. Она время от времени просыпалась с криком. Тогда старшая дочь Бармы или его жена подбегали к ней и укачивали ее, шатая колыбель.

– Сегодня все наши люди отправятся в поля убирать хлеб, – рассказывал Барма о грядущем дне. – А вечером сельчанки принесут тебе последний колосок. Будь дома и никуда не уходи. Примешь урожай.

– Я не справляюсь с хозяйством... Мне нужна помощница, – в очередной раз посетовала жена Бармы, продолжая накрывать на стол. – И еще я хочу знать... Когда же вернется наша дочь...

– Ясыня... Она что, так много делала, что тебе понадобилась подмога с ее уходом? – недовольно процедил Барма, потянувшись к приевшейся снеди. – Я уже объяснял тебе не единожды: в доме не должно быть посторонних. Ко мне приходят разные люди. И я не желаю, чтобы мои разговоры слышал кто-то не из семьи. Это может быть нехорошо и даже опасно.

– Так когда вернется Ясыня? – повторила жена Бармы свой вопрос, выставляя на стол крынку с молоком.

– Слава, не начинай с утра... – раздраженно попросил Барма, постукивая пальцами по столешнице. Почему каждый раз, как он собирается есть, она льет ему что-то в уши!

– Твоей дочери уже много дней нет дома. Тебя не беспокоит ее судьба? – Хлебослава поставила на стол берестяной туюсок с медом, придвинув его ближе к детям.

– Разумеется, беспокоит. Судьба Ясыни связана с судьбой этого дома... – Барма пережевывал горьковатые оладья с таким же безразличным видом, с каким корова обычно жмякает траву. – Когда Годфред женится на ней, я стану самым могущественным человеком в Изборске.

– Тебя заботит только это? – упрекнула Хлебослава, утерев мокрые руки о передник.

– А что еще? На что еще может сгодиться Ясыня? – усмехнулся Барма. – От каждого должен быть толк. И я рад, что эта празднюлюбка, наконец, оказалась полезна своей семье.

– Неужели ты не понимаешь, что он совратит нашу дочь? – под растлителем Хлебослава подразумевала своего будущего зятя.

– Ну и что с того? Сие неизбежно, – глаза Бармы смотрели вдаль на волнующийся от ветра лес. Лицезреть жену у него не имелось желания. Он начал обычную беседу, а Хлебослава опять подвела его к неприятной теме. – К тому же у варягов иное видение приличий, нежели у нас.

– А в этом городе больше никто не живет, кроме варягов? – упорствовала Хлебослава. – Ты должен вернуть нашу дочь домой.

– Должен?! – Барма вдруг разозлился, хотя сдерживал себя все утро. – То, что я должен, я свершаю! А вот ты не выполняешь своих обязанностей в полной мере. Это именно ты так воспитала свою дочь, что она согласилась остаться в ночь с незнакомцем, отказавшись вернуться домой к родителям! – Барма встал из-за стола, отпихнув от себя плошку с едой. Напуганные гневом отца дети смолкли, хотя до этого о чем-то чирикали между собой. Тут же в колыбели заверещала Звенимира, к которой сразу поторопилась Хлебослава. Впопыхах она даже обожгла руку о печь, на которой помешивала кашу. – Я чувствовал себя каким-то бесправным юродивым, когда пытался забрать ее из гридницы! Этот мальчишка разговаривал со мной так, словно я не глава вече, а его слуга! И это все из-за тебя! Это ты взрастила Ясыню легкомысленной и

дерзкой! – раскричался Барма. – И да, если он совратит ее – если, конечно, до сих пор этого не сделал – то сие будет только твоя заслуга. Тебе следовало больше говорить с ней и учить ее тому, как должно поступать! И чего потребно избегать! Но ты все время занята какой-то пустой ерундой!

– Как ты можешь так говорить? – Хлебослава всхлипнула, обиженная словами мужа. В отличие от него, она не принадлежала самой себе. Она уже не помнила, когда в последний раз спокойно ела или спала. То и дело ее дергали дети. Она просыпалась раньше всех, а ложилась позже. Уже на рассвете она заквашивала тесто для хлеба. А вечерами при скудном освещении шила одежду. Ее красивые когда-то руки покраснели от работы и выглядели натруженными, как у обычной сельчанки, занятой в поле. – Весь дом же держится на мне.

– Не говори глупостей. Весь дом держится на мне! – рывкнул Барма, ища свою шапку среди прочего барахла, разложенного на сундуках в сених. Было время, далекое время, когда он, кажется, любил Хлебославу. Сейчас такое трудно представить. Но тогда она была совсем другой. Она была пригожей беззаботной хохотушкой, засыпающей по вечерам на его косматой груди. Он дарил ей бусы и браслеты, она могла подолгу играть с ними, примерять наряды, а он любовался ею. Но однажды все поменялось. Нет, это произошло не одновременно. Сначала родился один сын, потом другой, затем Любора. Так и пошло-поехало. Больше Хлебослава не примеряла ярких платков и бус, красуясь перед Бармой. Она, наверное, вообще забыла, что у нее есть муж. И там, где прежде в сених стоял кувшин с ароматными цветами, теперь валялись какие-то тряпки, игрушки и шапки.

– Это только тебе непонятно, почему Ясыня не возвращается в этот кошмар! – в слезах бросила Хлебослава, прижимая к груди орущую Звенимиру. – Бедная девочка никогда не знала любви своего отца. Она всегда слышала только попреки и оскорбления. Ты настоящий зверь!

Барма оттолкнул с пути жену, мешающую ему выйти на улицу. Она еще не видела настоящего зверя. Ей так повезло. Он, Барма, вполне добрый муж. Она живет в достатке. И при этом еще зудит! Утро за утром. День за днем. Год за годом!

Когда солнце поднялось высоко, и роса высохла, мужчины оставили косы. Теперь дело за серпами, от которых зерно не вылетает из стебля и не теряется в земле.

Годфред и его дружина отдохали на опушке леса, довольно поглядывая на поля. Но не многообещающий урожай услаждал их взоры. Среди колосьев, словно цветы, были разбросаны белые льняные косынки. Острые серпы мелькали в проворных ручках.

– А что, не так уж плох этот день, – разглагольствовал Годфред, опираясь спиной о ствол березы. Перед ним, словно скатерть, был расстелен платок, на котором разложились плоские с яйцами, кислыми зелеными яблоками, хлебом и ломтями буженины с чесноком. Рядом в траве валялся бочонок с квасом. А чуть поодаль в теньке прятался ушат с водой. – Мне понравился сей обычай – пособлять в уборке урожая всем градом...

– Глянь, обычай ему понравился! Нашелся тут – жатель! – хихикнул Альв. – Ты хоть один колосок состриг, бездельник?!

– Я пришел сюда по иной причине... – Годфред романтично вздохнул, отыскав глазами Ясыню, жнущую серпом хлеб вместе с другими девицами.

– По какой же, интересно знать? – Трувор улегся на спину и устремил тоскливый взгляд в чуть тронутые желтизной кущи. Он поддерживал разговор и шутил, больше, по привычке. Ведь в последнее время ему было постоянно грустно.

– Неужели и так неясно? – Годфред наблюдал за Ясыней. Ей в лицо повеял ветерок. Сдув с лица челку и подхватив стебельки, приникшие к ней, она подрезала очередную охапку колосьев. Уложив сжатый волошок к ногам, потянулась к следующему. Со стороны казалось, что она не измучена работой, а играет. Годфред улыбнулся, когда возле Ясыни пролетела бабочка и она отвлеклась на нее. Да, он, Годфред, сын Харальда, наместник Изборска, пришел сюда

сегодня вместе со всей дружиной лишь ради того, чтоб поддержать свою невесту. Как и большинство ее земляков, она собиралась работать в этот день. Хотя, будучи отпрыском благородной семьи, могла бы не участвовать в подобных занятиях. Но Ясыня обладала подвижным нравом и все воспринимала, как развлечение. А последний день жатвы, в отличие от предыдущих, был больше похож на забаву, чем на истую страду. Ведь в полях собралось много народу, все шутили, пели песни и загадывали друг другу загадки. То ли дело, несколькими днями ранее. Когда сельчанки безвылазно сидели в полях, занятые тяжелым трудом до самой темени.

– Мне лично совсем не ясно! – хмыкнул Альв.

– Тогда, бестолковый, послушай бездельника... – подколот Годфред. – Придя вместе со всей дружиной на помощь моим подданным, я таким образом явил единство со всем Изборском. Для которого этот день – особенный! Мы не должны выглядеть нахлебниками. А напротив – защитниками и помощниками!

– А, ну теперь ясно... – пробубнил Альв.

На уставшую землю спустились первые сумерки. Посреди сжатого поля высился украшенный цветами единственный не срезанный снопок, который жницы нарекли Бородой. Этот дожинок был оставлен неслучайно. Он был самым важным. Бороду заламывали и подстригали, оставляя рядом свежеиспеченный хлеб. Здесь, в последних колосьях, прятался Полевик, которому жатва, несомненно, нанесла урон. Последнему снопу предстояло дать приют этому полевому духу, а также накормить истощенную почву, которая должна быть полна сил к следующему году.

Дожинальщики хохотали и радовались. Ведь успели завершить жатву в срок. Конечно, на этом страды не окончены. Еще предстоит перевезти колосья на сушку в овины. Затем грядет тяжелая молотья: по снопам будут ударять цепом, пытаясь выбить зерно из колосьев. После начнется веяние: зерно с лопат подбросят вверх против ветра, дабы отделить хлеб от соломы, мякины, колоса и сорных трав. Лучшее зерно останется на семена, среднее – пойдет на муку, а мякина – раздавленные колосья – на корм скотине. Зерно в пищу разнесут по амбарам, наполнив доверху деревянные сусеки. Но и это не конец. После придется еще долго разминать зерно пестиком в ступе. И лишь потом появится мука. Да, впереди еще много трудов. Но все же самое сложное позади. Позади – волнения и тревоги, связанные с немилостью богов и неурожаем. А, по крайней мере, сегодня всех работников ждет веселая братчина – пир с общим столом, где каждый сможет угостить друзей собственной стряпней. Кто-то принесет каши, кто-то орехи, кто-то блины с салом, кто-то репу и хлеб.

Вечерний Изборск осветился огнями костров. Несмотря на нелегкий день, молодежь не торопилась расходиться по домам. После сытной складчины хотелось погулять по окрестностям, попеть песен да покататься на лошадях. Ведь по первому снегу закончатся и прогулки.

– Ты выглядишь усталой, – Годфред осторожно отер с щеки Ясыни сажу. Они сидели на берегу озера. Возле них трещал костер. Ясыня иногда ковыряла палкой поленья, так и испачкалась в золе. В некотором отдалении от них отдыхала дружина. На сегодня Годфреду уже было достаточно мужских диалогов. И он приказал своим друзьям избавить его от их пошлых шуток и заросших бородой лиц и оставить его наедине с невестой.

– Я устала, – подтвердила Ясыня. – Но мне это даже нравится. Ведь неинтересно засыпать, если не чувствуешь усталости.

– Можно притомиться и по иным причинам, – взболтнул Годфред, как всегда, в присутствии Ясыни озабоченный лишь одной темой.

– По каким? – простодушно уточнила Ясыня.

– Ну я не знаю... – заулыбался Годфред, умиляясь Ясыне. – Скажем, после дня, полного безделья. Неужели ты сама не заметила, как сильно устаешь к вечеру, если сидишь весь день на лавке, уставившись в окошко? Это отнимает больше сил, чем кажется.

– Хи-хи, заметила, – рассмеялась Ясыня, которая, как и Годфред, любила иногда полежаться или поиграть с оружием и животными, но не заняться делами. – Мне нужно в баню... – дочь Бармы оглядела пыльное платье, воображая, какая она грязная после полевых работ.

– Можно искупаться в озере, – придумал вдруг Годфред, уже стягивая с себя рубаху.

– После Перуна нельзя купаться, – предупредила Ясыня, отряхнув ладошки от сажи.

– Да? Почему это? – не поверил Годфред Ясыне и принялся стаскивать сапог.

– Потому что можно утонуть или заболеть.

– Почему? – не унимался Годфред, словно настырный ребенок.

– Потому что Перун уже проехал по небу в своей колеснице, – взялась объяснить Ясыня. – Один из его коней уже потерял свою ледяную подкову, которая упала в воду, остудив все реки и озера.

– Так можно заболеть. Но не утонуть, – подмигнул Годфред Ясыне и пошел в воду.

– Утонуть можно по иной причине. Ты разве не знаешь, что после Перуна в воду возвращается вся нечисть? Они могут утянуть с собой на дно того, кто потревожил их покой...

– Да? Неужели? – Годфред завел руки за спину и нырнул с высокого берега в озеро. Не заставляя Ясыню волноваться, он вскоре выглянул из темных вод. – Наверное, в этом году конь Перуна не терял подковы... – крикнул Годфред Ясыне. – Вода очень теплая...

Отвернувшись от берега, Годфред поплыл к центру озера. Ясыня с тревогой следила за ним. И даже несколько раз окликнула. Но он не стал возвращаться, а устремился дальше по лунной дорожке, дрожащей на водной глади.

Озеро было огромным. Ясыня предполагала, что, наверное, оно ненамного меньше, чем море. Хотя, конечно, это было не так. Это было лишь озеро, глубокое и чистое.

– Вернись обратно! – вновь окликнула Ясыня Годфреда. Но он уже не слышал ее.

Пораздумав, Ясыня торопливо сбросила с себя верхнее платье и в одной сорочке прыгнула в воду, предварительно подвернув подол и закрепив его за пояс, чтоб не путался в ногах. Поначалу она не собиралась покидать берега. Но потом испугалась за своего жениха. Он чужеземец и, наверное, потому недооценивает всех опасностей, о которых она ему поведала. Она, Ясыня, и сама, разумеется, боится водяного и русалок. Но в любом случае вдвоем безопаснее, чем в одиночку.

Вода оказалась, скорее, прохладной, чем теплой. Но не настолько уж она была студеной, чтобы Ясыня передумала следовать за Годфредом. А вскоре дочь Бармы обнаружила, что в воде ей даже теплее, чем на суше. Несмотря на то, что с виду Ясыня была худенькая и хрупкая, плавала она быстро. Дыхание ее долго не сбивалось. Ноги и руки продолжительное время не уставали.

Преодолев расстояние почти в четверть озера, Годфред услышал окрики Ясыни. Увидев, что она следует за ним, он развернулся и поплыл к ней.

Лишь на обратном пути он понял, как сильно устал. С берега озеро казалось не таким уж крупным. Он встречал водоемы и поболе. Но теперь, будучи не на земле, Годфред взглянул на сие озеро иначе. Оно необъятное! А его воды будто густы, как пчелиный мед.

– Что такое? Ты уморился? – взволнованная Ясыня подплыла к Годфреду, который лежал на спине и смотрел на бледный диск луны, помятый с одной стороны.

– Нет, дорогая, – Годфред, разумеется, не собирался признаваться в том, что переоценил свои возможности.

– Я позову Трувора. Пусть плывет сюда с какой-нибудь корягой, – Ясыня не поверила Годфреду и уже приготовилась закричать во все горло в надежде, что ее вопль будет услышан.

– Ну еще чего, – усмехнулся Годфред, оглядев взволнованную и прекрасную в лунном свете Ясыню. Ее кожа, покрытая каплями воды, будто искрилась. – Зачем он нам тут нужен со своей корягой...

– Почему ты все время шутишь? – сердилась Ясыня.

– А почему ты все время нагнетаешь? – улыбнулся Годфред. – Ладно, поплыли к берегу, – Годфред уже передохнул и теперь был в состоянии проделать обратный путь.

– О, боги, что там?.. – взвизгнула Ясыня, плеснув по воде ладошкой.

– Где? – нахмурился Годфред. Он не слишком боялся русалок, будучи на берегу. Но сейчас, видя напуганную Ясыню, он уже и сам стал сомневаться в безопасности сего озерного путешествия.

– Да вон же, – трепетала Ясыня, указывая куда-то в сторону.

– Что-то плывет, – подтвердил Годфред.

– А вдруг это утопленник поднялся со дна озера, чтобы забрать нас с собой? – ужаснулась Ясыня.

– Не будем торопиться с выводами, – успокоил любимую Годфред. После чего поплыл в сторону неопознанного предмета.

– Ну что там? – Ясыня оставалась на месте, продолжая грести руками и ногами, никуда конкретно не двигаясь.

– О Перун, так и есть, водяной! – прокричал Годфред не слишком испуганно. – Кажись, хочет съест нас, – предположил Годфред, так как не представлял, чем еще может быть опасен водяной.

Ясыня недоверчиво нахмурилась. Опять он шутит что ли? Водяной никого не ест!

– Это бревно! – рассмеялся Годфред. – Старое и склизкое. Покрытое тиной. Если ты устала, можем взять его с собой, чтобы уж точно доплыть до берега... – все забавлялся Годфред. Он был в превосходном настроении. Впрочем, он часто бывал в превосходном настроении. Но сегодня все по-особенному. Рядом с ним Ясыня, в которую он очень влюблен.

До берега оставалось совсем немного. Но на сей раз утомилась Ясыня. В отличие от Годфреда, она не успела отдышаться. И все же она не хотела тратить время на отдых. Вернее, она не хотела задерживаться в страшщей ее воде, ведь то и дело казалось, что кто-то сейчас схватит ее за ногу.

– Я устала, – пожаловалась Ясыня, сбавляя скорость.

– Держись за мое плечо, – Годфред приостановился подождать Ясыню, и после они поплыли уже вместе. – Нет-нет, не обнимай меня, просто держись за мое плечо.

Ясыня так устала, что даже перестала болтать. А Годфред плыл молча, любуясь темной стеной леса вдаль. И вот, наконец, под его ногами возникла долгожданная твердь. Подтянув Ясыню к себе, он обнял ее обеими руками.

– Ты уже чувствуешь дно? – утомленная Ясыня вздохнула с облегчением, что опасность миновала.

– Ага, – Годфред поцеловал свою умаянную невесту. – Что бы ты сделала, если б узнала, что жить тебе осталось, скажем, один день? Допустим, Перун разгневался и решил обрушить на землю дождь из огромных валунов. Или Солнце потухло. Или что-то в этом духе. В общем, никому не спастись.

– Я и так делаю все, что пожелаю, – сообщила храбрая Ясыня.

– Ты в этом уверена? – Годфред крепче сжал Ясыню в своих объятиях и оглядел ее с нескромной улыбкой.

– Да!

– Мне кажется, ты лукавишь, – Годфред ласково поцеловал Ясыню, которая крепко держалась за него, словно медвежонок, впервые вскарабкавшийся на дерево.

– Я замерзла, – призналась Ясыня, которой, и правда, уже было холодно.

– У меня есть мысль, как бы мы могли тебя согреть, – Годфред растянулся в довольной ухмылке.

– Я сейчас рассержусь, – погрозила Ясыня.

– Ладно, ладно, идем на берег...

Поленья потрескивали в костре. Искры взмывали вверх и гасли в холодном ночном воздухе. Годфред натянул на себя рубаху, и ему сразу же стало тепло. Теперь оставалось утолить внезапно возникший голод. Рука сама потянулась к остаткам буженины, засовывая пряные кусочки мяса в рот.

– Тебе нужно переодеться, – предупредил Годфред промокшую Ясыню, которая сжалась в комок возле костра. – Сними сырую сорочку и надень свое платье.

– Так нельзя, – стуча зубами, поведала Ясыня. – Я из благородной семьи. На мне не может быть так мало одежды.

– Может. Ты от этого не испаришься и не переломишься, – заверил Годфред. – Кстати говоря, ты знаешь, что случилось с моей прошлой невестой? Она замерзла, заболела и умерла.

– О, боги, – вздохнула Ясыня. – Ладно, надену платье, а это сниму, – указывая на ледяную сорочку, решила Ясыня. – Лучше зайду в лес и там переоблачусь, – решила Ясыня, косясь в сторону разгулявшейся дружины.

– Я с тобой, – Годфред уже зашнуровывал сапог.

– Еще чего. Сиди тут, – Ясыня взяла вещи и пошла к темнеющему лесу, который казался угрюмым в свете луны. Ясыня вообще заметила, что сегодня ее постоянно что-то тревожит.

– Я все же с тобой, – Годфред уже был возле Ясыни. – Вдруг еще на тебя кто-нибудь нападет, пока я тут лакомлюсь остатками трапезы.

– Кто еще на меня может напасть, кроме тебя... – буркнула Ясыня, которой на самом деле было страшно заходить в чащу одной.

– Я не такой изверг, чтобы домогаться до твоей целомудренной души в тот миг, когда ты страдаешь от холода, – возразил Годфред, помогая Ясыне поскорее стянуть мокрую сорочку, хватаящуюся за ее тело. Каждый раз видя любимую без одежды, Годфред не оставлял попыток приобщить ее к новому виду досуга. Но в этот раз он только терпеливо вздохнул, оглядев ее животик и небольшие, но манящие его грудки. Он раньше думал, что ему нравятся пышнотелые особы. Но теперь он понял, что ошибался. Ему нравится Ясыня. – Я подожду, пока ты нагреешься, – оскалился неунывающий Годфред, помогая Ясыне вытереться.

– Получше спину осуши...

– Спина уже сухая, давай лучше протру спереди, – трунил Годфред.

– Теперь платье... – Ясыня уже не стеснялась Годфреда и доверяла ему, не ожидая от него чего-то непредсказуемого. – Подол придержи, а то он может завернуться и застрять...

– Когда мы поженимся, я спрячу всю твою одежду, – пообещал Годфред, расправляя на Ясыне сухое платье, которое липло к ее влажной коже.

Наконец с переодеваниями было окончено. Но к гогочущей и уже набравшейся дружине возвращаться не хотелось. Взявшись за руки, Годфред и Ясыня добежали до полянки с высоким сеновалом. Ясыня устала и желала передохнуть, прежде чем возвращаться домой.

– Я хочу, чтобы этот день никогда не кончался, – призналась Ясыня, глядя в небо, усыпанное алмазами звезд. Она лежала на спине и любовалась таинственным бескрайним небосклоном. Звезды падали одна за другой так быстро, что Ясыня даже не успевала загадать желание. Впрочем, о чем ей просить богов? Они и так дали ей все, что она хотела.

– Земли славян – самые лучшие на всей земле, – сделал внезапное признание Годфред. Аромат полевых цветов и трав опьянял душистым благоуханием. Годфреду в рот попала сухая травинка. Выплюнув ее, он навис над Ясыней и ласково поцеловал свою любимую.

– Почему ты так решил? – Ясыня приподнялась на локте, тряхнув копной влажных волос.

– Потому, что я очень счастлив, – признался Годфред, бережно отирая с шеи Ясыни капли воды, осыпавшиеся с ее волосы. – И я очень хочу, чтобы ты была моей. Честно говоря, я вообще больше ничего не хочу! Если б твой Сварог спросил, что мне нужно, я бы ответил, что только ты.

Годфред прижал Ясыню к себе. Его рука уже по привычке потянулась к ее юбке.

– Ну-ну, – Ясыня придержала ладонь Годфреда. – Надо ждать.

– А, ну да, – Годфред мечтательно улыбнулся, одернув подол Ясыни, как делал всегда после неудачных попыток овладеть своей неприступной невестой.

Гуляния обещали продлиться до утра. Ведь это были последние теплые деньки перед продолжительной зимней порой. Совсем скоро на поля выпадет снег и будет уже не то что в сеновалах валяться, даже на улицу тяжело выйти. Однако Ясыня так устала за день, что теперь жаждала поскорее оказаться в кровати. К тому же она опасалась, что начнется дождь, ведь луна неожиданно упряталась в тучах.

Время подползло к полуночи. Вопреки празднику, хоромы наместника спали. Очевидно, каждый, кто желал веселиться, направился с подобными целями в город. А оставшиеся не стали нарушать привычного уклада и уснули с приходом темноты.

– Письмо из Новгорода... – зевающий Варди отдал Годфреду послание и вышел из гридницы.

Ясыня развешивала сырую одежду, пока ее жених знакомился с посланием.

На лице Годфреда все еще была улыбка, когда он дочитывал письмо. Но глаза его уже не смеялись. Он опустил письмо на стол и перевел пустой взгляд на занятую делом Ясыню. Затем пошел в опочивальню и повалился на ложе, даже не сняв сапоги.

– Что такое? – Ясыня последовала за расстроенным Годфредом. Присев возле него, она озадаченно оглядела его. – Что-то содеялось? Что-то худое?

– Я думаю, что... – Годфред смотрел на Ясыню, не моргая. Зрачки его расширились. Дыхание сделалось тяжелым. Он сдвинул брови, словно думая о чем-то. – Ты ведь меня любишь...

– Очень, – Ясыня прижалась щекой к груди Годфреда. Она больше не стеснялась своих чувств. Хотя до встречи с ним была уверена, что подобные признания уже сами по себе порочны, даже если не подкреплять их действиями.

– Я хочу быть только с тобой, дорогая. Ты должна это знать. И должна быть всегда со мной. Что бы ни случилось.

– Я буду, – Ясыня оглядела Годфреда глазами, в которых было столько доверия и нежности, что не оставалось сомнений в том, что она говорит правду.

– Прости меня, – неожиданно изрек Годфред. Выглядел он сейчас скверно. В его внешности ничего не поменялось, но взгляд был уже как будто совсем не его. Так смотрит волк в преддверии зимы.

– За что? – не поняла Ясыня. Но Годфред не отвечал ей. – У тебя что-то болит? – забеспокоилась Ясыня, нахмурившись в тревогах.

– Ты меня бросишь... – вдруг произнес Годфред, отвернувшись от Ясыни на другой бок.

– Никогда, – Ясыня обняла Годфреда за плечо. – Я всегда с тобой.

– Ты меня бросишь. И будешь с другим, – горестно предрек Годфред, все еще не оборачиваясь на Ясыню.

– Как ты можешь так говорить? – Ясыня перелезла через Годфреда и оказалась напротив него. Поцеловав его ладонь, она прижалась к ней щекой. – Я только для тебя.

– Нет, – Годфред улегся на спину, тяжело вздохнул и устремил взгляд вверх, в конек высокой крыши. Наверху на стыке скатов какой-то паук свил паутину. Таковую широкую и крепкую, что в нее уже угодила сотня бестолковых мух. Он сам, Годфред, тоже бестолковая муха. А не паук, как казалось. Он ничего не решает. И от него мало что зависит. – Ты меня не любишь. Или, по крайней мере, скоро разлюбишь.

– Зачем ты так говоришь? Ты не веришь мне? – Ясыня вопросительно оглядела Годфреда. Но он будто не желал смотреть на нее. Избегал ее взгляда. И даже не пытался соблазнить ее, вопреки своему обыкновению.

Ясыня отстранилась от Годфреда и задумалась на несколько мгновений. Она не могла понять, что происходит с ее любимым. Она не знала, что и думать. Но она знала, что любит его. И ей не нужен никто другой. Ни один мужчина в мире не получит ее.

– Делай со мной, что хочешь, – неожиданно произнесла Ясыня. – Я твоя.

Ее поступок был внезапным и смелым. Годфред сперва даже не поверил ее словам. Но когда она приникла к нему всем телом, его сомнения рассеялись. Он сначала помедлил, будто сомневаясь. Но потом обнял ее крепко и поцеловал так бережно, как еще никого и никогда.

Придержав ватолу на груди, чтобы та не сползла, Ясыня присела на край стола. Потянулась к кубку с водой и сделала глоток. Болтая ногой, Ясыня наконец допила воду и уже была готова вернуться обратно к Годфреду. Как вдруг ее взгляд пал на письмо, которое валялось на столе. И опять Ясыню посетила тревога. Странная и необъяснимая. Хотя разве может случиться что-то плохое, когда рядом с ней Годфред?

Взяв в руки послание, которое, как она помнила, пришло из Новгорода, Ясыня решила его прочесть. Но это оказалось не так просто. Оно было написано на не вполне понятном языке. Ясыня разгадала только имена, которые там фигурировали. Из них всех она знала только имя Белогора, известного и могущественного человека.

В этот момент в дверях появился Годфред. Увидев Ясыню, читающую письмо, он застыл на пороге. Ясыня заметила появление жениха и оглядела его вопросительно. Но Годфред отвел взгляд в сторону. И тяжело вздохнул, упершись лбом в косяк.

Ясыня теперь уже не просто чувствовала тревогу где-то в глубине души. Она ощущала ее всем телом. Во рту, где вдруг сделалось горько. В животе, который будто завязался в узел. В сердце, которое словно замерло, отчего стало тяжело в груди.

– Только не печалься, – попросил Годфред. В расстройстве он даже не подумал о том, что Ясыня не смогла бы прочитать письмо, написанное ему Арви. Увидев ее с посланием в руке, он сразу решил, что она уже все знает. – Это ничего не значит. Я люблю только тебя. Ты моя любимая. Это все знают. И *все* будут знать!

Ясыня еще не знала, что именно он скрыл от нее. Но она уже чувствовала, что это нечто ужасное. Нечто такое, что сейчас обрушит весь ее мир ей же на голову. Нечто такое, после чего она не сможет подняться. Нечто такое, что сокрушит ее.

– Я должен был сказать тебе сразу, – продолжал объясняться Годфред, приняв молчание Ясыни за упрек. – Но я не хотел тебя огорчить. Ты ведь не уйдешь? Ты ведь меня не бросишь? – Годфред подошел к Ясыне, все еще замершей у стола. Встав на колени, он упер голову ей в живот. – Почему ты молчишь? Ты уже не любишь меня? Но в любом случае я люблю тебя, – Годфред выпрямился и оглядел неподвижную Ясыню. – Послушай, я ее даже не видел. Единственное, что я знаю о ней – она дочка Белогора, сына которого убил Торольв в день Перуна. Она для меня ничего не значит. И не будет значить, потому что в моем сердце есть лишь ты. Да, мне придется жениться на ней. Но это не изменит моих чувств к тебе. Это, вообще, ничего не изменит между нами. Я буду только с тобой.

Ясыня обомлела. И сейчас ей показалась, что она уже знала этот ответ заранее, уже слышала его когда-то, предчувствовала, даже не осознавая. Наверное, если б в нее воткнули кинжал, ей было бы и то не так больно. Отпихнув от себя Годфреда, она пошла в опочивальню за вещами. Она до сих пор молчала, потому как чувствовала, что если скажет хоть слово, то разрыдается.

– Прошу, не расстраивайся слишком, – удрученный Годфред поплелся за ней. – Это все только для вида.

– Я тебя ненавижу, – Ясыня хотела сказать не это. Она бы хотела признаться ему в том, что любит только его одного. Что она хоть сейчас готова вырвать свое сердце из груди и бросить ему под ноги. Но он обманул ее и недостоин подобных признаний.

Годфред огорченно отвернулся. Он понимал ее гнев. Но он также понимал и себя самого. В тот миг, когда она обняла его, когда прильнула к нему, у него язык не повернулся сообщить ей столь скверную новость. Тем более он не собирался оставлять ее. Он ведь так полюбит ее. Она нужна ему. Она всегда будет с ним! Мало ли на ком он там окажется женат! У него может быть хоть дюжина женщин.

– Ты подлец, – бросила Ясыня, кое-как собирая волосы в пучок.

– Я не подлец, – слабо возразил Годфред.

– А кто? Трус? – ткнула Ясыня, которая в действительности не хотела ссоры с ним. Она хотела быть с ним, любить его. Но не так, как отныне это представляется возможным.

– Не трус... Я просто... – вздохнул Годфред, подбирая слова. – Я просто боялся потерять тебя. Ты не понимаешь этого страха. Ты знаешь страх перед отцом, перед какими-то мокрыми хворостинами, перед чужими людьми. Но ты не знаешь, как страшно потерять девушку, которая к тебе не вернется, если узнает о тебе правду.

– И на что ты рассчитывал тогда?! – Ясыня наспех натянула платье.

– Я рассчитывал, что пройдет время. И все само уладится, – объяснил Годфред просто. Да, он именно на это и рассчитывал. Так ведь иногда бывает, что само все устраивается. – Что ты делаешь?

– Ты не видишь? – Ясыня пыталась завязать пояс, который выпрыгивал из ее рук, дрожащих то ли от расстройства, то ли от гнева. – Отвали! – Ясыня отпихнула от себя Годфреда, когда он попытался обнять ее.

– Я люблю только тебя. Я никогда тебя не брошу, – пообещал Годфред. И он верил в то, что говорил. – Ты будешь моей единственной любимой. Я буду всегда заботиться о тебе.

– Скажи еще, что не ляжешь в постель с женой! – гаркнула Ясыня. – Скажи, что не будешь говорить ей те же слова, что говорил мне! Давай, ври. Ври о том, что не станешь нежить ее так же, как меня! Ты лгун. Я тебя ненавижу! – заорала Ясыня, вlepив Годфреду такую крепкую оплеуху, что он даже поморщился.

– Если хочешь, ударь меня столько раз, сколько тебе нужно. Только не уходи, – попросил Годфред, приготовившийся принять множество атак. – Пойми, дорогая. Я не хочу оставаться в этом городе без тебя. Ты всегда должна быть со мной.

– Нет. Не всегда. Только до вашей женитьбы с дочкой Белогора. А потом ты попросишь меня убраться. Или это сделают другие, а ты им позволишь, – усмехнулась Ясыня едко. – Ведь ты слабак. Ты создан для того, чтоб следовать чужой воле. Слушай своего дядюшку. Затем слушай жену. Впрочем, может, так и надо. Я вот очень жалею, что не послушала отца. Я очень жалею об этом! Я только теперь понимаю, что отец часто бывал прав...

Схватив обувь и накидку, Ясыня выбежала на улицу, поскольку ощутила, что ее глаза полнятся слезами. А она не хотела, чтобы Годфред видел *эти* ее горькие слезы.

Ясыня вернулась на берег озера. Тут все еще шумели гулянки. Парни и девушки неутомимо водили хороводы вокруг костров, а дружина продолжала квасить под звездным небом. Все было таким же, как и несколько часов назад. Изменилась лишь сама Ясыня.

Альв как раз что-то рассказывал Смяну, запивая повесть глотком хмеля, когда к ним подошла дочка главы вече.

– А где жених? – уточнил Альв.

– Спит в гриднице, – мрачно ответила Ясыня, не желая вдаваться в детали. – Что там у тебя? Дай-ка и мне... – Ясыня протянула руку к корчаге, которую держал Альв.

– Там мед. Очень крепкий, – предупредил Альв.

– Ну так давай его сюда, – Ясыня забрала напиток из рук гридя и, не раздумывая, сделала глоток.

Мед оказался столь ядреным, что Ясыня даже на несколько мгновений перестала дышать. Голова ее сразу вскружилась. Но было и приятное. По телу разлилось тепло. И стало вдруг так легко на душе. Горько, но легко.

– Как гадко. Сразу ясно, что за дева...Порядочная не должна пить хмельного, – заметил язвительный Смеян.

– «Как гадко» – это когда о человеке судят по напиткам, которые он пьет, – заткнув пробку в горлышко корчаги, Ясыня бросила сосуд на землю. Затем скинула с ног кожаные черевички и пошла к берегу, на ходу подворачивая подол платья.

– Куда это она? – удивился Альв, провожая взглядом невесту Годфреда.

– Может, купаться... – пожал плечами Смеян. – Они же плавали с Годфредом сегодня...

Разбежавшись, Ясыня прямо с берега нырнула в темную воду, которая показалась ей теперь ледяной. Невидимые ножи вонзились в ее нежную кожу. Неприятно было в этом озере ныне. Не в силах терпеть холодящую муку, Ясыня нырнула в пучину снова и еще раз. И наконец, кажется, привыкла к стылým объятиям водоема. Ведь это все – ничто, по сравнению с тем сгустком боли, который давил ее изнутри.

– Далече уплыла ваша Ясыня, – заметил Смеян, который был относительно трезв. Секрет крылся в том, что на берегу в основном остались варяги, славные своим пристрастием к горячительному.

– Госпожа... – позвал Альв, еле отыскав хмельными глазами Ясыню, превратившуюся в точку на полотне широкого озера. – Ясыня! – Альв даже поднялся на ноги, когда получше разглядел, как далека дочь главы вече теперь.

Ясыня слышала, как ее окликали. Она знала, что уплыла далеко. Но она не стала оглядываться. Она понимала только одно. Ее сердце разбито навеки. И она не хочет поворачивать к берегу. Она хочет, чтобы мрачный омут поглотил ее. Чтобы душа ее перестала болеть. Чтобы она больше никогда не чувствовала этой боли.

Утро было сумрачным и мерзлым, несмотря на то, что еще вчера ярко светило солнце. Годфред оторвал голову от подушки, когда услышал звук шагов за дверью. Он не спал этой ночью и даже не пытался этого сделать. Он был все еще одет и чувствовал все то же, что и в момент, когда Ясыня покинула его. И все-таки, услышав шум в сенях, он понадеялся, что это она вернулась к нему.

Дверь распахнулась, в гридницу вошел Трувор. Оглядев Годфреда, он устремил взор в окно, за которым сгущались тучи, перемешиваемые ветром.

– Что случилось? – Годфред сразу понял по лицу своего помощника, что тот принес дурные вести. – Да говори же! – Годфред вскочил на ноги и подошел к Трувору почти в упор. Он не смог бы этого объяснить, но теперь он уже будто знал, что все нехорошо.

– Ясыня... – глаза Трувора встретились с глазами Годфреда.

– Что?... – в груди Годфреда защемило. И он уже предчувствовал ответ. И желал сейчас только одного – чтобы это ужасное предчувствие не подтвердилось.

– Она утонула, – произнес Трувор.

– Нет, – Годфред не поверил своим ушам. – Ясыня плавает лучше всех. Она не может утонуть! – вздрогнул Годфред. И голос его был криком какого-то дремучего глухого отчаяния.

– Она лишь девушка, – напомнил Трувор грустно.

– Она бы не пошла в воду, – заорал Годфред. – Она боится купаться в темноте, – Годфред вдруг осекся. Она бы не пошла в воду, если бы только не собиралась сделать этого в послед-

ний раз. – Ты врешь. Я вырву твой язык, если ты сейчас же не скажешь мне, что лжешь! – глаза Годфреда заблестели от навернувшихся слез. Он уткнулся лбом в плечо Трувора. Внутри похолодело, словно он проглотил куски льда.

Трувор сочувственно положил ладонь на шею Годфреда, который беззвучно рыдал.

Барма вышел во двор. Он еще с крыльца увидел, что за воротами его ожидает несколько человек. Среди них он узнал Трувора, который всегда находился возле Годфреда, и потому был ему знаком.

– Твоя дочь, Ясыня... Она утонула, – после приветствий сообщил Трувор угрюмо.

– Как это?.. – опешил Барма. Он уложил руку на забор, словно ища в последнем поддержке. – Когда это произошло?

– Сегодня ночью.

– Но почему?.. – Барма хотел задать совсем другой вопрос. Но услышанное столь потрясло его, что он даже не осознавал своих слов. Он всегда был строг с Ясыней. И часто слышал обвинения в свой адрес в том, что не любит ее. Но это было неправдой. Он любил Ясыню. Хоть и не умел выразить этого. Он лишь хотел, чтоб из нее вышел толк.

– Был праздник. Все веселились. Ясыня пошла купаться в озеро... – Трувор рассказывал то, что ему поведали Смеян и Альв. – Ее звали, но она заплыла слишком далеко.

– Где же был Годфред?.. – Барма не сводил глаз с колыхающейся на ветру былинки, такой же тоненькой и свободной, какой всегда была Ясыня.

– Спал в гриднице. Ясыня пошла на озеро без него, – Трувор уже знал, со слов Годфреда, что тот поссорился с Ясыней перед тем, как она ушла. Она ушла, а он отпустил ее. И, по сути, во всем случившемся виноват Годфред. Как и он сам, Трувор, виноват в том, что потерял свою собственную любимую.

– Почему же она пошла одна на это поганое озеро? – Барма все еще смотрел на дрожащую травинку. В уголке его глаза стояла слеза, которая никак не могла пролиться. И в итоге исчезла сама собой, рассеявшись. – Почему она зашла в воду? Ведь уже не купаются... Олень реку переплыл и воду остудил.

– Она была не одна. Там было много людей, – Трувор не стал объяснять причины, по которым Ясыня оказалась на озере. Разумеется, для всех это должен быть лишь злополучный случай.

– Ясыня плавает лучше всех, – повторил Барма слова Годфреда, понимая, как и тот, что это не так.

Глава 6. У края

Емельян лежал на полатах в избе какого-то старика, согласившегося приютить у себя двух путников. Неподалеку от хитроумного атамана, на полу, к ножке лавки был привязан за руки Есений, который почти уже умирал от истощения. Но в последнее время он так сильно раздражал Емельяна, что тот даже не желал накормить княжича. Изборский разбойник был суров и строг. А чего добро переводить зазря? И так скоро очоченеет сей пустобай болтливый, Есений новгородский!

На вид атаман был среднего возраста. Его широкий лоб пересекали две глубокие морщины. Темная борода скрывала волевой подбородок. Но ничто не могло ни сгладить, ни спрятать его окаянный взгляд. Взгляд, в котором не было слабости. Он не жалел ни себя, ни кого-либо еще. И любое бедствие воспринимал как волю богов, даже если сам являлся его причиной.

– Емель, дай поесть. Худо мне, – взывал Есений из-под лавки. Он не ел три дня и ему действительно было плохо от голода. В желудке урчало и болело. – Неужто за все эти сокровища, что ты получил за мою жизнь, у тебя и куска лепешки для меня не сыщется?

– На, – Емельян чуть замахнулся и подкинул Есению горбушку «лишь бы плут, наконец, заткнулся». Изборский атаман не любил, когда кто-то гундит ему на ухо. Поэтому обычно он быстро справлялся с заложниками. И его удручало, что в этот раз ему приходится медлить.

– Давай напрямик, Емель, – продолжал Есений, прожевав горбушку. – Ну зачем я тебе? Ты б меня отпустил прямо сейчас, а? Золото Дива тебе уже отдала за меня, да еще и дважды. Мы в расчете с тобой. Емель, а? – уговаривал Есений.

– У тебя хорошая сестра. Жаль только, что ты сам бестолковый околотень. Это ты должен ее защищать так, как она защищает тебя, – философствовал Емельян. Ничего другого ему не оставалось: за окном льет дождь, а сна отчего-то нет. Видимо, от волнений за прошедшие дни. Хотя завтра рано утром выступать в путь.

– Ну отпусти, – не отступал Есений. – Мой долг же уже закрыт. И даже намного больше того ведь ты требовал с Дивы и получил...

– А с чего это ты решил, голуба, что я тебя, вообще, отпущу? – хмыкнул Емельян. Он был смекалист и расчетлив. Разбойники ценили в нем изобретательность. Не просто так держал он много лет в страхе весь Изборск. Деревенская хитрость и быстрый ум выделяли его среди всех прочих лиходеев еще с юности.

– Ну ты же сестре обещал... Договорились же... Зачем я тебе, если золото свое ты не только вернул, но и приумножил? – недоумевал простодушный Есений.

– Еська, ты как был глупендем, так глупендем и помрешь, – загоготал Емельян смехом. – Обещать я обещал. Это да, не спорю. Но ты всем словам на свете веришь? Ох, – Емельян вновь закатился смехом. Его веселила доверчивость Есения. – Я что, по-твоему, такой же растяпа, как ты сам? Отпущу тебя, а потом ты покажешь на меня князю своему в Изборске или где в ином месте? И плакало все житие мое вместе со златом!

– Клянусь, нет, – Есений уже не знал, как уговаривать бывшего приятеля. – Слово ти княжеское даю, что никогда не выдам тебя. И даже если на улице где встречу, мало ли как, не укажу на тебя.

– Ой, дурило, полено ты сосновое... Кто ж тебя спрашивать-то станет?! Твой князь, что ли? Да послежде, как он нас проворонил, кажись, и тебе, никчемцу эдакому, тоже несдобровать! Вот же трутень, одни хлопоты из-за тебя всем людям занятым да важным! – неожиданно разозлился Емельян. – По твоей милости, и мои соколики еле ноги унесли! Проказа ты на мою главу, тьфу, – выругался Емельян.

Емельян перевернулся на живот и уложил подбородок на локти. Задумчиво вздохнул, с полатей глядя на улицу сквозь крохотное волоковое окошко. Обзор был скудным, лишь льющиеся с крыши ручейки дождя. И вот уже и их не видать. А перед очами атамана в воображении возникла вдруг минувшая картина. Даже воспоминания о том вызывают в теле приятный трепет, который до сих пор щекочет изнутри. Помнится, как к уговоренному месту в означенный час подъехала повозка с тяжеленным кованым сундуком. Почти таким же на вид, что и первый был. Сундук из княжеских хором. На сей раз выкуп за Есения. Обрадовались тогда разбойники, вроде по плану дело катится. И все бы ничего, да лошадь, что поклажу доставила, оказалась никакущая, того гляди, издохнет тотчас. Как только, вообще, удалось ее запрячь?! Но Емельян ведь не дурак, заранее продумал порядок действий и все возможные пути развития событий. Чудесно, если князь по-прежнему ничего не знает и мирно княжит себе, не подозревая о переделке, в которую угодил его шурин и жenuшка. Но если князь все же прознал, то все меняется. Ясное дело, что со второй половиной злата расставаться хочется еще меньше, чем с первой. Не отдаст князь свои богатства просто так. А значит, придумал что-то. И посему, ох, не следует на ней, этой хилой скотине, друзьям Емельяна тащиться в леса, шатаясь и скрипя на всю округу. Разбойники тогда, словно дружная стайка рыбок, дернулись к седлам и достали из-под них по широкой котомке. Емельян заранее решил, что будет удобнее переложить золото

из сундука в сумы и уже налегке мотать прочь без этой дурацкой кобылы! Он, конечно, не знал наперед, что лошадь будет замаянная, но решил, что порознь все равно быстрее и безопаснее получится, чем если в случае погони удирать всем вместе с сундуком на повозке. Но тут случилось еще одно непредвиденное. Сундук оказался заколочен...И затвор на нем. Это было неожиданно, поскольку первый ларец не был заперт. Собственно, на этом и уговаривались с княгиней: чтоб без всяких каверз! И вот теперь такая подлость. Но не поворачивать же обратно ни с чем, даже не проверив содержимого! Решили дубиной сбить крышку, дабы все-таки удостовериться, что внутри ларя таится золото! А не валунами да навозом он набит!

Емельян сладко зевнул, вытянув пятки. Мда, глумлива выдумка с лошадьёю. И с сундуком заколоченным неприятность неслучайна. Сразу догадались он сам тогда, здесь уже не княгиня расстаралась. Разлялякала все болтливая баба своему князю! Как бы там ни было, потрясли сундук – внутри, точно, монеты. Бряцает так звонко, что аж дух захватывает. Как их тут бросишь теперь? Надо все-таки вскрывать. Набросились тогда разом всей хеврой на несчастный ларь. Крышку сорвали кое-как, кинулись перегружать добро по котомкам. Вдруг глазастый дозорный издали с сосны дает знак, что хвост за сундучком. Теперь, точно, не остается сомнений, что князь в деле. Не княгиня же с румяными девицами на скакунах мчится. И дорога здесь, как назло, одна. Видно, хитрые новгородцы умышленно подотстали. С самого начала знали б емельяновцы о такой засаде, улепетывали бы прочь. А сейчас не бросать же все на полпути!

Сердце Емельяна запрыгало от воспоминаний. Погоня знатная получилась. Засуетились тогда разбойники. Насилу успели перегрузить золотишко, точно сами боги им помогали, лопатой монетки, бусинки да камушки сгребая. И почти уже без отрыва от приближающейся дружины погнались лошадей, что есть сил. Хвала разуму, Емельян наперед все продумал: и дозорных, и котомки и прочее...Да, прочее...

Губы Емельяна растянулись в улыбку. Всех он обхитрил. Все предвидел. И погоню сию также. Княжеская дружина мчится. Как живую, видит он эту картину. Конники уже близко. Да вот незадача приключилась: первый княжеский всадник неожиданно ухнул в канаву, прикрытую ветками. У другого лошадь вдруг ногой в капкан угодила. Третий полетел через непредвиденный барьер – скакун не сумел взять высоты, встав, как вкопанный. И таким образом, самые передовые-то бойцы и выбыли из списка преследователей.

– Хо-хо, – удовлетворенно выдохнул Емельян, вспоминая, чем увенчалась погоня княжеская. Гордился Емельян своими задумками. Ведь в итоге никого из разбойников не поймали. А поймали б – беда. Выпытали б все на свете: и кто главарь, и откуда родом, и где, вообще, первый сундук! А вышло удачно: разбойники умчались от дружинников, точно те на карликовых осликах были, а не на конях. Вот потеха! Князь думал, будто его пришел грабить какой-то лопух, которого он разом возьмет? Надеялся, прямо так, по горячим следам и схватить, как болвана ситцевого! Сорвался, князь, замысел твой в пропасть! Сорвался, милоч! Теперь пойдешь да поищи иголку в стоге сена! Пойдешь да дознайся, в какой стороне твое золото! Хотел Емельяна обойти, да не тут-то было! Емельян сам, кого хошь, обойдет. Вот и сяди, князь, в своем Новгороде и помалкивай об этом происшествии! А то засмеют вовсе. А он сам, Емеля – удалец: коли на сильного идешь, явно дурнем не сльвешь!

– Емель, мне б до ветру, – голос Есения прервал сладостные думы Емельяна.

– Заткнись! Достал уже! – гаркнул атаман, отворачиваясь к стенке. План недурен. Большой головой придуман. Он, Емельян, без золота, но вместе с Есением, идет отдельно от остальных одной дорогой. А други его верные с сокровищами, рассредоточившись – другой. И встретятся в итоге все в одном месте – в деревеньке Великово, что на дороге к Изборску. Это, конечно, излишняя уже предосторожность, поскольку у князя, явно, был план схватить их всех по горячим следам. В любом случае его балбесы сели в лужу и в погоню уже не успевают. А как поспеть? Пока сообразишь, в чем дело...Пока князю доложишься – он-то, надо думать, все же в Новгороде, а не со своими дурнями мчал...Пока он погоню снарядит...Хотя куда ему

за ними, лихими, гнаться?! Он ведь даже не знает, кто его надул. Короче, прошло все удачно. Сами боги посылают таких Есениев на пропитание.

– Емель, – проскрипел Есений, вновь вырывая Емельяна из полудремы. – Зачем я тебе вообще сдался? Что ты меня сразу-то не прикончил, как только золото получил, коли отпустить не думаешь?!

– Болван, каких свет не видывал! Ты! – пояснил Емельян на всякий случай. – Еще, главное, помню, князем представлялся! А кем я, по-твоему, прикрываться-то буду в случае чего? Вдруг западня какая? Так я всегда твою шкуру никчемную на свою жизнь выменяю...

– Не выменяешь – князь меня не жалует, я думаю, – предупредил Есений. – А после теперешнего случая, вероятно, сам мне голову и отсек бы, не то что менять...

– Хорош заливать. Однако целое состояние за твою дежу глиняную я все-таки сторговал!

– Емель... Отпусти, а? Хочешь, я в Новгород не вернусь? Рюрик тогда никогда не узнает о том, кто ты и где тебя искать, – предложил Есений, который уже и сам затерял в памяти, что все растрепал сестре.

– Может, тебе еще и средств из сбережений сестрицы отсыпать на жизнь? – заорал Емельян, которого Есений уже допек своим нытьем. – Я спать! Не смей мешать! Или лапоть вместо кляпа в глотку твою запихну! До утра не сможешь ни вздохнуть, ни сглотнуть! Петух ощипанный! – разбранился Емельян.

– Емель, ну мы ведь с тобой такие друзья поначалу были, а? – воззвал Есений к воспоминаниям. – Ну всякое бывает. Не пошло наше дело. Но теперь-то все у тебя лады. Даже лучше прежнего.

– Еще раз раскроешь свою пасть, и, клянусь Велесом, отрежу твой бескостный язык и скормлю псу во дворе, – пригрозил Емельян на этот раз злобно.

К следующему вечеру Емельян и Есений точно по плану прибыли в Великово. Емельян довольно улыбался. Хорошая деревенька, приветливая такая. Домов много. Лес вокруг. Девки с ведерками ходят. Да куры по полу шастают. Все, что нужно разбойничьему сердцу, имеется.

Направился Емельян, как всегда, к своему доброму знакомому, деду Авксентию, в былом такому же разбойнику. Дед Авксентий встретил Емельяна радушно и проводил в свои хоромы. Изба у старика знатная: громадная, добротная. Во всем достаток чувствуется.

А Емельяна в горнице уже дожидалось четверо разбойников, которые самыми удалыми слыли.

– Здорово, братцы! – поприветствовал Емельян своих друзей. – Дед Авксентий, уведи в сарай куда-нибудь этого побродягу да запри, – Емельян кивнул на изнуренного Есения. – А потом я сам с ним разберусь. Вот только удостоверюсь, что все на месте... Ну, повествуйте! Как добирались, все ли прибыли на место, никого не потеряли ли по дороге? Золото в сохранности? Где оно, вообще? Погоня была за вами?! Хвост сбросили? Что местные? – у Емельяна накопилась тьма вопросов, да и устал он от бездействия.

– Золото в сарае у старика, – начал самый бойкий разбойник и самый курчавый из всей шайки. – Добрались еще к полудню. Да решили в избе одной не ютиться: разместились по соседям. Сбегаю за остальными?!

– Сбегай, – кивнул Емельян курчавому, обратившись к трем другим. – А что, как мы князя-то обвели! Поди, только днесь до него вести-то докатились, что дружина схлопнулась?! – расхохотался Емельян. Его примеру последовали и остальные.

– А что с Еськой делать будем? – спросил рыжий разбойник с повязкой на глазу.

– Сталь под ребро и дело с концом! – ухмыльнулся Емельян. – Хоть и бесполезный чурбан, а вот, значит, сгодился все же для чего-то путного!

– Да уж... Вот токмо в Изборске нам отныне тоже небезопасно, – поддержал беседу бородач. – Вдруг слухи доползут со временем? Народу нас много... По любому кто-нибудь наквадится и растрезвонится...

– Об этом пораздумаем, когда лихо придет. Может, еще обойдется. На край, баб с детьми похватаем да свалим к Велесу куда-нибудь в Муром, – усмехнулся Емельян, потягиваясь. – Золото пойду-гляну, а то уснуть не смогу!

– Мы проводим, – поддержал молодой разбойник со вздернутым носом.

В превосходном расположении Емельян отправился на улицу. Небо над головой было сегодня чистым. Ни облачка, ни тучки. Лишь глубокая синь.

– Ничего не стянули? – осведомился Емельян уже в сарае где был размещен первый ларь с золотом, а также котомки, набитые сокровищами из второго. – Я ведь пересчитаю да из доли вашей-то и вычту, коли не хватит! Вы меня знаете, я не спущу, – строго оглядев плутоватые лица своих друзей, погрозил атаман.

– Не, все на месте, сам смотри, – указал рыжий.

Емельян огляделся. Все вроде на месте. Хвала богам. Теперь и поесть, и поспать можно. А завтра поутру в путь... Наконец все начало налаживаться в жизни запутанной сей...

– Вы того... Козленочка-то кончайте нашего! Надобность в нем исчерпана, – кивнул Емельян бородачу в направлении сарая, куда дед Авксентий увел беднягу Есения.

– Не изволь волноваться, – поправляя нож на поясе, отозвался бородач. После чего вышел на улицу.

– Сейчас поросю зажарим да медка у деда Авксентия выжрем! У него хмель изрядный! – сообщил Емельян мечтательно. – Жаль, бабы моей тут нету. Суды б ее. Ну ладно. Надо бы еще баньку, чтоб Авксентий нам затопил! Но особо расслабляться не будем: отдохнем, когда до места доберемся! – строго напомнил Емельян. – На всякий случай за деревенькой следите. Мало ли как... Непокойно мне как-то, хоть небо и безоблачно...

После этих слов осторожный Емельян подошел к сундуку и склонился над ним с довольной улыбкой: вот оно, злато. Он за всю жизнь столько не наградил, сколько в этом сарае теперича хранится! Наконец-то боги услышали его молитвы и послали ему этого растяпу Есения! Со временем можно будет, как дед Авксентий, остепениться. Вероятно, в купечество податься... Хотя свободная разбойничья душа столь непостижима... Возможно ли утихомирить ее, заставив торговать тряпками да специями?!

– Изрядный сундук, – ухмыльнулся Емельян. – Хотелось бы сейчас рожу князя лицезреть.

– К сожалению, не получится, – вдруг неожиданно раздалось откуда-то со стороны дверей. – Он в Новгороде. Но, может, моя рожа тебе сгодится?

Чуя угрозу в незнакомом голосе, Емельян озабоченно обернулся и увидел на пороге здорового детину. Тот оказался одет непривычно добротнo, и оружие при нем было дорогое – меч и доспехи. Это означало, что сей молодец – не хлебопашец какой-то обычный. Эту догадку подкрепляло то, что за его спиной виднелись и другие незнакомцы при оружии.

– Вот жижа болотная! – выбранился Емельян. И в этот же миг почувствовал у горла нечто холодное и острое, напоминающее лезвие ножа. А уж сырой запах стали он мог отличить хоть во сне с закрытыми глазами: не раз ему грозили расправой таким образом. И не раз сам он грозил также.

Емельян покосился в сторону, пытаясь понять, кто приставил нож к его глотке. Оказалось, верный бородач! Емельян сначала не понял сюжета. Но когда сообразил, хотел развернуться да вмазать братцу по кочану. Но тут другой – рыжий – быстро окрутил ему запястья веревкой. Все это произошло молниеносно. И Емельян не успел не то что отбиться, но и слова вымолвить.

– Прости, батька, – бородач уже накидывал на шею Емельяну хомут, отчего атаман терял возможность сопротивляться, рискуя быть задушенным.

– Ты, значит, и есть Емельян, – не то спросил, не то утвердил детина, который зашел первым и поразил Емельяна своими одеждами.

– А ты кто будешь такой? – злобно огрызнулся Емельян, безрезультатно дернув руки, которые сдерживал рыжий.

– Можешь звать меня Прохором, – детина приблизился. – Так это, стало быть, твоя невзрачная особа посмела мельтешить пред очами нашего князя?

– Да пошел ты! – Емельян уже догадался, что дружина князя каким-то образом накрыла их тут. А как же его собственные люди оказались замешаны? Как успели княжеские бойцы сюда?! Ничего неясно!

– Ты предпринял попытку оскорбить нашего владыку своей несусветной наглостью, Емельян. И за это ты будешь наказан... – спокойно сообщил хладнокровный Прохор.

– И не из такого живьем выбирался, – хорохорился Емельян.

– Погляжу, как ты на сей раз выберешься...

– От судьбы не убежишь! На все воля богов, – отмахнулся Емельян.

– Ты богов сюда не примешивай: не пошел бы на князя, отлеживался бы сейчас в своем Изборске на солнышке. А когда будешь ерзать на колу, твой пример всем прочим уроком станет.

– Ты только скажи, боярин, как?! Как же нас выследили-то! Велики просторы... – недоумевал Емельян.

– Ты забываешь, что имеешь дело с великим государем, а не с ничтожным разбойником, как ты сам. Князь наш и владыка повсюду: он за каждым деревом, он в каждой избе. От него не скрыться такому, как ты.

Емельян не получил ответа на свой вопрос, но уже предугадывал его. Очевидно, Есений успел разболтать о том, кто есть такой его займодавец и откуда он родом. А принимая сие условие, можно предположить, что было дальше. Князь знал, кого ловить. И на всех дорогах к Изборску выставил людей. Впрочем, разбойники думали прикинуться мирными жителями. Но уже ясно, что тут злосчастное золото подвело. С такой поклажей их и взяли, без всяких сомнений.

– Бестолковый Есений... Язык, как помело... Голова простоквашей набита... Нашел, что рассказывать! Да его за дела со мной теперь такожде повесят! Я не думал, что он настолько беспечен, что пискнет кому-то хоть шепотом об таком!

– Ну да, Есений тебе изрядно измазал, – ухмыльнулся Прохор.

– А где же остальные? – Емельян не понимал, где вся его шайка.

– К Новгороду идут, – сообщил Бородач.

– Кроме вас четверых, – недобро посмотрел Емельян на своих бывших соратников, предавших его.

– Да ты не зыркай так, – встрял курносый, угадав взгляд атамана. – Мы ж до последнего с тобой были!

– Были, – подтвердил Прохор. – Но в обмен на награду согласились помочь заманить тебя сюда в ловушку, Емельян.

– Мы ж уславливались, ежели что подозрительное – то вы заранее мне знак подаете, еще на подъезде к Великово! – рассерчал атаман на своих подельников. – Вокруг одни предатели. Одни предатели! Ужели и Авксентий продал мя?..

– Авксентий твой уж не слышит и не видит дальше носа своего, – усмехнулся Прохор. И правда, дружина расположилась в соседних избах, пригрозив хозяевам под страхом смерти молчать. Да так укромно в итоге гриди устроились, что даже умудренный опытом дед Авксентий ничего не заметил, хотя и зорек все еще был его глаз, как он полагал.

– Недооценил я князя... – тряхнул буйной головой Емельян.

– Ты не первый, кто отправится к предкам, совершив эту ошибку, – Прохор кивнул стоящим рядом с ним гридам на Емельяна, и того тут же скрутили и повели на улицу. Разбойник даже уже не сопротивлялся, а шел спокойно, философски раздумывая над своей участью.

В сарае остались четверо разбойников, помогавших в задержании Емельяна, несколько человек из дружины, золото и Прохор.

– Боярин, ну? Как условились?! Пойдем мы? Отпускай, – обратился бородач к Прохору.

– Не спеши, – Прохор сделал жест оставаться на местах.

На этих его словах выход из сарая загородили собой гриды. А разбойники недоуменно переглянулись.

– Да как же так, родимый? Сулил же ты нам свободу! – возразил рыжий, дивясь положению дел.

– И средства! Обещал! – напомнил тот, что со вздернутым носом.

– Это все так... Сулил. Обещал... Но обстоятельства изменились... – невозмутимо ответил Прохор.

– Как изменились?! Но так ведь договаривались! – возмутился рыжий. – Ты ж клялся!

– Ты Емельяну, поди, тоже в верности клялся... – ухмыльнулся Прохор, которого собственное слово, особенно данное бандитам, не сдерживало.

– Не отпустишь? Убьешь? – засуетился курчавый, вглядываясь в безжалостные глаза детины.

– Придется... Отпустить вас на волю тепер я не могу. Сами понимаете... – хмыкнул Прохор.

– Так ты отправь нас купно с другими, – предложил бородач, который уже понял, что их обманули, как несмышленишей. Никакого золота и свободы им с самого начала никто даровать не собирался.

– Нет, – коротко отказал Прохор. Чего-чего, а этого, точно, не нужно. По дороге они еще растреплют, что князь, мол, обещал помиловать, да обещания своего не сдержал. Не нужно таких разговоров. А посему надо их по скорому порешить и дело с концом. – Нет, – еще раз повторил Прохор твердо.

– Лживый облуд! Слова своего не держишь! – ринулся на Прохора курчавый. Но несколько рук сразу остановили возмущенного разбойника. – Ты обещал именем князя, что сохранишь нам жизни!

– Обещал, что есть, то есть... Но не получается, – сплюнул Прохор. – Ну, до встречи в чертогах подземных, – на сих словах помощник князя вышел, оставив за собой шум резни.

– Подлюга! Змий! Аспид! Будь ты проклят! – слышалось за спиной Прохора, но тот не стал вслушиваться и пошел на улицу. Он собирался направиться в соседний сарай, где, по его разумению, должен был находиться Есений, живой или мертвый.

Так и оказалось. Привязанный к несущему столбу княжич притулился у стенки. Завидев незнакомца, Есений отвернулся, непонятно почему. Может быть, устал оттого, что все входящие в сарай его колотят.

– Поднимайся, братец Есений, – Прохор достал из-за пояса кинжал, перерезал веревки, что опутывали руки парня. Похлопав по плечу юного княжича, еще раз оглядел того и собрался уходить.

– Что же, отпускаете меня? Емельян смилостивился? – Есений потер запястья, не понимая, кто перед ним. Ему и в голову не пришло, что это дружинник княжеский.

– Князя своего благодари. Да сестрицу. Ей из-за тебя крепко досталось, – Прохор пошел обратно к двери, а за ним уже телепался воспаривший духом Есений.

Дива занесла ногу, дабы влезть в повозку, которая отвезет ее в храм Макоши. Но тут же расслышала голос тиуна в нескольких шагах от себя.

– Далеко ли собирается княгиня? – уточнил Арви.
– Не твоего ума дело, – огрызнулась Дива.
– Не совсем. Князь велел не спускать глаз с княгини, – пояснил тиун.
– Зачем это? – удивилась Дива.
– Затем, что княгиня тоже представляет некоторую ценность. И ее могут, скажем, похитить...

– А ты был бы рад! – вспыхнула Дива.

– Нет, я не был бы рад. Поскольку в этом случае наш князь выглядел бы простофилей, – Арви сказал правду. Несмотря на свои отрицательные чувства к Диве, он ставил во главу угла благо правителя. – Так куда собирается княгиня? Я должен знать, чтобы доложить князю при необходимости...

– На благодарственную молитву, – пробурчала Дива нехотя.

– Княгиня берет с собой только возницу и служанку? Ей надлежит взять и охрану, – произнес Арви тоном, не терпящим возражений. Что само по себе было для Дивы, разумеется, оскорбительно.

– Без тебя разберусь, пустозвон! Пошел, – скомандовала Дива вознице.

– Княгиня поедет с охраной. Или останется... – строго предупредил Арви. – Ворота не окажутся открыты в противном случае.

– Пусть твой рот уже окажется закрыт! – разозлилась Дива, которую задело, что Арви командует ею. Хотя она уже и сама понимала, что он прав. – Трогай! – приказала Дива мрачно.

– Перво-наперво, благодарить следует не Макошь, – перечислял Арви невозмутимо. А возница растерянно придержал лошадей, видя, что тиун до сих пор изволит вести речь. – Да и преждевременно сие. Есений еще не спасен. Вернее, спасен от разбойников, но не помилован. И не будет помилован. Ибо он теперь преступник, если разбираться...

– Это почему же? – нахмурилась Дива.

– Как простодушна юная княгиня... – тиун ощерился кошачьей улыбкой. – Зачем нашему князю нужен здесь наследник Гостомысла? Без потомка Словена в Новгороде будет спокойнее... – зловеще предрек Арви. После чего развернулся и пошел прочь, довольный тем, что растерзал душу Дивы новыми переживаниями.

В гриднице шли жаркие толки. Решалась участь пойманных разбойников, отсиживающихся пока в яме в ожидании ненастного будущего. Сей вопрос обсуждали почти постоянно все вокруг и не только на заседаниях. Однако помимо пространных размышлений следовало определить главное – степень вины пойманных преступников с назначением соответствующего наказания.

– Князь, как мы все же поступим с лиходеями? – мялся Надежа в сомнениях. Устроить казнь в обычаях Новгорода поручили именно ему.

– Поступим так, как принято в Новгороде, – Рёрик считал неправильным слишком сильно изменять обычаи на чужой земле, пусть и ставшей теперь его подопечной. И дело здесь не в щедрости. А так пока будет правильней – чем меньше перемен, тем спокойнее народ. Впрочем, во всем необходима разумная мера.

– Кажись, в последнее время к казни у нас прибегали нечасто, – пояснил Надежа, поглядывая на Арви, который стоял за спиной Рёрика, как тень.

– О да, только в самых исключительных случаях, – встрял старый дружинник Бойко.

– Я полагаю, это как раз тот самый случай. Или вы посоветуете мне их всех отпустить с миром?! – не понял Рёрик.

– Конечно, нет, – поспешил вмешаться Арви, подмигнув Надеже, чтоб тот не выступал с сомнительными предложениями. Князю они могут не прийтись по душе. Тем более после

ночей без сна. А если испортить владыке настроение в первой половине дня, то во второй за все придется расплачиваться тиуну.

– Так в чем дело? От меня вам что опять нужно? – Рёрик очень устал за последнюю неделю, а они опять пристают к нему с ерундой.

– Лишь внимание своего князя, – шепнул Арви на ухо Рёрику. – Князь не должен отдавать столь важные вопросы в чужое ведение. Ведь карать и миловать может только верховный глава...

Арви сделал шаг назад, отступив от Рёрика. Да, именно этого опасалась Умила. Она боялась, что ее сын будет вести себя в государстве точно также, как на своем пиратском корабле. Для того она и отправила сюда своего советника, который был обязан напоминать ее сыну о том, что владение городом и кораблем – это несколько разные вещи.

– Ну что ж... Продолжай, – кивнул Рёрик Надеже.

– Коли разбойники должны быть казнены, то каким именно образом? – уточнил Надежа. – Обычно такое на усмотрение князя было... – пояснил Надежа.

– Тогда повесьте всех на главной площади! И не забудьте зачитать народу внушительный список их преступных деяний, – распорядился Рёрик, уже собирающийся встать со своего места и покинуть гридницу. Он слишком устал, чтобы медлить.

– Князь, помимо повешения, имеется несколько более подходящих возможностей на сей счет... – Арви извлек из кисы письма, которые загодя подготовил к совещанию и где отразил все, что бытовало на этих землях. – Смертная казнь через повешение, как наиболее унижительная, применяется в основном к воинам, перебежавшим к неприятелю... То есть к изменникам и трусам...

– Тогда можно всех утопить! – вдруг предложил боярин Неулыба.

– Утопление применяют в случаях, когда казнь затрагивает огромное число людей, – уточнил Арви. – Скажем, каких то пленников... Но в подобной кончине нет назидания окружающим. Нужно что-то более суровое для тех, кто посягнул на интерес князя.

– Закуем их во льды! – не отступался Неулыба.

– Ахаха! – рассмеялся Рёрик, воображая себе такую казнь. – Мне нравится идея.

– Идея изрядная... – начал Арви, соглашаясь с князем для приличия. – Однако слишком накладно. Придется всех их кормить до зимы.

– Ах ты ж, проклятье. И правда. Давайте что-нибудь еще... – Рёрик уже по привычке обернулся на Неулыбу, талантливую на выдумки.

– Можно всех сжечь! – выдвинул новое предложение Неулыба. – Недорого и назидательно!

– И все же не столь мучительно. Обычно при сожжении преступник гибнет от того, что задыхается. А не от ран и боли, – подчеркнул Арви. – К тому же, сожжение заживо уже применялось к осужденным за преступления против веры. Так что наш выбор будет неясен для внимательного зрителя, – пояснил Арви. Он наперед предвидел, что с вопросом казни возникнут сложности, и потому должным образом подготовился к заседанию.

– Кстати, в соседнем княжестве во время язвенной болезни по обвинению в ее напущении были сожжены сразу шестеро женщин! – вспомнил Бойко.

– Наверное, в этом был какой-то иной прок, – предположил Арви. – Возможно, они были вероотступницами, коли напустили на людей хворь.

– А может, они сами были больны. И правильной было сжечь их, чтоб остановить дальнейшее распространение болезни! – предположил Неулыба.

– Если сжечь этих шестерых – то остальные зараженные выздоровеют? – Рёрик с сомнением оглядел Неулыбу.

– Без сомнения, государь. Не достаточно скосить сорняк – надобно вырвать его с корнем! – Неулыба верил в то, что говорил.

– Понятно, – Рёрик не стал спорить, поскольку не считал себя лекарем, хотя мнение Неулыбы он не разделял.

– Но, как бы там ни было, нам это, очевидно, тоже не подходит... – подытожил Арви.

– Можно залить горло расплавленным свинцом! – перебив Арви, предложил новую идею Неулыба. – Сие применяется в Царьграде! Я там был и лично видел эдакую кару! Весьма назидательно и зрелищно!

– Весьма... Но применяется исключительно к фальшивомонетчикам. – пояснил Арви. – А так как мы не чеканим собственную монету, то такое наказание будет непонятно народу...

– Закапывание заживо в землю? – неуверенно предложил кто-то из бояр.

– Назначается женам за убийство мужа... Или за прелюбодеяние... – сразу дополнил Арви, отринув и эту возможность.

– Хм, то-то я гляжу, здесь такой совет да любовь в семьях, – ухмыльнулся Рёрик. – Что ты хотел сказать, Мирен? – обратился князь к молодому боярину, тщетно пытающемуся взять слово.

– Я думаю, что следует наказать преступников, побив их палкой прилюдно, – заговорил молодой боярин, которого присутствующие наконец согласились выслушать.

– И все?! – поперхнулся Надежа.

– Нет, конечно, не все, – успокоил князь Надежу. – Удачная мысль. Сначала палкой им ввалить. А уж после казнить.

– По мне, так наиболее подходящий в данном случае выход – четвертование, – предложил Бойко.

– Арви, что ты нам расскажешь про четвертование? – Рёрик перевел взгляд на своего советника, у которого на все был готов ответ. – Мы хотим все сделать по правилам, согласно традиции и на благо народу.

– Возможно, четвертование сгодится... – согласился Арви, заглядывая в свои письма. – Поскольку оно применяется за оскорбление государя, за покушение на его жизнь, а также за измену... – перечислил тиун. – Как видно из названия, четвертование – это когда осужденный делится на части. Отрубаются руки, ноги, а затем и голова. А после казни части тела казненного выставляются на народное обозрение в назидание... – Арви оторвал взор от текста и оглядел вече. – Но в последнее время все же чаще применяется «размыкание».

– Название заставляет насторожиться, – пошутил Рёрик, который уже был готов хоть на четвертование, хоть на что, лишь бы быстрее уйти в избу спать.

– Оно заключается в том... – кашлянул Арви, которому был неприятен сей предмет обсуждений. Но что делать, как тиун княжеский, он должен быть каждой бочке затычкой. – Оно заключается в том, что осужденного привязывают за ноги к двум склоненным молодым деревцам, а потом отпускают их.

– Какое зверство. Даже я до этого не додумался бы, – усмехнулся Рёрик. – Хотя, и правда, назидательно. Все у тебя?!

– Не совсем, – Арви снова кашлянул. – Еще можно прибегнуть к посажению на кол. Ибо оно, как и упомянутое четвертование, преимущественно применяется к бунтовщикам и воровским изменникам...

– Князь Рюрик, вероятно, лучше последовать обычаю и придать всех размыканию, – Неулыба отдал свой голос за наименее затратный и наиболее зрелищный способ.

– Мне все равно, каким именно образом умрут эти разбойники, – задумался Рёрик, которому, и правда, было что сосну, что сосной об сову. – Важно одно. Казнь – шаг справедливости. Народ должен видеть, что случается с теми, кто идет против закона. Ну и, конечно, пусть люди возрадуются, ведь эти злоключатели третировали весь Изборск, пока мы не вмешались. А посему казнь должна проходить где-то в людном месте, на площади, к примеру, но не в лесу. Понятна моя мысль?!

– Что ж, тогда посадение на кол, – развел руками староста Белогуб, все это время хранивший молчание.

– Гостомысл сажал кого-нибудь на кол? – засомневался князь, вспомнив речи Дивы о милосердии ее батюшки. Как бы он сам, Рёрик, ни относился к Гостомыслу, он все равно не желал быть сильно хуже своего предшественника в глазах людей.

– Нет. Он всегда говорил: «Не убивайте. И не повелевайте убивать. Даже если кто и будет повинен в чьей-то смерти...», – процитировал Бойко речь покойного своего друга. – Однако правители соседних княжеств порой применяют сию меру, как самую действенную.

– Кто еще желает высказаться? – князь милостиво кивнул всем, кто любил выступать. Он давал возможность свободно выражать вече свою точку зрения, участвуя в разрешении пустячных вопросов, вроде придумывания узоров стяга, именовании рек, казней для преступников и подобного. – Неулыба? Белогуб?

– Скормим свиньям! – с восторженным воодушевлением предложил староста Белогуб.

– Живьем! – уточнил обстоятельство упорный Неулыба.

– Это чересчур хлопотно. И будет слишком много воплей, – поморщился князь. – Хотя мысль интересная, Белогуб.

– Я отдаю свой голос за свиней! – поддержал Неулыба.

– Но как это устроить... – засомневался Арви. – Наверняка, все это быстро закончится... А нам нужно сделать так, чтобы весь город мог узреть казнь, скажем, в течение дня или двух.

– На кол! На кол их! – заголосил кто-то из бояр.

– Размыкание! – выкрикивал кто-то из угла горницы.

Поднялся шум. Все идеи были по-своему любопытны, а иные новы. Однако вскоре Рёрик уже даже перестал разбирать предложения в общем потоке слов.

– Княгиня пожаловала... – доложил вдруг страж как раз в самый разгар споров.

– Впусти... – согласился Рёрик, видя, что обсуждения окончатся не скоро.

Когда вошла Дива, в гриднице сделалось тихо. Так или иначе, но все уже знали, что она как-то замешана во всей этой истории. Хотя детали были сокрыты. И все же ее появление заставило замолкнуть даже самых истовых борцов за законы князя.

– Я не помешала? – Дива, разумеется, знала, что пришла не вовремя. Но в этом и заключался ее замысел. И ей пришлось пересилить себя, чтобы отважиться на сей шаг. Как-никак, тут множество людей, чье присутствие стесняет ее. Она не привыкла к публичным выступлениям и даже опасалась их. Но без зрителей нельзя обойтись на этот раз.

И Дива подготовилась на славу. Было на что посмотреть. Светлое платье, вышитое такими же светлыми нитями, делало ее образ легким, воздушным, как и узор на ткани. Голову покрывал невесомый плат, который тянулся почти к самому полу. Вместо величественного княжеского венца, сегодня на ней был лишь скромный венчик, правда, украшенный серебряными колтами, спускающимися до плеч.

– Что ты хотела, Дива? – Рёрик оглядел супругу, которая, как ему показалось, выглядела сегодня особенно привлекательно. Хотя, возможно, дело и не только в одеждах, а в чем-то другом. В кротком взгляде, к примеру. Послушание после дерзости подкупает особо.

– Я пришла поблагодарить князя за спасение моего брата... – начала Дива, в своем безупречном одеянии больше походившая на ангела.

– Ох, мы как раз рассуждали о произошедшем... – ответил Рёрик, все еще не сводя с Дивы глаз. Он невольно залюбовался ею сегодня.

– Можно подойти? – вежливо обратилась Дива к Рёрику, ощущая на себе недоуменный взгляд Арви.

– Конечно, – Рёрик не до конца понимал, почему она спрашивает разрешения на подобные вещи. Вероятно, она делает это потому, что между ними огромная пропасть, которая никуда не девается даже с течением времени.

Что до тиуна, то он, и правда, смотрел на Диву озадаченно, не постигая, что ей нужно. Зачем она вообще напоминает Рёрику об Есении? У бестолкового княжича гораздо больше шансов на спасение, если князь забудет о нем. Впрочем, на то есть он, Арви. Уж он позаботится, чтоб Есений и его возмутительные проступки не оказались приданы забвению. Умила будет рада, если последний сын Гостомысла покинет земные просторы, бросив всевозможные притязания на трон отца. Арви даже придумал, как это можно устроить, чтобы не вызвать недовольства и возмущения среди новгородцев. Необязательно казнить Есения вместе с преступниками. Можно втихую убить его, а всем объявить, что его порешили поделщики. Таким образом, его имя будет опорочено, а судьба послужит примером для тех, кто вздумает ладить дела с разбойниками.

Плавной порхающей походкой Дива двинулась к Рёрику. Безмятежная с виду, дочь Гостомысла едва скрывала волнение, захватившее ее. Пока она шла, в ее горле пересохло. Она понимала, что задумала не просто жест благодарности, а настоящую хитрость. И если Рёрик не раскусит ее сразу, то в какой-то мере окажется в ловушке. Ей бы меньше всего на свете хотелось злить его, но ведь не ее в том вина, что выбора не остается. Рисковать придется в любом случае.

Преодолев разделяющее их расстояние, Дива подобрала подол и опустилась на колени возле Рёрика, преклонив голову. Присутствующие с интересом наблюдали за ней, ожидая, что вскоре последуют пламенные речи, коими она славилась. Но ничего такого, ко всеобщему разочарованию, не произошло. Дива лишь взяла Рёрика за ладонь. Оглядела его руку, на которой не было ни перстней, ни браслетов. Украшением этой длани были лишь загорелая кожа и власть, которой она обладает.

– Благодарю, мой князь, за спасение моего брата, – Дива смиренно и почтительно поцеловала руку Рёрика, который не ожидал такого жеста. И даже помедлил с ответом. Он не мог оторвать взора от Дивы. А она подняла ресницы, и в ее глазах стояли слезы благодарности. Было видно, что она хочет сказать ему что-то еще, но опасается разрыдаться прямо здесь и сейчас. Ведь плачет по любому поводу, не только от горя, но и от радости. Да, сейчас от радости.

– Все для тебя, – ответил Рёрик, встретившись взглядом с Дивой, которая после его слов все-таки всхлипнула. Ведь только что молния, мелькавшая над головой ее брата, ударила мимо.

Арви схватился за лоб. Что же это делается?! Неужели Рёрик не заметил, как только что угодил в западню?! В силу занятости прочими вопросами, князь, скорее всего, пока не размышлял об Есении и его судьбе, оставив сие на потом. Но когда до него дойдет то, что произошло сегодня, время будет упущено. Он при всех принял благодарности за спасение непутевого шурина! Упустив такой редкий шанс избавить себя от наследника престола Гостомысла!

Когда Дива ушла, присутствующие вновь принялись обсуждать судьбу Емельяна и его братьев. Время шло, а количество предложений все увеличивалось. Многие желали опираться на традиции, иным хотелось новшеств. Ведь люди запомнят только то, что происходит впервые.

– Мы поступим так... – Рёрик решил, что на сегодня совещаний достаточно. Он слишком устал и хочет отдохнуть. А не сидеть тут до самой ночи. – Четвергование. Ты понял, Надежа? И заранее объявите об этом, – князь поднялся и направился к выходу.

Бояре простились с ним и продолжили обсуждения. Несмотря на то, что основное ясно, второстепенные вопросы по устройству казни еще имелись.

Уже в сених Рёрика нагнал Арви. Тиун вполголоса сделал еще одно важное сообщение.

– Князь, пожаловали жрец и летописец: те, что с прошениями по ходатайству княгини, – Арви с самого начала не понравилась идея покровительства книге Велеса. Все, что исходило от Дивы, было ему отвратительно. Потому он всякий раз пытался отсрочить встречу Рёрика и просителей, напоминая о них в неподходящий миг.

- Нет. Я пошел спать. Никаких жрецов! – князь сделал отрицательный жест.
- Вестимо, князь, – тиун улыбнулся про себя. Хоть что-то приятное в противном дне.

Вечер опустился на Новгород. Воздух сделался свеж и прохладен. Дива собиралась в дорогу, когда в передней послышался шум. Миравы с кем-то громко разговаривала. Торопливо набросив на голову платок, Дива поспешила вниз. И не успела она еще спуститься по лестнице, как сразу узнала знакомый голос.

– Еся! – Дива так торопилась, что чуть не свалилась с последней ступеньки. – Ты жив! О, Перун, хвала небесам! Я так тревожилась...

- Я должен благодарить не Перуна и не небеса, а тебя, – Есений обнял сестру крепко.
- О боги... Ты весь в синяках... Эти разбойники обижали тебя? – Дива нахмурила лоб.
- Пустяки. Они запросто могли убить меня. А эти ссадины пройдут. Я хотел сказать, что... Ты моя сестра и мой самый надежный друг, – растроганный Есений поспешил поцеловать свою спасительницу.

– У меня лишь одна просьба, – Дива улыбнулась. – Больше не попадай. А то и мне влетело...

– Из-за меня всем влетело: Емельяна и остальных, кажись, предадут истязаниям, а затем казнят... – вздохнул Есений сочувственно. Ему уже было жаль разбойников, которых он знал поименно. – Я могу переночевать у тебя? – вздохнул княжич. Раньше у него были свои покои, а теперь он сделался чужим в собственном доме.

– Конечно. Правда, сама я уйду теперь... Эту ночь я собираюсь провести в храме Макоши, – Дива, и правда, вознамерилась до утра молиться у алтаря доброй богини. – Но ты оставайся, сколько нужно...

– Это всего на одну ночь. Завтра я отбуду... Мой купец зовет меня на зиму в Царьград... – Есений улыбнулся на сей раз чуть грустно. Хотя упоминание о купце прозвучало забавно.

– Значит, ты уйдешь? – спросила Дива, которая по большому счету не удивилась такому его решению. Оно было понятно и желательно.

– Мне кажется, я не должен тут быть, – как бы легкомыслен ни был Есений, он осознавал, что лишь чудом ему удастся убежать от горькой судьбы. Но все может перемениться в один миг. Если князь и его приближенные усмотрят в сыне Гостомысла угрозу или соперника. – Или ты считаешь, что я могу остаться?

– Лучше уходи со своим купцом на зиму, – Дива обняла Есенина, положив голову ему на плечо. Она почувствовала, как на ее глазах наворачиваются слезы. Она была рада, что брат остался жив. Но она тосковала, что они должны разлучиться. – Уходи отсюда поскорее...

Вольна сидела у окна и смотрела на уныло падающие листья, укрывающие разноцветным ковром двор. Она очень устала за последнее время. Извольновалась и почти совсем извела себя. Но отдохнуть она сейчас тоже не могла. Что-то все еще тяготило ее. За эти дни она видела Рёрика всего несколько раз, и то спящим. Уходил он так рано, что было не ясно, то ли еще ночь или уже утро. А возвращался домой, когда она давно досматривала сны. Вот и сегодня она снова ждет его, а он где-то ходит.

Наконец Вольна увидела вдалеке Рёрика, неспешно идущего вместе с Прохором по дорожке. Они о чем-то разговаривали с довольными лицами. Вольна вскочила с лавки, поправила волосы, расправила юбки. Достала из ларца бусы и торопливо надела их на шею.

Время шло, а Рёрик все не шел. Вольне уже надоело прихорашиваться. Нахмурившись, она выглянула из окошка. Ее переносицу разрезала морщинка недовольства. Вместо того, чтобы спешить домой к ней, он, оказывается, стоит возле крылечка и трепетя с Прохором! Словно за день они не успели наговориться!

Казалось, этой беседе не будет конца. И когда Рёрик возник на пороге, Вольна была уже подогрета ожиданием.

– Ты что ж, не стосковался по мне? – заложив руку за руку, Вольна стояла в дверях с обиженным лицом.

– Это отчего ты так решила? – Рёрик с усталой улыбкой обнял красавицу. Было видно, что он в настроении. Что и понятно. Бандиты пойманы, золото на месте.

– Потому что я не помню, когда в последний раз видела тебя! – упрекнула Вольна. – А ты пол вечера балясничаешь на улице с этим смазнем вместо того, чтоб торопиться ко мне!

– Помимо тебя у меня есть и другие заботы, – Рёрик выпустил Вольну из объятий и пошел умываться.

– Которые важнее меня... – Вольне не нравилось, что он может столь запросто отшить, даже не беспокоясь о ее чувствах. – Когда-то ты говорил, что самая главная для тебя забота – это я. И что же это за дела такие важные? Дива да Есений – клуб неразумений?! – кипятилась рифмолюбивая Вольна, которая никак не могла стереть из памяти слова Арви о Диве и Рёрике.

– На мне теперь целое княжество, – князь искал какую-нибудь тряпку, чтоб вытереть лицо. Но повсюду валялись наряды Вольны, которые она примеряла к его приходу и не успела убрать.

– Как ты только справляешься с княжеством, когда не можешь совладать всего с одной девкой?! – не удержалась Вольна. Ее гневил, что Дива привлекла к себе столь много внимания за последние дни. И ладно, если б все ее порицали и бранили. А то вроде даже наоборот, то там то тут слышались одобрительные речи.

– Что ты сказала? – князь поднял голову, бросив грозный взгляд на возлюбленную.

– Ничего, – отмахнулась Вольна.

– Дай поесть, – вытерев лицо, Рёрик устроился на лавке, устало облокотившись на стол.

– Меня это не касается... Но ты зря простил ее, – Вольна принялась собирать стол.

– Не касается тебя, правда, что, – зевнул Рёрик утомленно, но сладко. Он твердо решил, что ничто не должно омрачить ему долгожданного отдыха.

– Теперь все будут знать, что она верховодит тобой, как вздумается, – изящные белые ручки Вольны порывисто раскидывали миски с едой по столешнику. – Ты же князь! А не ребенок!

– Вот-вот... И поучи еще меня тут, – Рёрику все меньше нравилось находиться в этом доме.

– Я забочусь только о тебе, – возмущенная резким ответом, Вольна хотела уже развернуться и уйти, но потом передумала. Она еще не озвучила своей главной мысли. И уходить пока рано. – Ты должен был приструнить ее раз и навсегда. Такая редкая возможность выдалась! Никто б не осудил тебя! Для чего понадобилось это неуместное милосердие? Теперь на тебя, как на князя, падет тень слабости! Ведь ты не можешь усмирить собственную жену! Что подумают остальные князья и все подданные...

– Почему когда я прихожу сюда, то постоянно слышу одно и то же? – перебил Рёрик раздраженно.

– Понеже кроме меня, тебе никто правды не скажет! Все лишь поддакивают тебе, вводя таким образом в заблуждение. Ты не только простил ей все поганые проделки, но еще и превознес до небес перед боярами за ее проклятый храм! – злилась Вольна. – Да к тому же и вернул этого тупого Есения ей! Уж кто-кто, а он на кой нам сдался? Надо его прилюдно высечь, а затем выгнать из города! Или даже казнить за сношения с разбойниками! Он же наследник Гостомысла! Лучше, чтоб его вовсе не было! Неужели ты этого не понимаешь?! Его надо прибить как можно скорее. Тем более есть справедливый повод! – додумалась наконец Вольна.

– Он вляпался по глупости, – Рёрик равнодушно зачерпнул ложкой похлебку, что томила в его миске. Он так устал за эти дни, так мало спал и ел, что сейчас ему было лень спорить с Вольной.

– Как ты чуток, когда речь идет о них... Есений и Дива... – Вольна смотрела на Рёрика, и ей казалось, что она уже ненавидит его. – Этим двоим бездельникам надо смириться с ценой, которую они заплатят за свои ошибки. Ее, эту шуку, остренький носок, нужно бросить под замок. А людям запретить навещать ее. А он, этот беспутный межеумок... Он заслуживает того, чтоб быть вздернутым вместе с окаянниками в один день! Или, может быть, тебе уже жаль его?

– Мне не жаль... Честно говоря, я про него забыл, – признался князь, который, и правда, особенно не думал о сыне Гостомысла, не тревожась за него и не желая ему особых неприятностей. – Я ж не ты, чтоб помнить про какого-то Есения...

– Ну так я и напоминаю! Необходимо его проучить. Нехай послужит назиданием для всех прочих! – Вольна злилась, вспоминая слова Арви. Вместо того чтоб покарать Есения, по вине которого чуть не уронил лица, князь прощает его. – Значит, ты его не казнишь?

– Нет...

– Тогда прикажи отрубить ему руку, чтоб знал, как якшаться с татями! – не унималась Вольна. – Таким образом мы оградим стол Новгорода от этого человека. Хотя я считаю, что пока сын Гостомысла жив – мы в опасности! И наш сын тоже!

– Ты слишком кровожадна... – Рёрик равнодушно сжедал свой ужин. И голос Вольны напоминал ему скрежет саранчи, неумолимо пожирающей хлеб в полях. Точно также, как сейчас она, эта восхитительная с виду женщина, грызет его самого.

– Это я-то кровожадна? – возмутилась Вольна. – Это по твоему желанию убили Гостомысла, единственного защитника твоей шуки и ее глупого братца... – напомнила Вольна. И тут же пожалела, что произнесла слово «твоей». Нет, не надо было так говорить. Надо было сказать «той шуки».

– Вот именно... По моему желанию, – кивнул Рёрик. – И теперь я должен приняться и за его детей, по-твоему?..

– Да что с тобой? Не понимаю никак... – недоумевала Вольна. Повсеместно только и делали, что рубили руки да сажали на кол. Все слова Рёрика – лишь отговорка, чтоб сохранить Есения для шуки! Вот, почему так важно, чтоб растяпа-княжич хоть как-то поплатился за свои проступки! – Ты что же, так его и отпустишь с миром? Если ты ничего не сделаешь, то все княжество перестанет тебя почитать!

– Угомонись, – зевнул Рёрик, размышляя о том, как он сейчас уляжется спать в тиши. Да, в тиши. Она задует последнюю свечку, а вместе с ней закроет и свой рот.

– Как я могу угомониться после того, что она сотворила?! Из-за нее чуть не пострадал ты! Да все мы могли пострадать!

– Из-за нее я сейчас, напротив, в лучшем положении, чем был прежде, – сообщил вдруг Рёрик, сам удивляясь про себя, как так вышло.

– Это как? – удивилась Вольна, предвкушая новый удар. Он еще хвалит эту бестолочь?!

– Изборск счастлив. Ведь знает, что князь любит его и защищает. Народ благодарен мне за то, что я избавил их от Емельяна. Храм строится, и Новгород славит меня. Все обернулось так, что я даже рад.

– Еще поблаговари ее, – Вольна окончательно утратила спокойствие.

– Не злобствуй, лучше иди сюда ко мне, – Рёрик устало протянул к Вольне руку, желая прекратить недобрую беседу.

– Вот как? Теперь и я тебе понадобилась? – ткнула Вольна. – Я все видела: ты нес ее на руках! Не хочешь объяснить, что это значит?! Я не потерплю... Я предупреждаю!

– Как ты со мной разговариваешь? Я тебе отчетом обязан? – Рёрик отодвинул от себя миску.

– Я предупреждала – или я или она! Ты сказал, что выбираешь меня. И теперь не води меня за нос! – заорала Вольна в гнев. – А если все еще думаешь, что отчетом не обязан, то и от меня не требуй. Вот пойду миловаться с Прохором! Как ты с этой щукой!

– Пойди, – у Рёрика изменилось выражение лица. Этот пример ему не понравился. Что это еще за разговоры. Эти бабы, и правда, окончательно вышли из-под управы. – И посмотрим, чем окончится... – слова Рёрика прозвучали угрожающе.

– Меня не в чем упрекнуть. Твой сон крепок, ведь я верна тебе, – Вольна, разумеется, и в мыслях не допускала, что может пойти к какому-то мужчине, когда рядом свирепый князь, который может прибить ее и за меньшее, нежели измена. – Но вместо благодарности, ты только и знаешь что грозить мне! А тем временем, не позволяй себе того, чего не дозволяешь мне!

– Мы с тобой в разном положении, женщина... – Рёрик поднялся. Ему уже было невмозможно оставаться в этой избе. – Но ты постоянно забываешь об этом.

– Я остерегала тебя, что уйду, если будешь смотреть на меня свысока, – Вольна всегда была горда и независима. На свете нет женщины прекраснее нее. И ей ли терпеть притеснения? – И я не позволю пренебрежения. Я тебе не рабыня какая-то!

– Да какая рабыня?! – разозлился и князь. – Займись чем-нибудь, хоть хозяйством, в конце концов... От безделья уже разум мутится...

– Как... – Вольну обидели слова Рёрика. Он смеет винить ее! Ей что, в поля отправляться на уборку урожая! – А Дива твоя! У нее разум не помутился ли?! Ей полагается сидеть в тереме и смотреть за дочкой. А не придумывать законы, строить храмы и вызывать сюда Любав! Ты, кстати, обещал наказать их обеих! И где это? Где? Ты не сдержал слова! Впрочем, как и всегда! – Вольна ухватила со стола глиняную чашу и в ярости швырнула ее о стену. Та шумно брякнулась о дерево и упала на пол, разлетевшись на несколько больших осколков.

– Это чего такое? – Рёрик кивнул на черепки в углу.

– Ничего, – повела плечом Вольна.

– Будь осторожней, а то еще поранишься, пока все крушишь, – ухмыльнулся князь. А потом добавил, строго кивнув на остатки несчастной чаши, – убери-ка...

– Рада позаботится, – недовольно отозвалась Вольна, поправляя расписной платок на плечах.

– Ты не слышала меня? Я сказал, сейчас. Выполняй, – глаза князя смотрели недобро, хотя сам он был спокоен.

– Я лишь говорю, что ко мне ты гораздо более строг, чем к ней, – продолжала Вольна, оказавшаяся в глупом положении. Она уже пожалела о своем поступке, поскольку теперь ей придется с метелками собирать останки посуды. Крайне несуразно. Она решила сделать вид, что ничего в этом зазорного нет. Равнодушно пожав точеными плечами, отправилась за веником. Однако в душе ей было досадно. Как он допек своей тиранией! – Я-то тебя не позорила. И хлопот тебе не доставляла. Вся моя вина в том, что в заботе о тебе я пытаюсь указать на истину, которую ты не видишь. Почему ты так терпелив к ней и так зол со мной? Кто она и кто я? – говорила Вольна уже спокойней, поскольку понимала, что опять неправильно себя повела. – Я твоя любимая. Твоя жена. А она лишь образ для народа!

– Значит, тебе полагается быть во много раз скромнее нее, – заключил князь.

– Я и так скромна. У меня нет терема... – напомнила Вольна, которой не давало покоя то, что она живет в обычной избушке, а Дива в красивом доме с несколькими крылечками и гульбищами. – Если я несдержанна, то лишь потому, что мне кажется, будто ты разлюбил меня...

– Что за вздор ты порой сочиняешь. Иди сюда, – князь подозвал Вольну усталым жестом. Бросив метелку, она подошла и уселась ему на колено. В свете свечей ее кожа казалась золотым шелком. Она так красива, что от нее не отвести глаз. Вот если бы она еще и молчала...

– Тогда, если ты меня любишь, то не заговаривай с ней больше... – Вольне быстро надоело ласкаться. – И не ходи туда...

– А еще что? – Рёрик недовольно убрал от нее руки: она становится все невозможней с каждым днем.

– Это так сложно? Или она что-то значит для тебя? – Вольна снова неминуемо начала накаляться.

– Конечно, значит. Она же мать моей Ендвинды...

– Что?! – Вольна окончательно вышла из себя, вскочив на ноги. – Ты даже не потрудился промолчать! Не побоялся огорчить меня!

– Не задавай вопросы, ответы на которые тебя не устроят, – мрачно посоветовал князь.

– Ухожу! – заорала Вольна, отпихнув Рёрика, когда тот хотел взять ее за руку. – Не стану терпеть! Ты слышал?! – буйствовала Вольна. Больше всего ее огорчало собственное бессилие. Что ж это? Он либо не напуган ее угрозой, либо не поверил ей. И то и другое плохо. Он должен бояться потерять ее, а он безучастен, словно она вообще ничего не говорила! – Я не шучу! Завтра! Отбуду! Кроме того...

– Пошла вон с моих глаз! – неожиданно рявкнул усталый князь, перестав сдерживаться. Он хотел лишь одного – покоя, а не этих едва переносимых визгов. Пусть выметается на улицу гулять. Или в другую горницу. Или еще куда-нибудь. – Проваливай. Чтоб я тебя до утра не видел. Иди отсюда.

– Выгоняешь?! – опешила Вольна. В растерянности она даже уже не знала, как ей поступать дальше. – Вот ты какой... На улицу меня, словно пса какого-то...

После ее слов Рёрик вдруг развернулся и направился к выходу сам.

– Нег, ты уходишь?.. – в замешательстве спросила Вольна. И гнев ее сам куда-то улетучился в один миг. Ну вот, она совсем не хотела ссориться. В который раз! Если б не было гадкой Дивы, она сама ни за что бы себя так не повела б! Как хорошо им было раньше, еще там, в Дорестадте, без этой ведьмачки! Они были так счастливы вдвоем! – Куда ты?

Рёрик ничего не ответил и вышел из избы, хлопнув дверью. Вольна вмиг охладилась: и куда же он пойдет?! Что она наделала! Надо было, вообще, не раскрывать рта сегодня! Да как же тут молчать! Хотя как бы хуже не получилось... Рёрик всегда был при ней, ночевать приходил только домой. Может, не так уж велика проблема – сколь неприятна? А что теперь вышло в итоге?!

Не успев даже обуться, Вольна выбежала на улицу, нагнала князя и схватила его за локоть.

– Нег, постой, пойдем домой, – заговорила Вольна примирительно.

– Отцепись, – разозленный Рёрик отмахнулся от нее, стряхнув со своей руки.

– погоди, не уходи... Куда же ты? – Вольна уже испугалась не на шутку. И с прискорбием подметила про себя, что он все меньше напоминает влюбленного мужчину. – Давай поговорим...

Но на сей раз слова не помогли. Рёрик все-таки ушел. Вольна только не знала куда. Не выслеживать же его на потеху окружающим! Здесь ведь постоянно кто-то спует даже в ночи. То какие-то гриди, то слуги, то еще кто-то.

Ночь выдалась по-осеннему холодной и ветреной. Рёрик шел по дорожке и уже не помнил себя от гнева. Он и сам не заметил, как подошел к гриднице. Даже не раздеваясь, миновал сени и вошел в горницу, где еще недавно проходило заседание.

Несмотря на то, что в княжеских хоробах имелось множество построек, гридница была любимым местом Рёрика. Здесь можно было встретиться с боярами, попить с друзьями, выспаться или просто затвориться одному. Как бы там ни было, сейчас, войдя сюда, князь

неожиданно наткнулся на Арви, занятого какими-то письменами. В свете танцующих огоньков свечей крючковатый нос тиуна отбрасывал непомерно огромную тень на стене.

– Государь, – поздоровался Арви, почтительно склонив голову и привстав из-за стола.

– Не поздновато ли ты здесь? Роса уже, наверное, заждалась тебя, – напомнил Рёрик.

– Я уже собираюсь покидать, – Арви внимательно оглядел правителя, заметив опытным взором, что тот раздосадован. – Я думал, сегодня и завтра князь посвятит себя заслуженному отдыху вдали от забот...

– Я так и собирался поступить. Да разве отдохнешь с этими бабами! – негодовал князь.

– Понимаю, – Арви, конечно, догадался, что Вольна, вдохновленная его речами, закатила Рёрику ссору. Довольный своей работой тиун задумчиво изрек, – не всегда мы встречаем ласку там, где ей должно быть. Может статься, князь окажет мне честь и отужинает вместе со мной и Росой? – деликатно предложил тиун. Вдруг эта дура Вольна еще и выпустила из памяти накормить правителя!

– Не беспокойся, – Рёрик хоть и не успел поесть, но сейчас был уже не голоден. Пожалуй, он бы лучше выпил чего-нибудь, чем съел.

– Князь, я имею разговор, но не знаю, подходящее ли нынче время...

– Где все слуги? – Рёрик огляделся. Заприметив кувшины с винами на полке, двинулся туда. – Говори, что ты там хотел от меня...

– Не так давно князь дал мне задание... – начал Арви. – Я должен был измыслить, как наказать провинившихся подданных князя таким образом, чтоб это было не только назидательно, но и заключало в себе ценность для казны...

– Ну так, ты уже что-то изобрел? – с интересом сосредоточился князь, отхлебнув из кубка в котором уже было что-то налито.

– Я решил, что самый лучший для нас путь – воспользоваться тем, что уже есть. В этих землях принято расплачиваться за проступки либо головой, либо имуществом, которое отчуждается в пользу потерпевшего. За убийство часто отымается собственность душегубца и отдается семье того, кто пал жертвой. Я предлагаю эту меру дополнить. В случае, если у убиенного не окажется родственников, мы могли бы отчуждать все имеющееся у преступника в пользу князя и казны... – Арви был очень доволен этой своей задумкой и ожидал особой похвалы от Рёрика. – Тогда у нас появится еще одна ветвь доходов, а подданные князя будут защищены и в этом случае.

– Превосходно, Арви, – похвалил Рёрик, потирая подбородок. Он теперь чувствовал себя чуть захмелевшим, и это было не так плохо. По крайней мере лучше, чем сидеть в избе с недвольной Вольной. – Но надо улучшить твою мысль. Боюсь, не так много сыщется убиенных, у которых не окажется ни одного наследника. И потом, это даже забавно. Скажут еще, что в одночасье все одинокие сельчане покинули земную сень, дабы князь пополнил казну. Нам не нужны лишние нарекания... Нужно ввести виру за убийство свободного нашего подданного вне зависимости от наличия у него семейства.

– Я вынесу этот вопрос на обсуждение вече, – с готовностью согласился Арви.

– Да, и самое главное не забудь... Мои люди должны быть защищены законом особо. Ведь, как ты понимаешь, судьба моих гридей меня волнует куда больше, чем страды всех этих несчастных.

– Будет сделано, государь, – склонился Арви. – Собственно, это все, о чем я хотел оповестить. Детали мы могли бы обсудить на сходе. А сейчас не стану более отвлекать. Ведь князь, вероятно, отдохнуть жаждет...

– Я жажду, чтобы пришла Дива, – вдруг изрек Рёрик. Он только сейчас, под действием окаянного напитка, понял, что желает ее во всех смыслах. Он был бы рад увидеть ее, послушать ее, приласкать ее. Разумеется, если она сама всего этого хочет. Но в том-то и дело, что она,

похоже, не испытывает таких желаний, раз даже спрашивает разрешения, чтобы подойти к нему. А впрочем, какая разница, чего она там хочет?

– Дива? – повторил Арви, хотя отлично слышал слова князя.

– А кто еще? – Рёрик оглядел Арви так, словно тот в чем-то виноват. – Что стоишь, приведи мне ее сюда.

– Но я не... То есть, нет. Но она не... – Арви почему-то запутался.

– Пусть поскорее придет. Но только одна, без ребенка, – Рёрик закрыл глаза, будто собираясь уснуть. Но он не спал. Он думал о том, как заключит в объятиях свою жену, на сей раз нежно и с должным вниманием к ней, а не только к самому себе.

– Разумеется, дети в это время спят... Впрочем, нет, но... – тараторил Арви. – Князь, прошу меня простить... Опасаюсь, что княгини нет в хорамах... Она пожелала покинуть... А хотя, если будет угодно, я немедленно и лично выступлю за ней...

– Что значит: «ее нет»?! – Рёрик открыл глаза и возмущенно оглядел Арви. – Где она?!

– Как же... Она сегодня ночует в храме Макоши... – пожал плечами Арви. Лично он сам не видел в этом действе проку. Но так поступали многие верующие, желающие получить что-либо от богов. Они могли в тесноте и неудобстве ночевать в их храмах или работать там, как обычные причты. Иными словами, явить жертвенность.

– А кто ее отпускал?! – Рёрика больше расстроило не то, что Дива ушла самовольно. А то, что ее нет поблизости. Впрочем, это не так уж самовольно. Несколько дней назад она спрашивала у него разрешения на сию затею, и он сам ей это позволил. Он успел об этом позабыть, но теперь вспомнил.

– Так никто... Никто же не отпускал. Молодая княгиня своенравна... – Арви решил не упустить случая и проехаться по Диве. – Я полагаю, что ей следовало испросить разрешения князя на подобный жест... Все-таки речь идет о...

– Ладно, уходи... – махнул рукой расстроенный Рёрик, который даже уже не слушал своего тиуна. – Зачем ей только это понадобилось...

– Ну так возблагодарить добрую богиню за спасение Есения... – с улыбкой сообщил тиун, попутно набрасывая на плечо котомку.

– Добрую богиню? – переспросил Рёрик. Еще несколько мгновений назад он, кажется, был готов лично пойти за ней хоть в храм, хоть на край княжества. Но теперь вдруг передумал. Наверное, потому, что она не любит его. Что бы она ни говорила, она не любит его. Она лишь боится его. Он, вообще, сомневается, что его кто-то любит. Всем только что-то нужно от него. И вместо того, чтобы благодарить за Есения его, своего защитника и благодетеля, она отправилась благодарить какую-то богиню. – Тогда позови Ньера! – решил Рёрик в итоге. – И пусть какие-нибудь слуги принесут нам пива...

Глава 7. Подруга

В Новгород пришла зима, а вместе с ней и лютые морозы, сковавшие все живое. Леса и поля опустели, словно в них никогда не щебетали птицы и не резвились звери. Зато в самом городе присутствует обычное оживление. Ярмарки, полные ремесленных поделок, гудят, как пчелиный рой. На улицах в студеном воздухе стоят разговоры и смех. Жителей не останавливает то, что без шуб и шапок даже нос высунуть за дверь опасно. Подобные трудности не в силах удержать новгородцев в их избах. Ведь на холодную пору, не обремененную заботами об урожае, выпадает наибольшее число праздников. Беззаботные посиделки в светелках и гулянки по заснеженным улочкам раскрашивают однообразный вид городища, утопающего в сугробах. Много развеселых забав принесли с собой метели. Почти что ни день, то праздник.

Впрочем, не только торжествами насыщено зимнее время. Если летом люди заняты заготовками припасов и полевыми страдами, то теперь забот такого рода, конечно, убавилось, но жизнь не стала проще. Мерзлыми ночами надо отапливать не только жилище человека, но и согревать скотину. А если вдруг закончатся запасенные дрова, то придется идти в лес и валить

дерево. Сильные снегопады могут всего за одну ночь завалить все вокруг непролазными бело-снежными барханами. В таком случае наутро нельзя и шага ступить, чтоб сперва не угодить в суземок. И придется потратить полдня на расчистку тропинки. Все то, что летом просто, как, например, постирать белье на реке или сходить за водой, теперь становится трудоемким. Зато для промыслов время это самое подходящее. Звероловы охотятся на белок, лисиц, волков и зайцев. Скорняжники выделывают шкуры животных и отправляют их на изготовление зимней одежды. Бондари мастерят бочки, ведра, ушаты и корыта. Корзиночники вяжут из прутьев, корней и лучины плетенки и короба. Желание создать больше вещей, а затем выменять их на посуду, ткань и предметы ковки, привлекает к труду целиком семью, даже детей. Хотя в основном зимой женщины прядут, ткнут, вяжут и шьют. А мужчины занимаются охотой, рубкой леса, заготовкой капа, столярным делом и плетением лаптей. Иными словами, занятий в суровое время года хватает и без хлебопашества.

Но эти трудности настигают не всех, разумеется. Есть и такие счастливицы, которые всю зиму возлежат на полатах, услаждаясь яствами и согреваясь пряными напитками. Позволить себе подобное могут только очень зажиточные люди, у которых вдоволь слуг, выполняющих за них всю тяжелую да и простую работу.

– Сегодня еще холоднее, чем вчера, – зевнула Вольна, обвив изящными перстами глиняную канопку с ароматным иван-чаем. Белые и мягкие руки Вольны были будто созданы богами и не для труда. И с течением времени не менялись, оставаясь все такими же красивыми. Впрочем, и недосуг ей, любимой женщине князя, колоть пальцы иголками. – Рада, а что, валка леса уже началась?

– Давно уж началась. Еще по первому снегу, – кивнула Рада, занятая уборкой. – Слышала, уже неделю ельник рубят. Видно, для строительства.

– Скорей бы сумерки, спать лечь охота... – Вольна уныло вздохнула. Скука совсем одолела ее. – Как-то нехорошо мне сегодня. Тяжко как-то... Подбавь горяченького... – Вольна протянула Раде свою кружку.

– Слушаюсь, – Рада отправилась к печи за согретой водой, раздумывая над «тяготами» Вольны. Долог день до вечера, коли делать нечего...

– Так что ты там говоришь? Ель для строительства? – дую на поверхность горячего напитка, поинтересовалась Вольна. – Хм, уж лучше сосна... Или дуб...

– Древесина дуба редка. И трудна в выделке, – поддержала беседу Рада. Она уже долгое время служила у Вольны, но каждый раз опасалась быть раскрытой. И потому старалась трудиться усердно и выражать участие, чтобы не вызвать подозрений. – Ее используют лишь там, где нужна повышенная прочность. При изготовлении санных полозьев, бочек, лопат...

– Если ты посмотришь на нижние венцы хотя бы даже этой избы, то увидишь, что они из дуба... – заметила наблюдательная Вольна, ткнув указательным пальцем вниз стены.

– Ну это же не изба какого-то простого сельчанина... – пожалала плечами Рада, открыв ставни и стряхнув крошки со скатерти на улицу. – У кого есть возможность, те, конечно, возьмут дуб. Он для всего хорош. Для погребов особенно...

– А береза? Глянь, как разрослась! Даже летом в горнице тень, не то что зимой! – в приоткрытые ставни Вольна обозрела кусочек дерева, посаженного под этим окном еще молодым Гостомыслом. – Ее надо бы срубить и на строительство пустить...

– Разве что сараев да курятников, – добавила Рада.

– И откелича ты только все это знаешь... – Вольна прилипла губами к горячему напитку.

– Мой отец был столяром...

– И что он умел? Мед подай, Рада... – облизнулась Вольна, предвкушая трапезу, кажется, столь же сладкую, что и ее житие в княжеских хоромаш.

– Да все. Сундуки, полки, оконные рамы... Из клена вытачивал резную посуду, ковши да ложки. Из березы и рябины мог даже гусли выделывать. А какие мастерил игрушки! – вспоминала Рада родителя, доставая с полки туюсок с медом.

– Игрушки... – Вольна вдруг помрачнела. – Знаешь, о чем я тут подумала... Эта вертлячка дергает Нега по пустякам, чтобы нарочно оторвать его от меня и наследника! – Вольна постоянно думала о Диве, которая стояла ей поперек горла, словно кость. Неопытная мать, волнуясь за маленькую дочку, часто звала не только лекарей, но и самого князя в свой терем, дабы удостовериться, что ребенку ничто не угрожает. – Верно я говорю?

– Ага, – поддакнула Рада, замечая сор.

– То жар, то озноб, то плач, то смех, то зуб у этой малявки, – серчала Вольна. – А он экий заботливый! Столько детей сиротами оставил, а сам мчится к этому визжащему свертку словно он нянька!

– То чужое, а то свое, – отозвалась Рада, самозабвенно выметая пыль и мух из-под лавок.

– Роды прошли почти при нем! Где это слыхано! Знала бы я заранее, ни за что бы туда не пустила! А я рожала среди чужих... – расстраивалась Вольна. – Но что бы ни выдумывала Дивеха-дуреха – это все лишь бесполезная суета. Ее писклявая девчонка ничего не значит. Преемником князя будет все равно наш сын! – Вольна постучала указательным пальцем по столу, словно желая убедить в своей речи помощницу. – Рада, а тебе не показалось, что в последнее время мы с князем реже бранимся?

– Совсем редко! – согласилась Рада, ставящая котел с водой на печь. Рада всегда соглашалась с Вольной. Хотя даже ей было очевидно, что из влюбленного мужчины Рёрик превратился в терпеливого, но усталого покровителя. Былая любовь, о которой раньше знавало все княжество, тускнела.

– Я очень зла на него. Посмотри, на что он меня здесь обрек! – вздохнула Вольна, сердитоковыряя ложкой мед в туюске. – И мне стоит немалых усилий выносить все это. Но я не должна давать этой криворукой обморочнице обойти меня. Потому что чуть только мы повздорим, она тут как тут! – дивилась Вольна. – Сразу призывает его к себе под личиной, что у ее мелкой голосилки опять что-то неладно. Откелича токмо прознает каждый раз! – не догадывалась Вольна.

Вдруг в избу постучали. Рада уже собиралась двинуться в сени и открыть дверь, но Вольна остановила ее.

– Я сама. Пойду-гляну, кто там. А то засиделась совсем, – накинув на плечи платок, Вольна пошла к дверям, на ходу разминая затекшую спину.

На улице злилась вьюга. В лицо Вольны дунул ледяной порыв, ослепив на миг. Она заслонилась ладонью от снежного смерча и взгляделась в белую пелену. На крыльце стоял паренек, сын работницы Пригоды, живущей неподалеку. Он держал в руках узелок. За паренком в молочном облаке метели то исчезала, то появлялась фигура женщины. Одетая она была бедно и холодно. Поверх короткой меховой душегрейки были накручены засаленные шерстяные платки. Все это одеяние заменяло шубу. Даже лицо прищелицы было замотано: торчал один лишь покрасневший от мороза нос.

– Вольна, дружка моя милая! – женщина откинула с лица платок и улыбнулась широко. – Наконец-то я отыскала тебя в этих дебрях непролазных, – прищелица распростерла свои руки, на которых были напялены огромные вязанные рукавицы.

– Васса?... – Вольна стояла ошарашенная, словно ей в лицо выплеснули остатки заварки. Вместо ответной радости она лишь изумленно молвила, – как ты меня нашла?!

– Ну что же ты, совсем не рада мне? Не приглашаешь в хату... – женщина улыбалась, ее глаза лукаво блестели. А пурга на дворе тем временем усиливалась, как и волнение Вольны при виде гостыи.

– Что ж... – медлила Вольна. Но после посторонилась, давая гостье дорогу. – Входи.

Пока Вольна прикрывала дверь, искоса поглядывая на Вассу, та уже проследовала в горницу без стеснений, словно пришла к себе домой.

– Какие у тебя хоромы: сущекняжеские! Только терема не хватает! – осмотревшись, молвила Васса. Потом бросила свой узел с вещами на пол возле резной лавки. – Я уж думала, не свидимся! – улыбнувшись Вольне со слезами радости на глазах, гостя заключила хозяйку избы в свои горячие объятия.

Онемевшая Вольна наконец стала приходить в себя. Она тоже обняла подругу, хотя и сдержанно, поскольку не хотела промокнуть. Пришлица вся была в снегу, который в тепле начал таять. Вольна задвинула своей маленькой ножкой узел Вассы под лавку.

– Голодна? Есть и пить хочешь? – Вольна оглядела подругу, уже наперед зная ее ответ. – Садись сюда, ближе к печи, на залавок, – Вольна указала на продолговатый ящик с крышкой, где хранилась хозяйственная утварь. – Рада, собери стол! Хотя нет, ступай, пожалуй. Я тебя отпускаю на сегодня, – передумала вдруг Вольна.

– Ого, у тебя и слуги есть...Какая ты умница, – Васса подмигнула Вольне. Но последняя не стала отвечать на лестные слова.

– Но я еще не перебила перин, – возразила Рада, которой хотелось остаться и выяснить, кто есть нежданная гостя.

– Иди-иди, я сама все сделаю. Давай же, – Вольна спешно выпихнула Раду за дверь, та еле успела накинуть на ходу шубу. Захватив из прохладных сеней корзинку с едой, любимица князя вернулась к подруге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.